

ISSN 0321-0626

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 2 1993 ЖУРНАЛ

"...ИСТОРИЯ
ПРЕДКОВ
ВСЕГДА
ЛЮБОПЫТНА
ДЛЯ ТОГО,
КТО ДОСТОИН
ИМЕТЬ
ОТЕЧЕСТВО".

Н.М. Карамзин

Первая мировая:
армия, которую
бросили
на заклятие

Дневник
Мартина
Бормана

Неизвестное
о «военно-
фашистском
заговоре»
в РККА

«Антоновщина»:
социальная
драма

Какому богу молиться российскому солдату?
(Посвящение в язычество в славянской общине триверов-сварожичей)

Фото А. Е. ШАДРИНА

**50-летие
разгрома
немецко-
фашистских
войск под
Сталинградом**

● 2 февраля капитулировала последняя из окруженных под Сталинградом группировок врага. В плен попало 91 тыс. солдат и свыше 2500 офицеров, в том числе 24 генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

● Бои в разрушенном городе.

● Поле боя. Разбитая фашистская техника.
(По материалам Центрального государственного архива кинофотодокументов)

● Ветераны Великой Отечественной войны участники Сталинградской битвы Владимир Васильевич Козин и Анатолий Степанович Якушевский в Центральном музее Вооруженных Сил.

Фото А. Е. ШАДРИНА

УЧРЕЖДЕН
МИНИСТЕРСТВОМ
ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 2 1993 ЖУРНАЛ

Ежемесячное издание Генерального штаба Вооруженных Сил России

Главный редактор
В. С. ЕЩЕНКО.

Редакционная коллегия:
Н. Т. АКСЕНОВ
(заместитель
главного редактора),

И. А. АНФЕРТЬЕВ
(ответственный
секретарь),

А. Д. БОРЦОВ,
В. А. ЗОЛОТАРЕВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. ИЩЕНКО,
Д. Ш. КАРИМОВ,
Г. И. КОРОТКОВ,
О. Ю. ЛАТЫПОВ,
Ю. К. ЛУГОВОЙ,
А. М. МАЙОРОВ,
Р. Г. ПИХОЯ,
В. А. РЫБИН,
А. Н. СИНИЦЫН,
А. М. СОКОЛОВ,
В. А. ЧИРВИН,
В. И. ШЕРЕМЕТ.

Художественный редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
редакция «Военно-
исторического журнала».
Тел.: 296-44-87, 296-45-08,
296-45-16, 296-45-35.

Сдано в набор 25.12.92.
Подписано к печати 31.03.93.
Бумага 70x108/16.
Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. кр.-отт. 12,6.
Тираж 30 000 экз.
Зак. 182. Цена 18 р.
Регистрац. № 01978.

Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-7,
Хорошевское шоссе, 38.

© «Военно-исторический
журнал», 1993.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1993.

● ВПЕРВЫЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ

Отдали жизнь за Родину
(Публикация А. Д. СИДОРОВА) 3
Побратимы А. Матросова
(Публикация Н. В. БОРИСОВА) 5

● ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ

Л. Е. РЕШИН, В. С. СТЕПАНОВ — Судьбы
генеральские... 8

● ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

В. П. ГАЛИЦКИЙ — Там, в Бекетовке, под
Сталинградом... 18

● ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Н. Г. КУЗНЕЦОВ — Крутые повороты 23

● ШЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

В. И. ДУДИН, И. Н. КОСЕНКО — Запланированная
трагедия 36

● ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

Н. Н. ГОЛОВИН — Военные усилия России в
мировой войне 51

● СОЦИАЛЬНАЯ ДРАМА НАРОДА

Крестьянская война
(Публикация П. А. АПТЕКАРЯ) 66

● ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

О масштабах репрессий в Красной Армии в
предвоенные годы 71

(Публикация А. С. СТЕПАНОВА)

Погибли в годы беззакония 81

(Публикация О. Ф. СУВЕИРОВА)

Н. Г. СЫСОЕВ — «Практик марксизма» 84

● ЗА КУЛИСАМИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

Мартин Борман: «Умрем с нашим фюрером...» 88
(Публикация В. А. ЛЕБЕДЕВА)

● С ЮМОРОМ — К ПОБЕДЕ

Русская военная история в занимательных
и поучительных примерах 94
(Публикация Н. Ф. КОВАЛЕВСКОГО)

● ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ

96

*Поздравляем читателей журнала,
всех ветеранов Советских Вооруженных Сил
с 75-й годовщиной
рождения Красной Армии.*

К 50-летию Сталинградской битвы

В ноябре 1992 года в Волгограде и Москве состоялись научные конференции, посвященные одной из величайших битв второй мировой войны — Сталинградской битве, положившей начало коренному перелому в самой кровопролитной войне в истории человечества. С победой советских войск под Сталинградом четко обозначился разлад в фашистской коалиции, который неминуемо привел ее к распаду, а у поработанных народов Европы появилась реальная надежда на возрождение их растоптанной вермахтом государственности.

Участники конференции убедительно показали, что даже по истечении 50 лет Сталинградская битва продолжает приковывать пристальное внимание не только военных специалистов и историков, но и самых широких кругов зарубежной и отечественной общественности, а также всех тех, кому дорога память о советских воинах, отдавших жизнь за освобождение народов Европы от «коричневой чумы».

О Сталинградской битве написано немало. Это научные труды, мемуарная и художественная литература, газетные и журнальные статьи. Выпущено много художественных и хроникальных фильмов. Однако, к сожалению, есть еще в истории битвы белые пятна, малоизвестные факты и эпизоды, позволяющие современным фальсификаторам продолжать попытки принижать ее роль во второй мировой войне, а также значение ее для судеб мира.

Участники конференций, освещая в своих выступлениях различные вопросы, связанные с разработкой и проведением операции, ходом боевых действий и работой тыла, а также созданием экономических предпосылок разгрома противника, влиянием победы советских войск под Сталинградом на ход войны в целом, пытались сосредоточить внимание именно на малоизвестных документах и свидетельствах участников битвы. Это им удалось.

Не касаясь отдельных недостатков в работе конференций, хотелось бы подчеркнуть, что они во многом способствовали активизации разработки этой сложной и важной проблемы, привлечению внимания к ней военных историков, и в первую очередь молодых, укреплению дружбы и взаимопонимания между нашей страной и объединенной Германией.

*Полковник П. И. БАЛАШОВ,
кандидат исторических наук*

Отдали жизнь за Родину

СПИСОК

генералов, адмиралов, корпусных и дивизионных комиссаров Советской Армии и Военно-Морского Флота, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.)

Н.П. Иванов

П.С. Иванов

Н.М. Ивановский

Н.Ф. Иконников

124. Генерал-майор Иванов Николай Петрович, 1897 года рождения. Командир 41-й гвардейской стрелковой дивизии. Погиб 25 февраля 1943 г. Похоронен в братской могиле, г. Барвенково Харьковской области.

125. Генерал-майор Иванов Петр Самсонович, 1898 года рождения. Командир 18-й кавалерийской дивизии Калининского фронта. Находясь в окружении и будучи тяжело раненным, покончил жизнь самоубийством в июле 1942 года.

126. Генерал-майор Ивановский Николай Михайлович, 1904 года рождения. Командир 206-й стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта. Погиб в бою 31 де-

кабря 1943 года. Похоронен в г. Переяславе-Хмельницком Киевской области.

127. Генерал-майор Иконников Николай Федорович, 1905 года рождения. Заместитель начальника оперативного управления штаба 1-го Белорусского фронта. Умер 2 октября 1944 года после тяжелого ранения, полученного в автомобильной катастрофе. Похоронен в г. Бресте.

128. Генерал-майор Ильин Александр Михайлович, 1897 года рождения. Командир 61-го стрелкового корпуса. Умер от ран 28 мая 1944 года. Похоронен в г. Луцке Волынской области.

129. Генерал-майор медицинской службы Ионин

Иван Дмитриевич, 1895 года рождения. Главный эпидемиолог Красной Армии. Умер от болезни 21 февраля 1945 года. Похоронен в Москве.

130. Генерал-майор артиллерии Казаков Александр Филимонович, 1897 года рождения. Командующий артиллерией 63-го стрелкового корпуса Брянского фронта. Погиб в бою 17 августа 1941 года. Похоронен на ст. Салтыковка Гомельской области.

131. Генерал-майор артиллерии Калашников Дмитрий Дмитриевич, 1902 года рождения. Командующий артиллерией 2-й Ударной армии Волховского фронта. Погиб 14 февраля 1943 года во время артиллерийского обстрела противника. Похоронен в г. Волхове Ленинградской области.

А.М. Ильин

И.Д. Иони

А.Ф. Казаков

Д.Д. Калашников

Д.М. Карбышев

И.П. Карманов

В.П. Каруна

Г.М. Катенин

132. Герой Советского Союза генерал-лейтенант инженерных войск Карбышев Дмитрий Михайлович, 1880 года рождения. Начальник кафедры тактики Военной академии Генерального штаба. Пленен противником в 1941 году на Западном фронте во время выхода из окружения. Погиб в плену героической смертью 18 февраля 1945 года.

133. Генерал-майор Карманов Иван Петрович, 1892

года рождения. Командир 62-го стрелкового корпуса Калининского фронта. Погиб в октябре 1941 года.

134. Генерал-майор Каруна Василий Петрович, 1899 года рождения. Командир 152-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта. Погиб в бою 30 сентября 1943 года. Похоронен в г. Днепропетровске.

135. Генерал-майор Катенин Геннадий Михайлович, 1900 года рождения.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками 65-й армии Центрального фронта. Умер от болезни 29 октября 1943 года. Данных о месте захоронения нет.

*Публикацию подготовил
генерал-лейтенант
А. Д. СИДОРОВ
Фото предоставлены
А. А. СТЕПАНОВЫМ*

В проверке и уточнении указанных сведений принимали участие полковник В. И. Иванов, полковник А. К. Дергачев, генерал-майор запаса В. А. Булгаков, полковник запаса Э. С. Иванов, полковник запаса А. В. Гуленков, О. В. Перетьяко.

(Продолжение следует)

ПОБРАТИМЫ А. МАТРОСОВА

Емельяненко Константин Викторович — гвардии рядовой, комсорг роты 313 гв. сп 110 гв. сд 5-й гв. А 2-го Украинского фронта. 23 ноября 1943 года в бою за с. Павлыш Александрийского района Кировоградской области закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. 29 сентября 1980 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1923 году в г. Кременчуге Полтавской области в семье рабочего. Украинец. Член ВЛКСМ. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в братской могиле у с. Сметановка Александрийского района. На могиле установлен памятник. (Фото не обнаружено.)¹

Комар Анатолий Григорьевич — рядовой, разведчик 332-й отдельной разведроты 252 сд 53-й армии 2-го Украинского фронта. 24 ноября 1943 года в бою у с. Онуфриевка Кировоградской области закрыл своим телом пулемет противника. 19 апреля 1944 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1928 году в г. Славянске Донецкой области в семье рабочего. Украинец. Член ВЛКСМ. В Красной Армии с 1943 года добровольно. В г. Славянске улица, на которой жили его родители, школа, в которой он учился, названы его именем².

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 6-7, 8, 9, 10, 11, 12; 1993. — № 1.

А.Г. Комар

П.А. Мирошниченко

Ж. Молдагалиев

П.И. Костенко

Г.Г. Гафиятуллин

А.И. Волков

И.Н. Куликов

И.К. Скуридин

И.И. Вершинин

А.Ф. Типанов

Карпешин Василий Федорович — рядовой, пулеметчик 68-й мехбригады 8-го мехкорпуса 2-го Украинского фронта. В ночь на 30 ноября 1943 года в бою за с. Бандуровка Александровского района Кировоградской области закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Родился в 1925 году в Москве в семье рабочего. Русский. Член ВЛКСМ. Работал на одном из заводов столицы. В Красной Армии с 1942 года добровольно после гибели отца. Окончил Московское военное пехотное училище. Похоронен в с. Бандуровка. (Фото не обнаружено).³

Мирошниченко Петр Афанасьевич — лейтенант, командир взвода разведки 717 сп 170 сд 48-й армии 1-го Белорусского фронта. 1 января 1944 года в бою за освобождение деревни Печищи Светлогорского района Гомельской области закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. 3 июня 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 10 октября 1922 года в с. Заполье Миропольского района Житомирской области в семье крестьянина. Украинец. Член ВКП(б). Работал в колхозе, затем слесарем Сумского машиностроительного завода. В Красной Армии с 1941 года. В 1942 году окончил курсы младших лейтенантов. Похоронен в г. Светлогорске, где ему установлен памятник. На здании клуба в с. Печищи установлена мемориальная доска.⁴

Молдагалиев Жангазы — гвардии лейтенант, командир роты 120 гв. сп 39 гв. сд 8-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта. В ночь на 24 октября 1943 года в числе первых форсировал Днепр в районе Днепропетровска, за что 19 марта 1944 года был удостоен звания Героя Советского Союза. 1 ноября 1943 года в бою у с. Чернопаровка, что в 64 км от Днепропетровска, исчерпав все возможности, заглушил своим телом вражеский пулемет. Родился 7 июня 1917 года в местечке Кара-Аул Абай-

ского района Семипалатинской области в семье крестьянина. Казах. Член ВКП(б). Работал секретарем райисполкома. В Красной Армии с 1938 года. Похоронен на станции Елизарово Солонянского района. Имя героя носят школы, в которой он учился, и на станции Елизарово.⁵

Костенко Павел Иванович — главный старшина, помкомвзвода 142-го отдельного батальона морской пехоты 255-й бригады морской пехоты Отдельной Приморской армии. 11 января 1944 года в бою за высоту в районе Керчи Крымской области закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 16 мая 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1917 году в семье шахтера в г. Кривой Рог Днепропетровской области. Украинец. Член ВКП(б). Работал слесарем металлургического завода в г. Кривой Рог, затем шофером. В Красной Армии с 1937 года. Улица в Кривом Роге носит его имя.⁶

Гафиятуллин Газинур Гафиятович — сержант, заместитель командира отделения 20 сп 37 сд 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта. 14 января 1944 года в бою за деревню Овсище Великолукского района Псковской области заглушил пулемет противника своим телом. 14 июня 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 13 января 1913 года в с. Сугушла Бугульминского (ныне Лениногорского) района Татарской АССР в семье крестьянина. Татарин. Кандидат в члены ВКП(б). Работал в колхозе и леспрохозе. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в братской могиле в деревне Мякотино Великолукского района. Памятники установлены в г. Бугульма и в с. Сугушла.⁷

Волков Александр Иванович — гвардии младший лейтенант, командир взвода 131 гв. сп 45 гв. сд 42-й армии Ленинградского фронта. 15 января 1944 года в бою в районе деревни Рехолово Ленинградской области закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. 5 октября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1916 году в деревне Хотицы Псковского района Псковской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б). Работал слесарем завода «Металлист» в Пскове (ныне ПЭМЗ). В Красной Армии в 1937-1939 гг. и с 1941 года. Именем героя названа улица в Пскове. Похоронен в Санкт-Петербурге.⁸

Куликов Иван Николаевич — гвардии рядовой, стрелок 191 гв. сп 64 гв. сд 42-й армии Ленинградского фронта. 16 января 1944 года в бою за с. Койрово у Черной речки Ленинградской области закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 5

октября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1925 году в деревне Пронино Краснохолмского района Калининской области в семье крестьянина. Жил в Ленинграде. Русский. Член ВЛКСМ. Работал в блокадном Ленинграде. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен на Пулковских высотах. В Санкт-Петербурге есть улица, носящая его имя⁹.

Скуридин Иван Куприянович — старший сержант, командир отделения 4 сп 98 сд Ленинградского фронта. 17 января 1944 года в бою за деревню Сокули Гатчинского района своим телом заглушил вражеский пулемет. 30 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 21 августа 1914 года в с. Отрадное ныне Макинского района Целиноградской области в семье крестьянина. Русский. Кандидат в члены ВКП(б). Работал бухгалтером макинской конторы «Заготзерно». В Красной Армии в 1936–1940 гг. и с 1941 года. Похоронен в деревне Гостилицы Ломоносовского района Ленинградской области. Мемориальная доска установлена в совхозе «Вильповицы» Гатчинского района. Совхоз на родине и улица в Магадане носят имя героя¹⁰.

Вершинин Иван Иванович — сержант, парторг отдельной разведроты 80 сд 54-й армии Волховского фронта. 18 января 1944 года в бою у деревни Егоровка Тосненского района Ленинградской области закрыл собой товарищей от огня вражеского пулемета. Награжден орденом Отечественной войны II степени (посмертно). Родился в 1918 году в с. Калистратиха Калманского района Алтайского края в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б). Работал в колхозе. В Красной Армии с 1939 года. Похоронен в братской могиле в г. Любань Ленинградской области. Улица и школа № 29 в поселке Саблино Ленинградской области названы его именем¹¹.

Типанов Александр Федорович — гвардии рядовой, пулеметчик 191 гв. сп 64 гв. сд 42-й армии Ленинградского фронта. 18 января 1944 года в бою у Красного Села Ленинградской области (ныне в черте Санкт-Петербурга) своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. 13 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 20 октября 1924 года в с. Устье Сасовского района Рязанской области в семье рабочего. Русский. Член ВЛКСМ. Работал механиком катера на реках Цна и Мокша. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в

Красном Селе. На могиле установлен памятник. Улицы в Санкт-Петербурге и Рязани, теплоход на озере Галич носят его имя¹².

Источники

¹ЦАМО РФ, ф. 1305, оп. 1, д. 39, лл. 178–179, 201; Комсомолец Полтавщины. — 1974. — 27 августа.

²ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 686044, д. 2611, л. 143; Социалистический Донбасс. — 1962. — 19 мая; Письмо матери А. Комара автору от 22 ноября 1965 г.

³ЦАМО РФ, ф. 8-го мехкорпуса, оп. 39350, д. 3, л. 8; Известия. — 1971. — 8 февраля; Вечерняя Москва. — 1975. — 21 января.

⁴ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 31, л. 231; Красная звезда. — 1964. — 26 июня; 1967. — 12 октября; Сельская газета. — 1968. — 4 декабря.

⁵В наградном листе — Жангас Акимович, что неправильно. В 1960 году внесено исправление по письму брата — Жангазы. По данным ГУК МО СССР, погиб 1 января 1944 г. В ряде источников подвиг датируется 1 ноября 1943 г. (См.: Красная звезда. — 1964. — 3 июня и 26 декабря; Правда Украины. — 1970. — 27 января; Казахстанская правда. — 1967. — 22 марта).

⁶ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 23, л. 351; Новосибирский рабочий. — 1966. — 15 июня; Крымская правда. — 1961. — 1 марта.

⁷ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 10, лл. 285–287; Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. — М.: Молодая гвардия, 1975. — С. 58.

⁸Буров А. В. Твои герои, Ленинград. — Л.: Лениздат, 1964. — С. 305–308; Псковская правда. — 1967. — 7 января; 1969. — 7 февраля; Письмо матери героя автору.

⁹ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 24, лл. 92–93; Буров А. В. Твои герои, Ленинград. — Л.: Лениздат, 1970. — С. 360–363.

¹⁰ЦМВС РФ, № 6427–4; Кривоногов В. Герой Советского Союза Иван Скуридин. — Алма-Ата.: Казгосполитиздат, 1962; Смена (Ленинград). — 1964. — 17 января; Приокская правда (Рязань). — 1964. — 31 января.

¹¹В бой за Родину. — 1944. — 20, 25, 27 января; Алтайская правда. — 1967. — 6 июня; Молодежь Алтая (Барнаул). — 1973. — 23 февраля.

¹²Ягодинский Е. А. Золотые Звезды речников. — Вып. 2. М.: Изд-во ДОСААФ, 1976. — С. 105–108; Красная звезда. — 1974. — 24 октября. На мемориальной доске, установленной на развалинах дота, неточно указана дата подвига — 17 января 1944 г.

*Публикацию подготовил
Н. В. БОРИСОВ,
старший научный сотрудник
Института военной истории*

Фото из архива автора

СУДЬБЫ

Закутный Дмитрий Ефимович, генерал-майор, командир 21 ск, 1897 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1919 года, в Красной Армии с 1918 года. Вступил в командование 21 ск после гибели в июле 1941 года генерал-майора В. Б. Борисова.

26 июля 1941 года остатки корпуса, которым командовал Закутный, были окружены в районе сел Большая и Малая Зимницы Гомельской области. При выходе из окружения Закутный, не оказывая сопротивления, сдался немцам.

Закутный был последовательно допрошен в штабе корпуса, в штабе 2-й армии и в штабе группы армий «Центр». По его словам, во время допроса командир немецкого корпуса сообщил, что в плен взят профессор Академии Генерального штаба генерал-лейтенант Д. М. Карбышев. Однако из протоколов допроса Закутного, находящихся среди трофейных немецких документов, видно, что именно он обратил внимание немецкого командования на то, что среди пленных находится генерал Д. М. Карбышев.

После допросов Закутный был направлен в лагерь военнопленных в Лодзь, а оттуда в конце ноября 1941 года — в Хаммельсбург, в Офлаг XIII-D.

Еще на первых допросах Закутный предложил сформировать альтернативное правительство исключительно из лиц, проживающих в Советском Союзе, способное свергнуть существующий строй.

В Хаммельсбурге Закутного несколько раз вызывали на допрос сотрудники немецких спецслужб. Вопросы задавались одни и те же: о политических взглядах, об отношении к национальному русскому правительству, которое будет сформировано немцами. Ответы Закутного удовлетворили следователей.

30 октября 1941 года Закутный был переведен в лагерь для французских военнопленных в Лихтенфельде, близ Берлина. Там он консультировал немецкое командование относительно советских укрепленных районов и редактировал переводы уставов Красной Армии. В марте 1942 года Закутного направили в лагерь военнопленных, расположенный в Циттенхорсте, где на курсах министерства по делам восточ-

ных территорий готовились кадры для работы в лагерях и на оккупированной территории. С ним проводилась индивидуальная подготовка. В январе 1943 года Закутного перевели в «свободный лагерь Вустрау», где проходила окончательная проверка кадров, предназначенных для практической работы. В феврале того же года Закутный был принят на службу в организацию «Винета» при министерстве по делам восточных территорий, где стал редактором пропагандистской литературы — брошюр, листовок, воззваний и плакатов.

В августе 1944 года Закутный был откомандирован в распоряжение Власова и включился в работу по созданию «Комитета освобождения народов России» и подготовке «Манифеста КОНР».

В КОНР Закутный занял пост начальника главного управления по гражданским делам. Перед ним стояла задача обеспечить приток в РОА людей из числа «остарбайтеров» — советских граждан, вывезенных на принудительные работы в Германию.

В апреле 1945 года Закутный, будучи уполномочен Власовым на ведение переговоров с союзным командованием по вопросу о предоставлении руководителям КОНР политического убежища, получил соответствующий мандат и остался в городе Фюссене. Но уже 1 мая 1945 года город был занят американцами. Закутный, задержанный военной полицией, был доставлен в штаб дивизии, где предъявил свой мандат. Его отпустили. Но 20 мая он был вновь задержан немецкой полицией, созданной американцами, и помещен в тюрьму. 13 июня 1945 года Закутный был передан американской стороной советскому командованию.

1 августа 1946 года Закутный был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни через повешение. В последнем слове Закутный сказал: «Я еще не безнадежно потерял для своей Родины и прошу сохранить мне жизнь, дав этим возможность хотя бы частично искупить столь большую мою вину. Прошу дать мне возможность умереть честным человеком, а не врагом своего государства».

Мальшкин Василий Федорович, генерал-майор, начальник штаба 19-й армии, 1896 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1919 года, в Красной Армии с 1918 года,

ГЕНЕРАЛЬСКИЕ...

награжден орденами Красного Знамени, «Знак Почета» и медалью «XX лет РККА». В 1938 году арестовывался органами НКВД и находился под стражей 14 месяцев.

В начале октября 1941 года части 19-й армии, в том числе и штаб во главе с командующим армией генерал-лейтенантом М. Ф. Лукиным, попали в окружение. До 12 октября советские войска вели бои с целью прорвать кольцо, но их усилия результатов не дали. Было принято решение выходить из окружения небольшими группами в направлении Можайска. Командарма Лукина, который был тяжело ранен, оставили в одном из населенных пунктов. Малышкин же, переодевшись в гражданскую одежду, пошел в направлении Гжатска. 24 октября во время ночевки в лесу у костра он был взят в плен немецкими солдатами.

Малышкин был направлен в Вяземский лагерь для военнопленных, где выдал себя за солдата стройбатальона Володина. В начале ноября его разоблачили и отправили в Смоленский лагерь для военнопленных. В январе 1942 года он попал в лагерь в Фюрстенберге, где снова допрашивался абвером. В апреле этого же года Малышкин был направлен в Вульгайде, на курсы пропагандистов, где был сперва слушателем, а затем выполнял обязанности преподавателя.

В декабре 1942 года Малышкин был переведен на работу в Берлин, в отдел пропаганды вооруженных сил Германии, где уже служил Власов. Тот сообщил Малышкину, что по заданию немцев занимается организацией «Русского комитета», и предложил войти в инициативную группу и подписать обращение. В числе подписавшихся был и бургомистр Смоленска Меньшагин, поскольку по легенде «Русский комитет» был создан в Смоленске.

В мае 1943 года в Дабендорфе Малышкин провел от имени «Русского комитета» антибольшевистскую конференцию, на которой присутствовали слушатели пропагандистских курсов и представители сформированных немцами «восточных» частей. Опять-таки по легенде эта конференция, на которой было объявлено о грядущем создании РОА, проводилась якобы в Смоленске.

В июле Штрик-Штрикфельдт предло-

жил Малышкину выехать в Париж для установления контактов с русской эмиграцией. 24 июля Малышкин выступил с докладом в зале «Ваграм» о целях «освободительного движения». В марте 1944 года Малышкин снова побывал во Франции, возглавив там пропагандистскую работу среди «восточных» батальонов, выведенных туда с Восточного фронта. Как заявил Малышкин на следствии, он, выступая перед «легионерами», призывал их сражаться с англичанами и американцами, поскольку возможность вести борьбу с советскими войсками и партизанами была упущена.

В сентябре 1944 года Малышкин принял участие в подготовке создания КОНР и выпуске от его имени «Манифеста». 14 ноября 1944 года в Праге Малышкин зачитал на заседании членов КОНР положение об этом «комитете».

После создания КОНР Малышкин возглавил в нем главное организационное управление. Именно он подготовил «кредитное соглашение» с немцами, по которому Германия предоставляла КОНР кредит (неопределенную сумму и на неопределенный срок). По словам Малышкина, немцы оставляли за собой право решать вопрос об условиях предоставления кредита. Расплатиться власовцы обещали за счет золотых запасов Советского Союза, как только те попадут в руки КОНР.

Кроме того, Малышкин контролировал деятельность «отдела безопасности», возглавляемого Тензорным (Н. В. Ветлугиным¹), готовившего агентуру для работы в СССР.

В марте 1945 года КОНР спешно перебравшись в Карлсбад, подальше от предполагаемой советской зоны оккупации. Малышкин предложил стянуть вооруженные формирования в горный Тироль, занять одно из ущелий и под прикрытием войск договориться с американцами о продолжении деятельности КОНР. 20 апреля в Фюссене ему было поручено установить прямую связь с англичанами и американцами. 29 апреля Малышкин встретился с американским генералом Петчем, который заявил, что вопрос о предоставлении политического убежища деятелям КОНР может быть решен только правительством США. Малышкина поместили в американский лагерь для военнопленных в Аугсбурге, где уже находился Жиленков. Здесь, посове-

щавшись, они подали заявление американскому командованию, предлагая свои услуги разведке. 2 октября 1945 года Малышкина, Жиленкова и еще нескольких власовцев перевели в лагерь американской разведки в городе Оберруссель (18 км от Франкфурта-на-Майне). Там Малышкин написал для американской разведки несколько докладов о системе подготовки командных кадров в СССР. Особенно интересовались американцы Академией Генерального штаба.

27 марта 1946 года начальник Главного управления контрразведки «Смерш» Абакумов направил Сталину и Молотову сообщение об аресте Малышкина. В нем указывалось, что местопребывание Малышкина и Жиленкова было установлено агентурным путем еще в сентябре 1945 года. После работы, проведенной уполномоченным Совета Министров СССР по делам репатриации генералом Ф. И. Голиковым, 26 марта 1946 года американское командование передало Малышкина в городе Эйзенахе советским властям.

Абакумов писал: «Следовательно, вся руководящая верхушка созданного немцами антисоветского «Комитета освобождения народов России» и так называемой «Русской освободительной армии», за исключением Жиленкова, находится в наших руках.

Опрошенный Малышкин подтвердил, что Жиленков действительно находится у американцев, в населенном пункте Оберруссель, близ города Франкфурт-на-Майне, в связи с чем через аппарат товарища Голикова будет снова поставлен вопрос перед американцами о возврате нам Жиленкова.

Следствие по делу Власова и других его руководящих сподвижников в количестве 11 человек подготовлено для рассмотрения в суде. В эту группу будет включен также и ныне арестованный Малышкин.

В соответствии с Вашим указанием материалы по делу Власова и других в настоящее время просматривает товарищ Жданов, и в ближайшее время Вам будут представлены для рассмотрения и утверждения наши предложения об организации суда над этой группой «власовцев».

1 августа 1946 года Малышкин был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни через повешение. В последнем слове Малышкин сказал: «Сейчас не могу объяснить, что сыграло решающую роль в преступлении, которому нет имени. Я пошел против общественного и государственного строя. Я дал все показания, я ничего не скрыл, все изложил. Умирать, конечно, неохота. Но после всего, что мной сделано, как смотреть в глаза людям? Жду сурового приговора».

Наумов Андрей Зиновьевич, генерал-майор, командир 13 сд, 1891 года рождения, член ВКП(б) с 1925 года, в Красной

Армии с 1918 года, награжден медалью «XX лет РККА».

Со слов Наумова, в ночь на 23 июня 1941 года 13-я стрелковая дивизия, которая дислоцировалась в районе города Замброво, отходила с боями к Белостоку. 25 июня ею был занят оборонительный рубеж по правому берегу реки Нарев, но в ночь на 26 июня был получен приказ об отходе в район Супросельской пуши. Отход осуществлялся под сильными ударами немецких наземных войск и авиации. Личный состав дивизии был рассеян и управление частями нарушено. Остатки дивизии вечером 26 июня достигли рубежа реки Зельвянка, но при попытке форсировать ее понесли большие потери, так как восточный берег был занят немцами. Переодевшись в гражданскую одежду, красноармейцы стали выходить из окружения группами по 3-4 человека. На станции Осиповичи Наумов попал в облаву и, как гражданское лицо, препровожден в Минский лагерь, откуда его выпустили, как местного жителя (в Минске жила семья Наумова). Однако 18 октября Наумов был арестован на квартире и доставлен в минскую тюрьму, где находился два месяца, затем направлен в Минский лагерь для военнопленных. Там Наумов подал заявление о желании проводить шпионскую работу против СССР. В апреле 1942 года он был переведен в лагерь военнопленных в городе Кальвария (Литва), а затем в Офлаг XIII-Д (Хаммельсбург).

В Хаммельсбурге Наумов дал показания представителю МИД Германии советнику Хильгеру, рассказав о приеме в Кремле 5 мая 1941 года выпускников военных академий (немцы искали доказательство подготовки СССР к нападению на Германию). Здесь, в лагере, он затем осуществлял вербовку военнопленных в «восточные» батальоны.

24 сентября 1942 года Наумов обратился в комендатуру лагеря с заявлением:

«Доношу, что среди русских военнопленных лагеря ведется сильная советская агитация против тех людей, которые с оружием в руках хотят помогать немецкому командованию в деле освобождения нашей родины от большевистского ига.

Эта агитация исходит главным образом от лиц, принадлежащих к генералам, и со стороны русской комендатуры. Последняя стремится всеми средствами дискредитировать тех военнопленных, которые поступают на службу к немцам в качестве добровольцев, употребляя по отношению к ним слова: «Эти добровольцы всего-навсего продажные души».

Тех, которые работают в историческом кабинете, также игнорируют и оскорбляют такими словами, как: «Вы продались за чечевичную похлебку».

При таком положении дел русская комендатура вместо оказания помощи этим

людям в поднятии производительности труда совершает обратное. Она находится под влиянием генералов и всячески старается препятствовать работе.

Активное участие в этой агитации принимают: генералы Шепетов², Тхор³, Тонконогов⁴, полковник Продимов, подполковник Новодаров.

Все вышеприведенное соответствует действительности, и я надеюсь, что комендатура лагеря благодаря принятию соответствующих мер обеспечит успешное выполнение порученных ей задач.

Генерал А. Наумов».

Меры были приняты — на Родину вернулся только генерал Тонконогов, остальные погибли в концлагерях и тюрьмах.

В октябре 1942 года Наумов записался в немецкую военно-строительную организацию ТОДТ, где сначала занимал должность начальника строевого отдела лагеря в местечке Шляхтензее, близ Берлина, а затем — должность коменданта участка работ «Белое болото», около города Борисова. В мае 1943 года группа военнопленных, работавших на этом участке, совершила побег. Наумов был снят с должности и направлен в Лодзь, в лагерь для «фольксдойче», где находилась его семья. В октябре 1944 года Наумов с семьей перебрался в Берлин, устроился работать черноработчим на трикотажной фабрике «Клаусс». 23 июля 1945 года он был арестован в лагере для репатрированных.

19 апреля 1950 года Наумов был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания — расстрелу.

В последнем слове Наумов сказал: «Я очень виноват и должен понести наказание за совершенные мною преступления. Я не враг Советской власти, а подлец и предатель своей социалистической Родины. Я променял шкуру свою и семью на Родину. Готов понести любое наказание. Виноват».

Рихтер Борис Стефанович, генерал-майор, начальник штаба 6 ск, 1898 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1928 года, в Красной Армии с 1918 года, награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА».

По словам генерал-лейтенанта И. Н. Музыченко и генерал-майора И. И. Алексеева, 27 или 28 июня 1941 года Рихтер отправился в танке на разведку в направлении Яворово (Львовская обл.). К вечеру вернулись лишь экипажи двух танков сопровождения, которые сообщили, что нарвались на артиллерийский огонь немцев, танк же Рихтера успел проскочить вперед. С тех пор на нашей стороне генерала Рихтера не видели, а 28 августа 1941 года семья его получила извещение, что генерал-майор Рихтер Борис Стефанович пропал без вести в бою за социалистическую Родину.

Однако в 1942-1943 гг. от задержанных немецких агентов, закончивших Варшав-

скую разведшколу, стали поступать сообщения, что в числе преподавателей этой школы имеется некто Рудаев — по слухам, бывший генерал Красной Армии. Правда, агенты по-разному описывали этого человека: кто утверждал, что это брюнет низкого роста, а кто — что это высокий блондин. Не имели устойчивых признаков и такие приметы, как цвет глаз, манера говорить и пр. Вместе с тем 18 декабря 1942 года в органы госбезопасности поступили оперативные материалы о том, что под псевдонимом Рудаев скрывается бывший начальник штаба корпуса или армии генерал-майор по имени Борис Степанович. На основании этого был сделан вывод, что речь может идти о генерал-майоре Б. С. Рихтере.

В дальнейшем агентам, обучавшимся в Варшавской разведшколе, предъявлялась для опознания фотография Рихтера. Поскольку по фотографии Рихтер был опознан многими людьми, на основании этого Военная коллегия Верховного суда СССР 21 июня 1943 года заочно приговорила его по ст. 58-1 «б» УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества.

Однако в 1965 году у главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции А. М. Горного возникли сомнения в том, что Рудаев и Б. С. Рихтер — одно и то же лицо. Однако предписания генерала Горного по дополнительной проверке обстоятельств этого дела полностью выполнены не были. Сомнения остались.

Салихов Маркис Бикмуллович, генерал-майор (по приговору военного трибунала Южного фронта от 29 июля 1941 года понижен в звании до полковника), командир 60 гсд, 1896 года рождения, татарин, член ВКП(б) с 1920 года, в Красной Армии с 1919 года, награжден двумя орденами Красной Звезды и медалью «XX лет РККА».

В постановлении о возбуждении уголовного дела, составленном в Главном управлении контрразведки «Смерш» 5 мая 1943 года, утверждалось, что Салихов, будучи командиром дивизии, сдался в плен, добровольно пошел на службу в германские разведорганы. С мая 1942 года он работал старшим преподавателем Варшавской разведшколы, готовившей разведчиков и диверсантов из числа советских военнопленных.

В постановлении указывалось также, что в 1919 году Салихов служил в колчаковской армии. Правда, в послужном списке это звучало так: «...с мая по ноябрь 1919 года служил писарем продбазы речной флотилии Колчака».

Война началась для Салихова неудачно — 29 июля 1941 года за провал боевых операций он был приговорен к 10 годам тюремного заключения (с отбыванием наказания по окончании боевых действий) и к понижению в звании и должности. В справке Главного управления кадров НКО ука-

звалось, что в этот же день он был назначен командиром 980 сп 275 сд. Но свидетели утверждали, что Салихов остался в 60-й горно-стрелковой дивизии. В январе 1942 года Главное управление кадров НКО издало приказ об исключении Салихова из списков личного состава, как пропавшего без вести.

Однако захваченный в плен агент немецкой разведки Копылов показал 6 июля 1942 года на допросе в особом отделе 3-й ударной армии, что в Варшавской разведшколе имеется преподаватель агентурной разведки — бывший командир 60 гсд генерал-майор Салихов, работающий под псевдонимом Османов. Подобные показания дали и другие захваченные или перешедшие на сторону Красной Армии немецкие агенты, допрошенные в особых отделах 40-й армии, Северо-Западного, Южного, Северо-Кавказского, Западного фронтов. Некоторые из них знали Салихова и по Владимир-Волыньскому лагерю для военнопленных, и по Варшавской разведшколе. Допрошенный 6 марта 1943 года в особом отделе Северо-Кавказского фронта Н. Г. Заяц показал, что Салихов прибыл в разведшколу 7 мая 1942 года, собрал знавших его слушателей и предупредил о неразглашении его фамилии.

Многие из допрошенных опознали генерал-майора М. Б. Салихова по фотографии как Османова, и все назвали очень сходные предметы.

Заключение по обвинению Салихова в измене Родине (ст. 58-1 «б» УК РСФСР) было утверждено 12 мая 1943 года. На судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, состоявшемся под председательством армейского юриста В. В. Ульриха 20 июня 1943 года, Салихов был приговорен заочно к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией лично ему принадлежащего имущества.

Дальнейшая судьба М. Б. Салихова неизвестна.

Трухин Федор Иванович, генерал-майор, начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта, беспартийный, в Красной Армии с 1918 года, награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА».

Как показал 31 октября 1942 года А. Г. Мудров, шофер 614 оатб при штабе СЗФ, 27 июня 1941 года он выехал из г. Режицы в Двинск. В машине находились генерал-майор Трухин, его адъютант — старший лейтенант и сержант, фамилий которых он не помнит. В пути их обстреляла из пулемета немецкая бронемашина, потом подошла вторая и также открыла по ним огонь. Трухин приказал всем оставить машину и бежать в лес. Во время перебежки адъютант и сержант были убиты, а Мудров ранен в бедро. Укрывшись от противника в лесу, Трухин приказал шоферу наблюдать

за бронемашинами, а сам скрылся во ржи. Примерно через 40-50 минут бронемашины ушли, и шофер начал разыскивать Трухина, но так и не нашел.

Со слов Трухина, он был настигнут немецким танком и сдался в плен без сопротивления. После допроса в штабе корпуса Трухин был направлен 30 июня 1941 года в лагерь военнопленных в Шталупенен, а через несколько дней — в Хаммельсбург, в Офлаг XIII-D.

В сентябре 1941 года Трухин вступил в «Русскую трудовую народную партию», созданную военнопленным, бывшим прокурором 100-й стрелковой дивизии Мальцевым. Отметим, что максимальное число членов РТНП не превышало двухсот человек. Трухин показал впоследствии: для увеличения численности партии Мальцев объявил, что работу вне лагеря (эта работа помогала существенно улучшить питание) пленные смогут получать только через РТНП. Трухин разработал положение о военном отделе руководящего органа этой партии, а также положение о формировании «Русской национальной армии» из советских военнопленных. Эти документы были использованы гитлеровцами в последующей работе по разложению войск и тыла Красной Армии.

В ноябре 1941 года Трухин был переведен в лагерь Валь, где представитель министерства по делам восточных территорий предложил ему возглавить один из лагерей, в котором намечалось готовить персонал для немецких учреждений на оккупированной территории. В мае 1942 года Трухин был назначен «русским комендантом» такого лагеря в Циттенхорсте и получил справку об освобождении из лагеря для военнопленных.

Надо сказать, что Трухин не сразу принял этот пост — ему предлагались и другие. Весной 1942 года он был доставлен в Варшавскую разведшколу, где ему предложили должность преподавателя. Пробыв там около недели, Трухин уехал — работа оказалась незначительной. Манили перспективы...

В сентябре 1942 года Трухин был назначен на должность преподавателя, затем заместителя старшего преподавателя курсов в Циттенхорсте. В марте 1943 года после встречи с Малышкиным и Власовым представитель «восточного министерства» Френцель вручил Трухину предписание об откомандировании его в распоряжение отдела пропаганды вооруженных сил Германии. Как и Власов, Трухин был зачислен в штаты «восточного батальона пропаганды особого назначения» — так официально именовался «Русский комитет». Через некоторое время Трухин назначается начальником учебной части, затем начальником курсов пропагандистов в Дабендорфе. Приказом генерал-инспектора «восточных» войск Трухин был утвержден в звании ге-

нерал-майор с правом ношения знаков различия РОА. Право же носить немецкие знаки различия он заслужил очень скоро, хотя оклад долгое время оставался на уровне немецкого фельдфебеля — 280 марок в месяц.

В октябре 1944 года Трухин был переведен в Берлин в распоряжение главного штаба СС для проведения мероприятий по созданию агентурно-политической организации «Комитет освобождения народов России». Уже через месяц после «учредительного собрания» Трухин был назначен начальником штаба вооруженных сил КОНР. Правда, приказ о создании штаба был представлен на утверждение 28 января, а утвержден только 28 апреля 1945 года главным штабом СС и генерал-инспектором «восточных войск».

Вступив в должность, Трухин развернул бурную деятельность по сколачиванию «сил освобождения». В своей статье в газете КОНР «Воля народа» от 18 ноября 1944 года он писал:

«Уже сейчас можно сказать, что Красной Армии будут противостоять такие войска, которые ни в техническом отношении, ни в военной выучке не будут уступать, а морально они будут ее, несомненно, превосходить, потому что бойцы и офицеры Вооруженных Сил Освобождения Народов России идут в бой во имя великой идеи освобождения России от большевизма, во имя счастья своих народов. Сейчас уже можно сообщить, что Вооруженные Силы Освобождения Народов России будут вполне самостоятельны, подчинены Главнокомандующему генерал-лейтенанту А. А. Власову и будут иметь в своем составе все рода войск, необходимые для ведения современной войны, и вооружение по последнему слову техники».

С трудом верится, что Трухин, преподававший в 30-е годы «Тактику высших соединений» в Академии Генерального штаба, не видел приближающейся катастрофы нацистской Германии. Или ему изменяло чувство реальности, или в своем холуйстве он сознательно шел на циничный самообман и предательство соотечественников.

Все заботы по формированию вооруженных сил КОНР осуществляло германское командование через специальный штаб. Назначение на офицерские должности осуществлялось генерал-инспектором «восточных» войск Кестрингом по согласованию с управлением кадров вермахта. Оружие предоставлял вермахт, политические цели использования вооруженных сил КОНР определял рейхсфюрер СС Гиммлер. Трухин взял на себя задачу по подготовке кадров для разведорганов КОНР. Хотели готовить и боевиков-террористов, но не успели — война закончилась.

В апреле 1945 года перед Трухиным встала новая задача — войти в контакт с англо-американским командованием с

целью обеспечения политического убежища членам КОНР. 4 мая 1945 года Трухин направил к союзникам бывших военнослужащих Красной Армии Арцезова и Позднякова. Посланцы возвратились с таким ответом: американцы готовы взять РОА в плен, но никаким гарантиям дать не могут. Трухин выехал к Власову для согласования порядка капитуляции. 7 мая 1945 года в районе города Пржибрам он был задержан офицерами Красной Армии.

1 августа 1946 года Трухин был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни через повешение. В последнем слове сказал: «Я изложил всю гадость, мерзость, гнусность моего падения начиная с 1941 года. Нет имени преступлениям, которые я совершил. Я сознался во всем. Я сделал бесконечно много гадостей и поэтому жду и готов вынести любой приговор».

Богданов Михаил Васильевич, комбриг, начальник артиллерии 8 ск, 1897 года рождения, русский, беспартийный, в Красной Армии с 1919 года, награжден медалью «XX лет РККА».

По словам Богданова, 8-й стрелковый корпус попал в окружение 5 августа 1941 года. 7 августа был разработан план прорыва из окружения. Для облегчения этой операции впереди войск были пущены танки, в одном из них находился командир корпуса генерал-майор Снегов. Однако корпусу не удалось прорвать кольцо окружения. Начальник штаба корпуса полковник Бобров, заместивший попавшего в плен командира, собрал совещание генералов и старших офицеров штаба, где было решено выходить из окружения малыми группами. Богданов в сопровождении двух командиров пошел на юго-восток (путь на север был заблокирован). 8 августа немцы захватили спутников Богданова, ночевавших в стоге сеном. Соседним стогом, где спал Богданов, солдаты не поинтересовались. Но 10 августа во время ночевки в лесу он все же был задержан.

Богданова бегло допросили в штабе какой-то дивизии. Офицер разведотдела задавал разные вопросы: «Будет ли прекращено сопротивление, если захватят Москву?» — «Нет». — «Велики ли резервы Красной Армии?» — «Не знаю». — «Имеются ли на вооружении химические снаряды?» — «Не знаю и этим слухам не верю». Немец сказал также, что его дивизия захватила в плен генералов Понеделина и Кириллова, и добавил, что немцы согласны на любое правительство в СССР, лишь бы во главе не было Сталина.

Пройдя через несколько лагерей для военнопленных, Богданов очутился в Замостье, где, по его словам, он просто помирал. 6 апреля 1942 года Богданова вместе с группой пленных советских генералов отправили в Хаммельсбург, в Офлаг-ХІІІ Д.

Приняв предложение представителя не-

мецкого командования, Богданов начал работать в «историческом кабинете», написал историю 8 ск, а затем собрал и обобщил все написанное о боевых действиях Юго-Западного фронта вплоть до Киевской операции.

5 ноября 1942 года в Офлаг XIII-Д прибыли представители военно-строительной организации ТОДТ, занимавшиеся вербовкой специалистов из числа военнопленных. 18 ноября Богданов в числе других отобранных (до 120 человек) военнопленных был направлен в местечко Шляхтензее, близ Берлина. Через месяц переправлен в г. Борисов и назначен начальником учебной части так называемой «Высшей русско-немецкой школы специалистов», готовившей квалифицированных работников тыловых служб германской армии.

В июне 1943 года перешедшие на сторону партизан бывшие выпускники и сотрудники школы организовали встречу Богданова с представителями партизанской опергруппы. Человек, назвавшийся «майором госбезопасности Пастуховым Иваном Григорьевичем», предложил Богданову специальное задание — внедриться в РОА и попытаться физически уничтожить или дискредитировать Власова, а затем принять на себя руководство РОА. Богданов дал подписку о сотрудничестве и получил псевдоним Гвоздев.

Представитель партизан задал вопрос о том, кто еще из числа пленных генералов и старших офицеров, находящихся в Хаммельсбурге, мог бы активно участвовать в подпольной работе. Богданов назвал генерал-лейтенанта инженерных войск Д. М. Карбышева...

Забегая вперед, скажем, что бывший советский военнопленный И. В. Евстифеев на допросе в августе 1945 года в 4-м управлении НКГБ показал, что осенью 1943 года он получил от партизан аналогичное задание, причем ему были сообщены псевдоним и характер задания Богданова. Евстифеев показал также, что задание это он не выполнил, поскольку охрана Власова была хорошо организована. Впоследствии, когда он был арестован службой безопасности (СД), ему сообщили, что все это было провокацией, а представители партизан на самом деле агенты СД. Евстифеев сказал также, что Богданов об этом знал.

Но отметим, что этот эпизод — об участии Богданова в провокации СД — из обвинительного заключения по его делу был исключен...

30 августа 1943 года Богданов, будучи в командировке в Берлине, встретился с Власовым, который хорошо знал его по совместной службе в 99 сд. Власов когда-то командовал ею (99 сд входила в состав 8 ск).

По словам Богданова, Власов сказал ему следующее: «Война кончится в 1946 году,

а так как обе стороны несут большие потери, это приведет к возникновению гражданской войны как в Германии, так и в СССР. Вот тогда я, Власов, и проявлю себя в полной мере, возглавив ту сторону, которая будет бороться против существующего строя. Тогда нужен будет человек, который «встав на бочку», произнесет несколько слов и поведет за собой толпу. Я, Власов, и есть такой человек. Для того чтобы обладать авторитетом, надо обладать реальной вооруженной силой. Такая сила — РОА».

Тем временем Богданов получил повышение — стал заместителем начальника управления организации ТОДТ, действовавшего при группе армий «Центр» и имевшего наименование «Волга». Ряд исследователей полагают, что это воинская часть численностью до полка, сформированная из военнопленных. На самом деле в составе этого управления было несколько рабочих команд, выполнявших строительные и дорожные работы.

В октябре 1943 года в связи с многочисленными побегами это управление было расформировано. Богданов, испугавшись, что его вернут в лагерь военнопленных, обратился к Власову с просьбой о зачислении в РОА. Тот отказал, сказав, что это не в его компетенции и что для решения этого вопроса следует обращаться к заместителю командира «восточного батальона пропаганды особого назначения» капитану Деллингхаузену. В состав этого батальона входили «Русский комитет», канцелярия Власова и школа пропагандистов — все, чем располагала РОА.

20 ноября 1943 года Богданов был зачислен в «офицерский резерв» школы пропагандистов с окладом по 16-й категории — 10 марок в декаду, как у рядового солдата. Однако в декабре того же года при школе была создана «инспекционная группа» под началом Благовещенского, и Богданов был включен в ее состав. Теперь его услуги оплачивались по 4-й категории — 60 марок в декаду, что соответствовало окладу немецкого унтер-офицера.

В это же время Богданов встретился с Евстифеевым, который сообщил, что акция по устранению Власова поручается Богданову. Последний передал Евстифееву информацию о делах в штабе Власова, несколько документов и материалов. Больше они не виделись.

После нескольких инспекционных поездок по лагерям военнопленных Богданов в конце декабря 1944 года был назначен начальником артиллерийского отдела штаба КОНР. Звание генерал-майор РОА с правом ношения немецких знаков различия было присвоено ему немцами 1 декабря того же года.

Штаб КОНР находился в лагере Хойберг, где формировалась 650-я «русская» пехотная дивизия, она же 2-я дивизия РОА. Когда исход войны стал ясен окончательно,

на последнем заседании КОНР было принято решение стянуть все части РОА в район Зальцбург, Инсбрук. Путь лежал через Чехословакию. Как показал Богданов на суде, он связался с партизанами и просил их задержать власовские части, но те не сумели этого сделать. Потом он якобы передал партизанам письмо, в котором просил забрать его. Через некоторое время за ним приехали...

Богданов был взят под стражу 10 мая 1945 года, постановление на его арест оформлено 18 мая того же года. Военной коллегией Верховного суда СССР он приговорен к высшей мере наказания — расстрелу — 19 апреля 1950 года. На суде признал себя виновным полностью. В отношении задания, полученного от партизан, заявил: «Я получал задания, но не мог выполнить их, так как мне не помогли. А помогли бы хотя немного, я мог бы и выполнить задание — уничтожить Власова. Что я мог сделать один в Берлине?» В последнем слове Богданов сказал: «Я честно рассказал в процессе предварительного следствия и на суде о своих преступлениях. Верю в справедливость советского правосудия».

Загадочная история... В ней многое надо было бы уточнить. Пока лишь скажем читателю, что если в сообщении И. В. Сталину от 4 января 1946 года о подготовке суда над Власовым и группой его сообщников начальник Главного управления контрразведки «Смерш» Абакумов внес комбрига М. В. Богданова в список подсудимых, то уже в следующем сообщении, от 28 марта того же года, фамилии Богданова в этом списке не было — на этом месте стояла фамилия полковника М. А. Меандрова.

Севастьянов Андрей Никитович, воинского звания не имел, начальник артиллерии 266 сд, 1887 года рождения, русский, беспартийный, в Красной Армии с 1918-го по 1922 год и с июня по сентябрь 1941 года. Этот человек никогда к высшему командному составу Красной Армии не принадлежал.

На первом допросе в Управлении контрразведки «Смерш» Группы советских оккупационных войск в Германии, состоявшемся 18 февраля 1946 года, Севастьянов сообщил, что он родился в Москве в 1885 году (прибавил себе два года), является кадровым артиллерийским офицером старой армии, окончил Михайловское артиллерийское училище, учился в Артиллерийской академии, но, не закончив ее, в 1915 году ушел на фронт. Служил в артиллерийских частях, дослужился до чина штабс-капитана, награжден семью орденами, в том числе орденом св. Георгия 4-й степени. В Красную Армию вступил в 1918 году, служил помощником начальника артиллерии 2 сд, затем работал в Главном артиллерийском управлении и в Управлении артиллерии Московского военного ок-

руга, носил на петлицах ромб... С началом Отечественной войны вступил в ополчение. Как специалист, был направлен в 266 сд на должность начальника артиллерии в звании комбрига. В сентябре 1941 года во время боев 21 А в окружении командующий 21-й армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов назначил его начальником артиллерии армии и присвоил звание генерал-майора...

Но на последующих допросах Севастьянов изменил свои биографические данные. Он показал, что родился в 1887 году в семье приказчика. Окончив в 1905 году коммерческое училище, поступил в Высшее техническое училище, но через год ушел оттуда. Работал контрощиком в различных московских торговых фирмах. В 1915 году вступил на правах вольноопределяющегося в армию, получил назначение в 64-ю артиллерийскую бригаду в чине бомбардира. 17 февраля 1916 года был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Все это подтверждалось справкой из ЦГВИА. По словам Севастьянова, через два месяца он был произведен в прапорщики. Но никаких документальных подтверждений этого нет, тем более о производстве в следующие чины и о награждении семью боевыми орденами. Да и логика подсказывает, что получить за год службы подраж четыре офицерских чина и семь орденов — это из области фантастики. Хотя, конечно, чего не бывает...

В Красную Армию Севастьянов вступил в 1918 году. Здесь его показания совпали с предыдущими. После демобилизации из армии в 1922 году Севастьянов работал бухгалтером в различных учреждениях. Трижды он привлекался к уголовной ответственности: в 1924 году — за спекуляцию золотом и валютой (административно выслан на два месяца), в 1927 году — за растрату 11 тыс. рублей (приговорен народным судом к 7 годам тюремного заключения), в 1938 году — за растрату 6 тыс. рублей (от следствия скрылся, жил в Москве нелегально). С началом войны Севастьянов, боясь ответственности за растрату и уклонение от воинского учета, записался в ополчение. Выдав себя за артиллерийского специалиста из высшего комсостава, Севастьянов получил назначение на должность начальника артиллерии 266 сд, хотя в воинском билете у него была запись о принадлежности к среднему административному комсоставу (бухгалтер-учетчик). По его словам, командир 266 сд направил в штаб МВО аттестационные документы на присвоение Севастьянову звания капитана, но по приказу начальника артиллерии 21-й армии генерал-майора Фомина он надел знаки различия комбрига — ромб на петлице.

266 сд убыла на фронт 18 августа 1941 года, а 18 сентября Севастьянов сдался в плен — уже как комбриг.

После допроса на сборном пункте в Пи-

рятине Севастьянов был направлен в Киевский лагерь для военнопленных. Там он выдал себя за генерал-майора. Немцам было все равно, и его присоединили к группе пленных генералов. Вместе с ними Севастьянов был переведен во Владимир-Волинский лагерь. В апреле 1942 года его направили в «шталаг-За», в июле того же года перевели в Вульгайде, где были курсы пропагандистов. В августе Севастьянов был доставлен в Хаммельсбург, в Офлаг XIII-D, где принял самое активное участие в работе уже известного читателю «исторического кабинета». В ноябре того же года Севастьянов подал заявление о вступлении в военно-строительную организацию ТОДТ и был назначен начальником «Высшей русско-немецкой школы специалистов», а по совместительству — начальником управления «Волга».

В июне 1943 года Севастьянов вместе с группой сотрудников управления «Волга» выезжал в Орловскую область для организации фортификационных работ силами местного населения, а затем для эвакуации семей командного состава «бригады Каминского», переформированной вначале в 29-ю «русскую» дивизию СС, а затем в 650-ю «русскую» пехотную дивизию (1-я дивизия РОА).

В связи с ликвидацией управления «Волга» Севастьянов подал заявление о вступлении в РОА и 20 октября 1943 года был зачислен в офицерский резерв школы пропагандистов в чине генерал-майора РОА (с окладом немецкого ефрейтора). С января 1944 года Севастьянов работал в инспекторской группе, совершенствовал методы склонения советских военнопленных к измене Родине. В октябре 1944 года Севастьянов был назначен немцами в штаб РОА на должность начальника отдела материального обеспечения. «Фактически, — рассказывал он, — мы занимались только учетом полученного от немцев имущества, даже заявок не составляли. Распределением занимался полковник Херре из немецкого штаба формирования 1-й дивизии РОА».

К концу апреля 1945 года 2-я дивизия РОА, при которой находился штаб РОА, была сосредоточена в деревне Россбах (на границе с Чехословакией). 3 мая были направлены делегаты к американцам для переговоров о предоставлении политического

убежища. Американцы ответили, что никаких гарантий дать не могут, и предложили сдать в течение 48 часов. Севастьянов продержался в американской зоне до 15 февраля 1946 года.

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР был вынесен Севастьянову 10 февраля 1947 года — расстрел с конфискацией лично ему принадлежащего имущества. В последнем слове Севастьянов сказал: «Мне уже шестьдесят лет. Одной ногой стою в могиле. Оправдаться мне нечем, да и глупо, смешно. Поступил как мальчишка. За свои преступления я подлежу расстрелу, но все же прошу снисхождения». Приговор был приведен в исполнение 10 марта 1947 года.

Судьба Севастьянова необычна — уголовник-рецидивист выдал себя за советского генерала и стал генералом РОА. Но нечто похожее все же уже было. Выдал себя за генерал-лейтенанта бригадный комиссар Жиленков. Выдали себя за генералов полковники Шаповалов и Арцезов. В звании бригаденфюрера СС ходил Каминский. Видимо, немцам было выгодно иметь у себя на службе как можно больше пленных советских генералов. Разумеется, в пропагандистских целях. Все равно эти генералы с окладами ефрейторов никакого влияния на планы германского командования оказать не могли, ну, а ради бахвальства можно было им позволить и ношение генеральских погон...

¹ Тензоров (Ветлугин Н. В.) — подполковник РОА, руководитель управления безопасности при КОНР.

² Шепетов Иван Михайлович — полковник, с 12. 10. 1941 г. — генерал-майор. Командир 14 гв.сд, умершвлен в концентрационном лагере Флоссенбург. Герой Советского Союза.

³ Тхор Григорий Иванович — генерал-майор авиации, командир 62 бад. Был сбит и, раненный, попал в плен в сентябре 1941 г. Участвовал в подпольной деятельности. Умершвлен гестапо в концентрационном лагере Флоссенбург. Герой Советского Союза (звание присвоено в 1992 г.).

⁴ Тонконогов Яков Иванович (1897-1985) — генерал-майор, командир 141 сд. Попал в плен под Уманью. В 1945 г. возвращен на Родину.

⁵ Приказ ОКХ № 11/72012/45 от 28. 04. 1945 г.

**Л. Е. РЕШИН,
В. С. СТЕПАНОВ**

(Продолжение следует)

*В ближайших номерах журнала под рубрикой
«За кулисами "третьего рейха"» читайте:*

«ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ "ВАЛЬКИРИЯ"»

*Собственноручные
показания
военнопленного – майора
германской армии
Иоахима Куна –
одного из
организаторов
покушения
на Гитлера.*

«Генерал фон Цильберг передал мне письмо, и я прочитал: «По высочайшему приказу немедленно арестуйте майора генштаба Куна и направьте последнего в полицейскую тюрьму в Берлин. Апелляция бесполезна».

Мне оставалось лишь несколько минут, чтобы принять решение. Располагая такими подробными данными о заговоре, мне нельзя было попасть в руки гиммлеровской службы безопасности».

Спасая свою жизнь, майор генерального штаба вермахта Кун переходит линию фронта. Находясь в советском плену, он вспоминал:

«В первых числах октября 1943 года я посетил Штауффенберга в его штабе в главной ставке верховного командования сухопутных

войск и поставил прямой вопрос: «Что делать?» Штауффенберг ответил: «Фюрер должен умереть».

«Вернувшись после краткой командировки, я был вызван генералом Фельгиббелем, который спросил меня, известно ли мне о том, что тайная полевая полиция обнаружила закопанное взрывчатое вещество. Никогда в жизни я не испытывал такого страха, как в тот момент...»

«Система контроля, шпионажа и прочих контрразведывательных мероприятий в Германии развита в таком масштабе, что только полностью законспирированный внезапный переворот может иметь успех. Первой и единственной предпосылкой успеха была и есть смерть Гитлера».

Мы могли ошибаться. Мы являлись офицерами и не имели опыта подобного рода. Однако одно обстоятельство я хочу подчеркнуть особенно: мы действовали из лучших побуждений и наша цель соответствовала желаниям большей части германского народа».

**Во втором полугодии 1993 года
в нашем журнале будут напечатаны
нигде не публиковавшиеся:**

- материалы о деятельности адмирала Канариса и руководимой им агентуры в европейских странах накануне и в годы второй мировой войны;
- документальные свидетельства очевидцев последних дней и часов жизни Адольфа Гитлера.

Мам, в Бекетовке, под Сталинградом...

«Я пережил Сталинград, опустошительные марши в плену, я выдержал даже лагерь смерти Бекетовку, где за пару недель из 55 000 моих товарищей 42 000 погибли от голода и болезней»¹.

Признаюсь, это «свидетельство» бывшего немецкого военнопленного меня, юриста, серьезно изучающего историю и разрабатывающего проблему военного плена в прошлом и будущем, неприятно поразило. Зная судьбу немецких военнопленных не по опросам, а по документальным материалам, зная, сколько было сделано простыми советскими людьми (и прежде всего медиками) для спасения десятков тысяч полуживых, тифозных, завшивленных, дистрофических немецких солдат и офицеров, я испытал чувство стыда и за бывшего военнопленного Г. Курца, выжившего благодаря помощи и заботе советских людей, деливших с ним и ему подобными последним куском хлеба, и за советскую историческую науку, которая так и не сделала достоянием гласности многие правдивые документы о судьбе военнопленных, находившихся в плену в СССР не один месяц, но три-четыре, а то и восемь-десять лет. Однако оставим эмоции и перейдем к истории лагеря «смерти» в Бекетовке и его обитателей с момента создания лагеря и до его ликвидации.

В результате успешных боевых действий советских войск в районе Сталинграда к 19 ноября 1942 года была окружена 300-тысячная армия Германии под командованием генерал-фельдмаршала Паулюса. Еще до начала окружения и, конечно же, после него поступление вражеских военнопленных стало массовым. Согласно сводкам Совинформбюро в районе Сталинграда была окружена группировка немецких войск численностью до 200-220 тыс. человек. Уничтожение группировки началось

23 ноября 1942 года², но уже с 19 ноября немецкие солдаты получали только по 100-150 г хлеба в день. Прочно блокировав окруженную группировку с воздуха, советские авиаторы и зенитчики с 19 ноября 1942 года по 10 января 1943-го сбивали под Сталинградом свыше 600 немецких транспортных самолетов³. Не принимая во внимание тяжелого положения своих войск, оказавшихся в окружении, немецкое командование решение о капитуляции не принимало. А на боевых позициях ежедневно в среднем замерзало от 400 до 500 немцев. Общие же ежедневные потери фашистских войск составляли не менее 1500 солдат⁴.

8 января 1943 года командующий войсками Донского фронта генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский и представитель Ставки ВГК генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов подписали ультиматум о капитуляции и направили его немецкому командованию. Последнее этот ультиматум отклонило, и советские войска с 10.00 9 января 1943 года перешли в наступление.

За время боев в районе Сталинграда советские войска взяли в плен 91545 немецких солдат и офицеров (см. табл. 1), в том числе 24 генерала и примерно 2500 офицеров.

Таблица 1

Поступление вражеских военнопленных в ходе боев в районе Сталинграда

Время пленения	Количество военнопленных
10 — 16 января 1943 г.	6896
17 января — 1 февраля 1943 г.	39 104
1 — 2 февраля 1943 г.	45 000
3 — 22 февраля 1943 г.	545
Итого	91 545

Учитывая зимние условия и то, что подавляющее большинство вражеских воен-

¹ Из интервью западногерманского исследователя Карла Гейнца Фризера с бывшим немецким военнопленным Г. Курцем // Militärgeschichtliches Beiheft zur Europäischen Wehrkunde. — 1989. — № 3. — S. 1.

² ЦХИДК, ф. 1п, оп. 34а, д. 2, т. 1, л. 9.

³ Там же, л. 10.

⁴ Там же, л. 10.

нопленных поступало в тяжелейшем физическом и психическом состоянии, заместитель командующего Донским фронтом по тылу генерал-лейтенант И. Г. Советников 25 декабря 1942 года издал приказ о создании для их приема и эвакуации дополнительных армейских приемных пунктов в Воробьевке, Ново-Троицком, Севастьяновском, Затуловском. Кроме этого, были разработаны мероприятия по организации бесперебойного питания военнопленных в пути следования от армейских приемных пунктов (АПП) до лагерей. Одновременно, во избежание заболеваний и эпидемий, а также для оказания своевременной помощи раненым, обмороженным и больным в воинских госпиталях были открыты специальные отделения для лечения военнопленных⁵.

Вместе с тем количество военнопленных продолжало возрастать. Поэтому заместитель командующего Донским фронтом по тылу 26 января 1943 года приказал начальнику тыла 64-й армии немедленно приступить к организации фронтового лагеря для военнопленных в пригороде Сталинграда, в районе поселка Бекетовка, получившего номер 108. Распоряжением оргпланового отдела управления тыла Донского фронта № 023 от 26 января 1943 года предлагалось: «Помещения лагеря оборудовать нарами, топчанами, печами, офицерский состав обеспечить постельными принадлежностями и посудой индивидуального пользования. Предусмотреть отдельные помещения для рядового состава, младшего командования и офицеров. Обеспечить лагерь для военнопленных продовольствием, горячей пищей и кипятком. Всех военнопленных, захваченных войсками 64-й и 57-й армий, содержать в лагере Бекетовка... Срок полного оборудования 31 января 1943 года»⁶. После этого заместитель народного комиссара внутренних дел СССР Серов распоряжением № 52/2016 от 3 февраля 1943 года дал указание представителям управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР) Смирнову и Шустрину об организации необходимого количества лагерей для военнопленных в районе Сталинграда с подчинением их созданному управлению лагеря № 108, его начальником назначить по совместительству капитана Смирнова. Для обеспечения управления лагеря № 108, а также входивших в его состав всех других лагерей для военнопленных, созданных в районе Сталинграда, всем необходимым имуществом, из управления тыла Красной Армии было дано распоряжение № 24/461 от 4 февраля 1943 года начальнику тыла Донского фронта: «Для приема и размещения военнопленных, взятых под Сталинградом, в районе Бекетовки организовать несколько лагерей-распределителей. Объединять указанные лагеря будет управление лагеря

№ 108. В соответствии с приказом НКО № 001 от 2 января 1943 года прошу:

1. Прикрепить указанные лагеря на продфуражное довольствие к ближайшим продскладам.

2. Из трофейного имущества выделить необходимый автогужтранспорт.

3. Обеспечить лошадей фуражом, а автотранспорт — смазочным материалом.

4. Выделить пищевые котлы или походные кухни на 80 000 л, кухонный и хозяйственный инвентарь, а также 30 т колючей проволоки...»⁷. Таким образом, с 3 февраля 1943 года началась деятельность управления лагеря № 108 пос. Бекетовка.

Следует отметить, что суточные нормы питания военнопленных на АПП, во фронтовых лагерях и в пути следования их были установлены уже на второй день начала Великой Отечественной войны и доведены до исполнителей телеграммами Генерального штаба № 131 от 23 июня 1941 года, № ВЭО/133 от 26 июня 1941 года, а также ориентировкой УПВИ НКВД СССР № 25/6519 от 29 июня 1941 года. Нормы суточного довольствия военнопленных были достаточными для обеспечения нормальной жизнедеятельности организма человека (см. табл. 2).

Таблица 2

Нормы суточного довольствия военнопленного в 1941 году

Название продуктов и товаров	Количество, в сутки на одного человека (г)
Хлеб ржаной	600
Мука 85-проц. помола	20
Крупа разная	90
Макароны	10
Мясо	40
Рыба, в том числе сельдь	120
Масло растительное	20
Сахар	20
Махорка	5 пачек в месяц
Чай суррогатный	1,5
Картофель и прочие овощи	600
Томат-пюре	6
Перец	0,13
Лавровый лист	0,2
Соль	20
Мыло хозяйственное	200 в месяц
Спички	5 коробок в месяц

Примечание. Таблица составлена на основании архивных данных (ЦХИДК, ф. 1п, оп. 5а, д. 2, лл. 294-295).

Безусловно, не всегда эти нормы продовольственного и иного снабжения военнопленных соблюдались безукоризненно, в

⁵ Там же, ф. 47п, оп. 22, д. 1, л. 9.

⁶ Там же, л. 10.

⁷ Там же, л. 11.

силу объективных причин, но в основном, как правило, они выдерживались.

До 3 февраля 1943 года в районе Бекетовки было сосредоточено 35 000 военнопленных, которые размещались в четырех пунктах⁸: в поселке Сталгрэс — 14 000 человек, в бараках лесобазы — 8000, в корпусах завода № 91 — 8000 и в поселке Сакко и Ванцетти — 5000 человек.

На 4 февраля 1943 года управление лагеря № 108 приняло от воинских частей еще 76 000 военнопленных⁹. Для их размещения дополнительно были созданы лагеря-распределители в Пальмино, Кисляках, совхозе «Пролетарский», Фролово и Дубовке. Ввиду того что Сталинград и его пригороды были разрушены настолько сильно, что трудно было отыскать помещение, пригодное для жилья, принимались срочные меры по размещению военнопленных в подвалах разрушенных домов. Одновременно проводились мероприятия по организации питания, водоснабжения и охраны. Следует отметить также, что задача организации нормальных условий быта и содержания военнопленных была решена в кратчайшие сроки.

В рассматриваемый период наиболее острой являлась проблема госпитализации раненых и больных военнопленных. А их было очень много. Специальных госпиталей для лечения военнопленных управление лагеря № 108 не имело. Поэтому вопрос об их госпитализации был поставлен перед Сануправлением фронта. И уже к 15

февраля 1943 года на территории Сталинградской области удалось создать семь специальных госпиталей для военнопленных. А к 21 февраля 1943 года 8696 военнопленным была оказана квалифицированная медицинская помощь, в том числе 2775 обмороженным и 1969 раненым и больным, нуждавшимся в хирургическом лечении.

На 22 февраля 1943 года в Сталинграде насчитывалось 91 545 военнопленных (см. табл. 1). Возникли серьезные трудности с их размещением и содержанием. И тогда наркоматом внутренних дел СССР были даны следующие указания: «Из числа имеющихся в Сталинграде военнопленных в течение марта месяца будет вывезено 60 тыс. чел., раненые и больные будут оставлены на месте. Кроме того, для использования на восстановительных работах в Сталинграде временно оставляются до 20 тыс. человек»¹⁰. В соответствии с этим значительная часть военнопленных, захваченных в период Сталинградской битвы, была отправлена в разные пункты страны. Так, офицеры и генералы были размещены в основном в подмосковном Красногорске, Елабуге, Суздале и пос. Черныи Ивановской области.

С момента организации лагерей, т. е. с 3 февраля 1943 года, и до 10 июня 1943 года указанное выше число военнопленных значительно убавилось: были госпитализированы 35 099 человек, отправлены в другие лагеря 28 098, умерли 27 078 человек (см. табл. 3).

⁸ Там же, л. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 13.

Таблица 3*

Движение военнопленных в управлении лагеря № 108 в 1943—1949 гг.

Дата	Состояло, чел.	Прибыло, чел.	Убыло		Репатрировано, чел.
			Всего, чел.	В том числе умерло, чел.	
3 февраля 1943 г.	35 000	76 000	—	—	—
22 февраля 1943 г.	91 545**	—	60 000	—	—
3 февраля 1943 г. —					
10 июня 1943 г.	91 545	—	55 176	27 078	—
10 июня 1943 г.	1270	3821	2905	141	—
1 января 1944 г.	2186	9688	5010	738	—
1 января 1945 г.	6864	17 444	16 223	788	—
1 января 1946 г.	8085	13 610	8634	59	—
1 января 1947 г.	13 065	2411	7236	42	4036
1 января 1948 г.	8236	6457	10 077	4	4140
1 января 1949 г.	4616	2358	6974	5	2723
10 июня 1943 г. —					
1 января 1949 г.	44 312	55 789	57 059	1777	10 899
Итого...	135 857	55 789	57 059	28 855	10 899

Примечания: * Таблица составлена на основании архивных данных (ЦХИДК, ф. 47п, оп. 22, д. 1, лл. 13-15, 58, 63-64, 92).

**Из них следовало госпитализировать 8696 человек, причем 2775 нуждались в лечении от обморожения, а 1969 — в хирургической операции. Всего госпитализировано 35 099 человек.

Учитывая значительный процент смертности среди военнопленных, содержащихся в Управлении лагеря № 108, а также то, что это не было характерным для других таких лагерей, Советское правительство обязало Наркомздрав СССР, НКВД СССР и НКО СССР создать компетентную совместную комиссию в целях выяснения истинных причин смертности в лагерях Управления лагеря № 108. Созданная для выяснения физического состояния военнопленных комиссия в составе начальника санотдела ГУПВ НКВД СССР генерал-майора медслужбы Малинковского (председатель), помощника начальника ГВСУ Красной Армии генерал-майора медслужбы Ратгауза, профессора, доктора медицинских наук Гукосьяна (представитель Наркомздрава СССР), доцента, кандидата медицинских наук Яковлева (представитель Наркомздрава СССР) и Рабиновича (представитель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца) после обследования лагеря военнопленных в Хреновое в период с 22 по 25 марта 1943 года в акте отмечала: «По данным актов физического состояния прибывших в лагерь военнопленных, они характеризуются следующими данными: а) здоровых — 29 проц., б) больных и истощенных — 71 проц. Физическое состояние определялось по наружному виду, к группе здоровых относились военнопленные, могущие самостоятельно передвигаться»¹¹. Далее в том же документе подчеркивалось, что бывшие солдаты немецких рабочих батальонов (до 5000 человек) Сталинградской группировки противника имели только летнюю гражданского типа одежду и, по их показаниям, еще за три месяца до пленения вымерло до 40 проц. личного состава этих частей¹².

Другая комиссия, в составе доктора медицинских наук Жукова-Ворезникова (председатель), военврача 2 ранга Панкова (представитель Приволжского военного округа), военврача Уман (представитель Саратовского облздравотдела) и врача Мельникова (представитель областного комитета Общества Красного Креста и Красного Полумесяца), обследовала с 7 по 17 апреля 1943 года лагерь военнопленных «Вельск» и в своем акте зафиксировала: «У военнопленных выявлена крайняя зашвиленность, их состояние очень истощенное; 57 проц. смертности падает на дистрофию, 33 проц. — на сыпной тиф и 10 проц. — на другие заболевания. ...Сыпной тиф, зашвиленность, дистрофия и авитаминоз отмечались у немецких военнопленных еще во время пребывания в окружении в районе Сталинграда...»¹³. Выводы комиссии подтверждены заявлениями немецких военнопленных из числа компетентных специалистов. Так, немецкий военнопленный врач Гельмут Рудольф Фурманский заявил, что в армии Паулюса с августа 1942 года отмечалась чрезмерная зашвилен-

ность, позднее в его воинской части было 5 проц. заболеваний сыпным тифом и 3 проц. — брюшным¹⁴.

Причиной хронической дистрофии у военнопленных являлось длительное отсутствие нормального питания во время окружения немецких войск под Сталинградом. К примеру, немецкий военнопленный Эмиль Эдуард Фишер при опросе его комиссией заявил, что тогда он получал в день 50 г хлеба и 15 г мясных консервов¹⁵. Немецкий же военнопленный Яков Вимлер засвидетельствовал, что в окружении довольствовался 100 г хлеба в день, 200 г водки и четырьмя папиросами, а военнопленный Вильгельм Шутте¹⁶, родом из Матовиц, до армии студент пятого курса филологического факультета, в течение двух-трех недель ограничивался лишь 25 г хлеба, а некоторые же дни оставался вообще без еды¹⁷.

На основании объективного обследования немецких военнопленных и их опроса (прежде всего компетентных специалистов) комиссия под председательством начальника санотдела ГУПВ НКВД СССР генерал-майора медслужбы Малинковского сделала заключение, что в 6-й немецкой армии чрезмерные физические и нервные нагрузки, плохие санитарно-гигиенические условия привели к резкой зашвиленности, дистрофии и другим заболеваниям¹⁸. В результате многие военнопленные были в лагере с заболеваниями, имевшими необратимый характер.

Советское правительство уделяло серьезное внимание вопросам содержания военнопленных и их трудового использования. Перед администрацией управления лагеря № 108 были поставлены следующие задачи: ликвидировать заболеваемость и своевременно предотвращать смертность среди военнопленных; обеспечить улучшение их физического состояния, не допускать производственных травм; добиваться выполнения норм выработки всеми работающими военнопленными за счет правильной организации режима их содержания и трудового использования; обеспечить рентабельную работу лагерей; эффективно используя военнопленных, добиваться максимального возмещения ущерба, нанесенного войной, которую развязала против Советского Союза фашистская Германия.

В целях объективного анализа истории лагеря № 108 выделим три периода: первый — с 1943 года по май 1945-го (с момента поступления военнопленных в лагерь № 108 и до капитуляции фашистской армии); второй — с мая 1945 года до осени 1947-го (с момента капитуляции фашистской армии до начала массовой репатриации военнопленных); третий — с осени 1947 года до конца 1949-го (время массо-

¹¹ Там же, ф. 1п, оп. 34а, д. 3, т. 2, л. 2.

¹² Там же, л. 3.

¹³ Там же, лл. 4, 5.

¹⁴ Там же, л. 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, л. 6.

¹⁷ Там же, л. 8.

¹⁸ Там же, л. 10.

вой репатриации военнопленных на родину).

Первый период характеризовался массовым поступлением военнопленных, главным образом из окруженной немецкой группировки под Сталинградом. Подавляющее их большинство было сильно истощено, обессилено, завшивлено, многие были больны сыпным тифом и другими инфекционными болезнями. В тот период главные усилия администрация лагеря направляет на восстановление здоровья военнопленных, подорванного участием в боях и длительным нахождением в окружении в зимних условиях. Для них было введено дифференцированное питание, по возможности принимались меры по улучшению бытовых условий. Им выдавалось денежное вознаграждение за труд в зависимости от доли их участия в производственном процессе. Эти мероприятия обеспечили рост производительности труда военнопленных, использовавшихся на работах по восстановлению разрушенного Сталинграда.

Особенностью второго и третьего периодов в истории лагеря № 108 являлось то, что каких-либо эпидемических и других заболеваний, приводящих к смерти, у военнопленных практически не отмечалось, так как администрацией лагеря были созданы и поддерживались нормальные бытовые условия их содержания. По оценке медицинских комиссий, физическое состояние военнопленных было удовлетворительным (второй период) и хорошим (третий период).

За время существования лагеря № 108 военнопленными было отработано 8 976 304 человеко-дня при валовой сумме заработка 133 328 588 рублей, из которых выдано в качестве денежного вознаграждения 10 797 011 рублей (в 1943 г. — 224 187 рублей, в 1944 г. — 598 725 рублей, в 1945 г. — 1 829 197 рублей, в 1946 г. — 3 146 218 рублей, в 1947 г. — 1 725 778 рублей, в 1948 г. — 1 202 577 рублей и в 1949 г. — 2 070 329 рублей)¹⁹. Денежное вознаграждение давало военнопленным возможность покупать себе продукты в ларьках, организованных при каждом лагерном отделении и в лагере, а также предметы первой необходимости.

Не будем, однако, касаться вопросов организации культурно-просветительной работы в лагерях (на основе международного права), создания антифашистских комитетов и их работы, это вполне самостоятельная тема.

Как уже отмечалось, в лагере № 108 содержались военнопленные, поступившие от Донского и Сталинградского фронтов. С февраля по март 1943 года продовольственным и вещевым снабжением военнопленные обеспечивались из армейских складов, а с марта 1943-го — из ОУВС НКВД СССР Нижне-Волжского округа. В первые дни существования лагеря только 20 проц. военнопленных получали горячую пищу, остальные имели сухой паек. Затем было организовано нормальное питание. Для восстановления нормального физического состояния военнопленных (особенно дистрофиков, раненых и больных) их питание усиливалось сухофруктами, сгущенным молоком, коровьим маслом и другими высококалорийными продуктами. В 1944 году при лагерных отделениях были организованы подсобные хозяйства, где военнопленные выращивали для себя овощи. Кроме того, при лаготделениях работали ларьки, но лишь после войны удалось наладить систематическую торговлю, расширить ассортимент товаров. В ларьках военнопленные имели возможность покупать за свои деньги необходимые им продукты и вещи для личного обихода. Так, через ларьки всех лагерных отделений лагеря № 108 в 1948 году было продано продуктов и товаров на сумму 70 787 рублей, в 1949 году — на сумму 1 819 031 рубль²⁰. Получив полный денежный и вещевой расчет, купив необходимые продукты и вещи, военнопленные лагеря № 108 к концу 1949 года уехали на родину, а лагерь закрылся. На его базе был организован под этим же номером режимный лагерь для военнопленных, совершивших административные и мелкие уголовные преступления.

Вот и вся история лагеря «смерти» в Бекетовке. Десятки тысяч немецких военнопленных, прошедших через лагерь № 108 в Бекетовке, вернулись домой живыми и здоровыми и могут сказать, что плен — это не санаторий, но советские люди сделали все, что от них зависело, чтобы жизнь в плену бывших врагов советского народа была нормальной, достойной человека.

Капитан 1 ранга В. П. ГАЛИЦКИЙ,
кандидат юридических наук, доцент

¹⁹ Там же, ф. 47п, оп. 22, д. 1, л. 79.

²⁰ Там же, л. 97.

Н. Г. КУЗНЕЦОВ

ПОВОРОТЫ

ИЗ ЗАПИСОК АДМИРАЛА

КРУТЫЕ

Н. Г. Кузнецов
с сыном Николаем.
Ленинград. 1954 год.

(Публикуется впервые)

«Встать», — раздалась команда тихим, каким-то полуофициальным голосом, и на возвышении появились члены Военной коллегии Верховного суда. Я узнал идущего впереди Ульриха. Это было плохим предзнаменованием. Ульрих председательствовал на всех крупных политических процессах тех лет, и приговоры коллегии были весьма суровыми. Лично с Ульрихом я знаком не был, но много раз видел его на различных заседаниях. Сидя в приемной или в кулуарах Большого Кремлевского дворца, где проходили сессии Верховного Совета СССР, я не раз наблюдал за ним. Невысокого роста, с небольшими

подстриженными усиками, красными щеками и слащавой улыбкой, Ульрих «шариком» катался среди присутствующих. Он слыл за доброго, словоохотливого и доступного человека. В нем нельзя было с первого взгляда признать человека, вынесшего так много самых суровых приговоров. Его «обтекаемость» и «иезуитская» улыбка говорили скорее о спокойной службе и жизни, не в роли председателя Военной коллегии...

Стоя за высокими прочными перилами, я смотрел на него снизу вверх, пытаюсь разгадать по его лицу и настроению наше будущее. Ничего особенного я не заметил. Холеный и довольный своей судьбой, Ульрих медленно открыл папку и перелистал бумаги. Разве его могли вывести из равновесия такие фигуры, как

мы! Он видывал здесь и людей покрупнее, и дела посерьезнее... Ничего нового по составу обвинения, ничего нового и в наших показаниях. Все держались хорошо, никто не пытался ссылаться на кого-либо, не старался выгораживать себя. Позднее, продумывая этот процесс до деталей, я пришел к выводу, что Ульрих — это слепое орудие в руках вышестоящих органов. Ничего вразумительного он нам не предъявил. Коллегия быстро ушла на совещание. Я понимал, что совещаться-то нет нужды, а они доложат Сталину, и там будет сказано, как поступить с нами.

Особенно томительным оказался перерыв между последним заседанием и вынесением приговора: с 10 часов вечера до 2 часов ночи. Нас поили и кормили за счет Наркомата ВМФ, носили оттуда бутерброды, на улицу не выпускали. «Это плохой признак», — поделился со мной В. А. Алафузов, стараясь сохранять чувство юмора. Смех сквозь слезы! Курили непрерывно. Закурил и я, до этого бросивший эту вредную привычку.

Поистине как после затишья перед бурей началось оживление в коридоре. Появились часовые, еще ранее — неизвестные нам люди. Я увидел медсестру, которая несла ящик с медикаментами. «Пахнет порохом», — подумал я, но положение старшего обязывало меня сдерживаться и даже приободрять своих адмиралов. Почему-то подумалось, что «идет охота за мной», — именно так выразился Алафузов накануне у меня на квартире, и я имел основания полагать, что оглашение приговора начнется с меня.

Если до этого мы неорганизованно входили в зал и занимали места на скамье подсудимых, то теперь нас вызывали и с часовыми сопровождали на свои места по старшинству. Я был в первом ряду. Со мной Л. М. Галлер. Во втором ряду стояли адмиралы В. А. Алафузов и Г. А. Степанов. «Сесть на скамью подсудимых» уже было пройденным этапом. Теперь мы стояли между скамьями подсудимых, а на флангах были часовые с винтовками. До сих пор не знаю как, но в зале оказалось каких-то 5-6 человек, которых раньше не было. Видимо, им было положено присут-

ствовать на этом заключительном «представлении».

Первым читалось дело Алафузова. Обтекаемое обвинение — приговор — 10 лет заключения. У меня пронеслось в голове, что если пойдет по восходящей, то мне возможна «высшая мера». Терпи, казак! Следующим был Степанов — ему также дали 10 лет. Ребус еще не был разгадан. На очереди был Галлер, ему дали четыре года. Ну, значит, двоим по десяти и двоим по четыре года, решил я. Итого 28 лет. Вот что сделали записка карьериста Алферова и пакость Булганина. Но я ошибся. Меня освободили от суда, но предложили понизить в звании до контр-адмирала. «На три сверху», как выразился Г. И. Левченко¹, когда его спросили в тот день о моей судьбе.

После команды коменданту «Исполнить» меня оставили в зале суда, а остальных увели одеваться. Я было рванул к ним проститься, но меня не пустили, и только медсестра предложила мне какую-то пилюлю для успокоения. Я отказался. Значит, тогда я мог еще управлять своими нервами.

Пусть двое из этих четверых обвиняемых еще живы², но приговор фактически сломал этих людей. Неудивительно, что через несколько лет Микоян выразил свое удивление, когда, встретив меня после всего пережитого, нашел еще довольно бодрым и как бы неунывающим. Я ответил ему, что, конечно, такую встряску можно пережить, но меня едва ли хватит на вторую подобную передрыгу. Я, конечно, не думал, что судьба уже готовила мне новое испытание, потому что снова находилась в руках того же «товарища»...

Но человек живуч. Вопреки ожиданиям, позже все почти повторилось, правда, с худшим и более частым преданием меня анафеме отдельными высшими руководителями³. Меня действительно едва не добились, но вот же жив и еще кое-что делаю за письменным столом...

Приказание «привести приговор в исполнение» поставило точку над I, и мы, разделенные, тут же начали нести наказание.

Такова фактическая сторона дела. Теперь, много лет спустя, когда многое не явное тогда стало явным, по-

явилась возможность более глубоко разобраться во всем этом событии.

Задумывался я потом и над тем, в какой степени подобные люди несут ответственность за допущенное нарушение законности. Могут ли они говорить, что это не зависело от них, что они только выполняли приказ? Приходил к выводу, что они должны нести ответственность наряду с теми, кто им приказывал. В военных уставах говорится, что любой военнослужащий, видя преступность полученного приказа, обязан доложить свое мнение и, только получив вторичное подтверждение, может выполнять распоряжение. Конечно, вина Сталина несоизмеримо больше, чем вина Ульриха и ему подобных, но оставлять их безнаказанными означает поощрять и впредь единовластие и бездумное выполнение приказов. Мне думается, в назидание потомству следует привлекать к ответственности и прямых пособников беззакония.

Ульрихи должны отвечать за правильность всех вынесенных ими приговоров. Ворошилова полезно спросить и теперь, как могло слу-

читься, что сотни, тысячи военачальников не без его ведома были репрессированы. Только в этом случае можно выкорчевать все вредные корни этого бурьяна — культура личности. Иначе он может вырасти вновь.

На этом примере можно проследить, как в условиях единовластия, названного культом личности, и боязни высказывать свою точку зрения всякое исходящее от Сталина дело, подобно снежному кому, выросло и принимало в конце концов уродливые, неправильные формы. В данном случае безусловно честный человек Л. А. Говоров не посмел возражать, зная позицию Сталина и Булганина; Н. М. Кулаков, как общественный обвинитель на суде чести, применил все свое красноречие, не стесняясь в выражениях, сгустил краски, а когда дело перешло в Военную коллегия Верховного суда, то Ульрих, не считаясь с фактами, просто вынес тот приговор, который ему был подсказан.

Среди весьма печальных воспоминаний из этого эпизода есть одно хорошее: я удовлетворен был лишь тем, что во всех случаях брал вину на себя и не обвинил никого из своих адмиралов. Об этом я говорил с ними (с Алафузовым и Степановым), когда они, выпущенные после реабилитации в 1953 году, обедали у меня на квартире. На мой вопрос, чем я повинен перед ними, сказали, что я вел себя не только достойно, но и отважно, рискуя собой.

Я некоторое время походил без дела на правах «неприкасаемого» и стал просить использовать меня на какой-нибудь работе. Решил этот вопрос только лично Сталин. Он послал меня в Хабаровск заместителем главкома по Дальнему Востоку к Р. Я. Малиновскому⁴.

В дни работы XVIII съезда ВКП(б).

Слева направо:
П. В. Рычагов, Н. Г. Кузнецов и
Г. М. Штерн. Март 1939 года

Встретивший меня случайно в Кремле Молотов — ведь я оставался членом ЦК (всего более семнадцати лет) — иносказательно произнес, что «придется на некоторое время съездить туда».

Были еще силы. Были еще сносные нервы, и я, не тужа, отправился на Дальний Восток, благо я там уже бывал и даже полюбил в свое время те края...

После естественных переживаний я успокоился и взялся за работу в Хабаровске. Много ездил от Камчатки до Порт-Артура. Был несколько раз на Сахалине и в Дальнем. Через год был по второму разу назначен командовать Тихоокеанским флотом.

Судьба многих оказалась хуже. Искренне морально в сильной степени переживал, что мои товарищи репрессированы.

Служил я «исправно», без обид на незаслуженное наказание. Поддержкой мне было хорошее отношение как моих ближайших помощников, так и рядового личного состава. Все как-то понимали, что со мной случилось несчастье, как своего рода неизбежная в море случайность. Новые погоны контр-адмирала с одной звездочкой меня ничуть не смущали, и мой авторитет, как я заметил, не особенно пострадал. Пожалуй, наоборот!⁵

Как в известной детской игре, я спустился на несколько ступенек ниже, чтобы подниматься снова. «Лиха беда начало», — гласит поговорка. Я сбился с «большой дороги» и теперь, с «подмоченной репутацией», был более уязвим, чем раньше.

Постепенно я дослужился до очередного звания — вице-адмирала — по всем правилам прохождения службы, без всяких скидок. Вот так пришлось заново проходить службу в адмиральских званиях: то было вторично полученное звание вице-адмирала. О чем я, конечно, меньше всего думал, так это о том, что мне еще и в третий раз придется носить это звание. Но пути господни неисповедимы! Не отрицаю, недостатки, видимо, были, но законности в снижении меня в звании в 1956 году было еще меньше, чем при Сталине. Просто по указанию Хрущева было вынесено решение без объяснения вины и преступлений. А для того что-

бы снизить Адмирала Флота Советского Союза в звании до вице-адмирала, нужно иметь достаточно оснований, если, конечно, придерживаться законов.

* * *

Я забежал вперед. Вернемся к 1951 году.

Новый очередной крутой поворот совершился летом именно этого года. Мне пришлось лететь из Владивостока в Москву на доклад министру ВМФ И. С. Юмашеву. Едва вернувшись, снова был вызван на военный совет ВМФ и, вылетая из Владивостока, гадал о причинах срочного и вторичного вызова. Как всегда делая одну ночную остановку в Новосибирске, я около 11 часов по московскому времени, кажется 13 июня, приземлился на флотском Измайловском аэродроме. Уже в гостинице от москвичей узнал, что что-то готовится относительно И. С. Юмашева...

Через несколько дней в маленьком зале Кремля, где обычно проходили не очень многолюдные совещания старших руководителей, было собрано Политбюро ЦК под руководством Сталина.

На этом совещании моряков Сталин сидел в стороне. Председательствовал Маленков. Предложили всем командующим флотами высказаться о делах в ВМФ. Я понимал, что мне, бывшему наркому, надлежит серьезно подготовиться и продумать свое выступление, и потому записался для выступления только на следующий день. Выступил. Ни слова по адресу И. С. Юмашева, что считал при всех обстоятельствах неприличным, а ограничился общими флотскими недостатками, требующими помощи Сталина⁶. Сталин, не проронивший ни слова, что-то писал на бумаге, не прерывал меня. Нас отпустили. Сталин только сказал, что «Юмашев пьет», и предложил подумать о его замене.

Все ждали указаний свыше. На следующий день собрался уже в другом помещении (кажется, в кабинете Маленкова), и на вопрос, что мы надумали, естественно, никто не ответил. Тогда председатель взял слово и сказал, что они на Политбюро обменивались мнениями и решили

«вернуть Кузнецова». Признаться, этого я никак не ожидал! Возражений не было...

Капризы судьбы иногда были тождественны капризам Сталина. Он приказал снять меня, когда был недоволен моей настойчивостью, а окружение охотно поддакивало (даже в случае, если бы он решил меня арестовать). Когда я служил на Дальнем Востоке (1948-1949 гг.), то чаша весов могла склониться как в сторону реабилитации, так и в сторону более строгого наказания. Позднее, работая в Москве, я услышал от самого Сталина, что «кое-кто»⁷ настаивал на том, чтобы «посадить» меня, обещая «важный материал» (о том, что я английский шпион). Я и сейчас прихожу в ужас, представляя, на каком волоске висела моя судьба. Но ей было угодно подсказать Сталину вернуть меня на работу в Москву, когда появились серьезные претензии к И. С. Юмашеву...

Итак, это произошло летом 1951 года. Во Владивосток я уже не вернулся, мне было приказано немедленно вступить в новую и в то же время старую для меня должность. Придя в кабинет, я удивился, как мало в нем изменилось: на столе стояли те же чернильница и письменный прибор, висели те же картины и даже карты на специальном столе лежали те же. Как будто прошло не четыре года, а всего несколько дней.

К И. С. Юмашеву я счел нужным отнестись внимательно и спросил, в чем он нуждается. Обеспечил квартиру в Ленинграде и машиной, именно той (ЗИМ), которую он хотел взять с собой. Я хорошо помнил свой «уход» в 1947 году, когда я, еще оставаясь адмиралом флота, благодаря «вниманию» И. С. Юмашева ездил с шофером А. Т. Твороговым на какой-то старенькой «эмочке», которая больше стояла, чем ходила.

Встал вопрос, что же делать с моим званием. Обсуждали, восстановить мое прежнее звание или дать звание адмирала. Я возразил. Либо восстанавливать и признать первое решение неправильным, либо оставить его в силе.

Пересматривать дело было поручено тому же самому лицу, которому в свое время было приказано «примерно наказать». А. А. Чепцов явил-

ся ко мне и спросил, как это лучше сделать. Я ответил, что он «стряпал» дело, пусть он и расхлебывает. Смущенно извиняясь, он уверял, что его роль была второстепенной. Кто играл «первую скрипку», я не интересовался. Важно, что он был исполнителем, вопреки фактам и совести коммуниста. Но сошлемся на «культ личности» и не будем судить его (Чепцова) строго. Отстаивать свою точку зрения было небезопасно и далеко не всем по плечу. Читающий может спросить: а как вел себя Кузнецов? Не считаю себя безгрешным или отважным и, очевидно, не раз молчал, когда следовало высказать свою точку зрения, но когда дело касалось моих подчиненных, всегда говорил то, что думал. В этом совесть моя чиста.

Так, по второму разу, я надел погоны Адмирала Флота Советского Союза, что равнялось по уставу Маршалу Советского Союза. Это было в 1953 году. Я снова выбрался на «большую дорогу», обогащенный опытом, как следует вести себя и как находить наиболее разумную линию поведения между соглашательством с совестью и безупречной честностью. Но это не помогло. К тому же я, «набив себе шишку», одновременно закалился и убедился, что все-таки следует отстаивать государственные интересы и ставить их выше личных. Может быть, это громко сказано, но это так, и этим я горжусь. Не будь я таким при Хрущеве, то, может быть, сохранил бы свое положение...

Сначала все шло хорошо. Но постепенно назревал новый конфликт. Я чувствовал недоброе отношение ко мне Хрущева и Булганина. Очень сложные отношения с Г. К. Жуковым постепенно стали чувствоваться, сначала за кулисами, а потом вышли и наружу...

И вновь произошел очередной крутой поворот в моей жизни.

Но прежде чем продолжать, стоит вернуться немного назад и подвести итоги своих наблюдений и впечатлений за предвоенный и военный периоды. Именно в эти годы, не сразу, а постепенно, у меня складывались мнения о людях, с которыми пришлось иметь дело. Эти мнения потом под давлением фактов немного менялись, но в основном они сложились тогда. Стремясь быть объектив-

Во время работы Крымской (Ялтинской) конференции. В центре У. Черчилль, В. М. Молотов и Н. Г. Кузнецов.

(Публикуется впервые)

ным, скажу лишь кратко о некоторых из них.

Наркомат ВМФ после выделения в 1938 году⁸ занимал особое положение. Если все наркоматы, за исключением НКО, НКВД и НКВД, замыкались на одного из заместителей предсовнаркома, то Наркомат ВМФ подчинялся непосредственно Сталину. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что некоторые важные вопросы решались быстро в самой высшей инстанции, а плохо потому, что никто иной (даже Молотов), кроме Сталина, их не хотел решать. Время же было предвоенное, и вопросы флота, которыми Сталин много занимался до осени 1939 года (подобно судостроительной программе), были отложены до лучших времен. Оперативные же вопросы и вопросы боевой готовности были фактически поручены наркому обороны и начальнику Генштаба, которые ограничивали свои функции и ответственность только делами Наркомата обороны. Моряки оказались, так сказать, «в подвешенном состоянии» в самом главном, когда назревала война, так как флотские вопросы для Наркомата обороны ви-

сели «камнем на шею»... Этому есть свои объяснения. Тимошенко и Жуков пришли в Наркомат обороны тогда, когда у них действительно было много дел по чисто сухопутной части. К тому же Сталин сковывал их инициативу, ни разу не собрал нас всех вместе по оперативным вопросам, чтобы выяснить, как идет подготовка к войне, и дать нужные указания. Я однажды затронул такой вопрос, но Сталин ответил, что «когда будет нужно, вы получите указания». Это говорит о том, что, по-видимому, он боялся раскрыть свои секреты и не ждал скорой войны. Мне думается, по этой же причине не пересматривались и оперативные планы до последнего времени.

Маршал Тимошенко в 1967 году, находясь рядом со мной в больничной палате на Грановского, попросил у меня «кое-что почитать» про флот. Я дал ему несколько книг. Как мне показалось, узnanное стало для него открытием. Но к делу применять это было уже поздно. Тогда же он признался, что Жуков по своему характеру «не лучший» начальник Генштаба.

Сталин был фактически главой государства, а Молотов — его ближайшим помощником. Осторожный, он решал много вопросов, но большинство важных дел обязательно докладывал Сталину. Ему и Жданову⁹

перед войной было поручено «шефствовать» над флотом, и они в какой-то мере помогали мне, но все же чаще предлагали «написать товарищу Сталину». Не зная, как будет реагировать «хозяин», опасаясь попасть из-за флота в неудобное положение, если окажется, что Сталин имеет иное мнение, чем моряки, они отказывались даже «проталкивать» вопросы. Бывало и так, что, обещая поддержать меня, они меняли свое мнение «на ходу» в кабинете Сталина, определив «направление ветра». Но мне-то так поступать было нельзя.

Но когда речь идет о моем положении (отвлекаясь от общих флотских дел), то можно сказать, что я имел своим прямым начальником самое высокое лицо в государстве и в то же время не имел такого «шефа», с которым мог бы в любой день обстоятельно побеседовать и доложить ему о своих флотских нуждах. Когда я начинал надоедать своими просьбами Молотову или Жданову, то они сердились и прямо говорили, что мое дело как наркома добиваться приема у Сталина и просить его решить их. Но чем ближе к войне, тем Сталин все больше отдалялся от флотских вопросов текущего порядка. «Нет худа без добра», — гласит мудрая поговорка. Это приучило меня к самостоятельности и вынуждало в отдельных случаях самому принимать ответственные решения. Пожалуй, этим я обязан и тому, что в канун войны, не ожидая приказаний свыше, я принял ряд решений по повышению боевой готовности флотов, в том числе перевел их на готовность № 2, когда к 19 июня признаков войны стало особенно много.

Так или иначе, но у меня была возможность с вершины флотской иерархической лестницы иметь дело с высокими политическими и государственными деятелями. Бывая у Сталина, Молотова, Жданова и других, я, естественно, вольно или невольно знакомился с системой работы в верхах. Я не собираюсь давать им оценку как политическим деятелям, потому что не считаю себя достаточно компетентным для такой оценки, да и не пытаюсь это делать. Это потребовало бы от меня ознакомления с материалами, которыми я сейчас не располагаю. Поэтому ограничива-

юсь рассмотрением этих людей только под углом зрения отношения их к флоту и только за тот период, когда я был наркомом или главнокомандующим ВМФ. Политическую оценку дадут им более сведущие в этом отношении люди, а я высказываю свое мнение лишь относительно флотских вопросов, которые часто решались только со мной. Многие из них не фиксировались на бумаге. Много рассуждений на совещаниях или в частных беседах также нигде не зафиксированы и не могут быть переданы никем, кроме меня. Кроме того, это мне следует сделать, как кажется, еще и потому, что флотские вопросы даже для этих самых высоких лиц были часто второстепенными и могли не отложиться в их памяти или запомниться в значительно меньшей степени, чем мне. Ведь для меня эти вопросы были самыми главными в жизни и работе.

Итак, если в бытность Сталина все основные вопросы решались только по его указанию, то флотские как-то особенно замкнулись на него, и не было ни одного руководителя, который бы взялся за их решение. Даже когда он иногда и поручал кому-либо вести текущие флотские вопросы, они весьма неохотно брались за это дело и, как я уже заметил, ничего самостоятельного не решали, а при первой же возможности стремились от них отделаться, столкнуть это «кляузное» дело на кого-нибудь: ко-со смотрели на меня — дескать, навязался ты со своим флотом. Причины заключались в том, что флот очень дорог и вопросы его очень сложные. Нужно было в них детально разбираться, чтобы сознательно принимать решения, а на это ни желания, ни времени не было. Решения Сталина по флоту никогда нельзя было предугадать, как и трудно угадать правильное решение, и поэтому часто получалась неприятность. А этого в последние годы особенно боялись все его соратники. Если мы, моряки, по долгу службы вынуждены были получать упреки, то те, кому это было необязательно, всячески старались избавиться от такой дополнительной нагрузки, которая почти никогда не обещала похвалы, но обещала много неприятностей. Флотские вопросы были для них такими, что ради них они не собира-

лись портить отношение или навлечь на себя неудовольствие вождя.

После войны военными и флотскими вопросами занимался Булганин, как ближайший помощник Сталина по военным делам. Он избрал худший путь — не отказывался от нас, но и ничего не решал. Все оставалось в стадии «подработки». Флотские вопросы он не любил, зная, что с морями нетрудно было нарваться на неприятности. Поэтому все крупное и принципиальное откладывалось «до лучших времен». Даже поставленные мною такие вопросы, как о крупных недостатках на флоте (после войны), хотя ради формальности и рассматривались, но потом загнивались в такой угол, откуда решений ждать было нельзя. Такая участь постигла мой доклад от 31 июля 1952 года. В нем я писал, какие крупные недостатки у нас существуют в судостроении, на что расходуются миллиарды. Все это было похоронено в кулуарах Булганина.

Когда в апреле 1939 года я был утвержден в должности наркома ВМФ, Сталин уже не переносил возражений. Вокруг него уже образовалась своего рода плотная оболочка из подхалимов и угодников, которые мешали проникать к нему нужным людям. Нам, молодым, поднятым волнами «неспокойного» периода 1937-1938 гг. и пытавшимся по неопытности «свое суждение иметь», приходилось быстро убеждаться, что наша участь — больше слушать и меньше говорить. Авторитет, созданный Сталину в предвоенные годы, в годы первых пятилеток, рост могущества нашей страны и выход ее на мировую арену заслоняли от нас все отрицательное. Что касается лично меня, то я тогда преклонялся перед авторитетом Сталина, не подвергая сомнению что-либо исходящее от него.

Но уже в начале работы в Москве я, разбираясь с военно-морскими вопросами, обнаружил, что меня стали озадачивать некоторые его решения. Так, выслушав мой доклад, в котором я убедительно доказывал большое значение зенитного вооружения для современных кораблей (так меня учили и в училище, и в академии), Сталин заявил, что «драться около Америки мы не собираемся», и отверг мои предложения. Зная, что

от самолетов можно потонуть и в 1000 км от своих берегов, и в каких-нибудь 50 км, и в базах, я не мог признать правильным рассуждения «великого вождя». К сожалению, по нашим вопросам подобных примеров было много (о чем я еще скажу), больше, чем по армии, которую Сталин знал лучше флота.

Сталин проявлял непонимание и в вопросах организации и боевой подготовки флота. Но здесь он больше прислушивался или, вернее, не вмешивался и разрешал нередко проводить мероприятия, о которых ему достаточно было устно доложить и спросить разрешения.

Выдерживая основную линию, которую он давал, как правило, удавалось внести нужные коррективы с учетом флотской специфики, хотя не всегда удачно и полноценно. Так, например, уже непосредственно перед войной кто-то предложил обмундирование солдат и матросов не считать их собственностью и требовать сдачи его при увольнении. При 5-летнем сроке службы на флоте это приводило бы только к менее бережному отношению матросов к своему обмундированию. Безусловно, было выгоднее передавать его в собственность матросов после известной выслуги сроков. Но когда я упорно настаивал на этом, доказывая, что применять положение армии к флоту неправильно с государственной точки зрения, Сталин, соглашаясь со мной, все-таки не захотел уступить и приказал мне дать предложение, сколько следует выплачивать матросам для покупки ими штатского платья. Такое решение было принято, и для государства получился прямой убыток, ибо ничего ценного матросы, уходя со службы, все равно не сдавали да еще получали деньги, а главное — были лишены стимула к бережливости.

Разрешения Сталина зависели не от твоего убеждения и даже очевидной правильности предложения, а от его не поддающегося учету настроения; от возникших в данный момент его мыслей. Поэтому, докладывая, я никогда не был уверен, что мое предложение будет принято и с его стороны не возникнет какого-нибудь совсем противоположного предложения. При этом, естественно, как я уже сказал, весьма отрицательно

На трибуне Мавзолея. Слева направо: П. Ф. Жигарев, С. М. Штеменко, С. М. Буденный, В. Д. Соколовский, Н. Г. Кузнецов, А. М. Василевский. 1 мая 1952 года.

(Публикуется впервые)

вливали «дружные» голоса его соратников, сливавшиеся в хор и поддерживавшие любое предложение Сталина. По флотским вопросам это выглядело просто смешно, ибо не только мало кто вникал в них, но и не всегда был даже знаком с их существом. Часто я выходил из его кабинета с самым тяжелым настроением и чувством безнадежности добиться разумного решения.

Сначала я пытался все недоразумения приписывать своей неопытности докладывать. Стал применять различные приемы. Но и этим я не добился желаемых результатов. С огорчением приходил к выводу, что Сталин не желает вникать во флотские вопросы и поэтому принимает неправильные решения. Такие выводы я сделал только по своему военно-морскому ведомству. «Непонимание» морского дела происходило на фоне хорошего отношения к флоту в целом. Я болезненно переживал это.

Тогда еще Сталин с полной энергией руководил партией и государством. Мне довелось наблюдать его старение и превращение в «непрекращаемый авторитет», который перерос во вредный «культ личности».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Левченко Гордей Иванович (1897-1981) — адмирал, в 1938-1939 гг. командующий Балтийским флотом, в 1939-1941 гг. и в 1944-1960 гг. заместитель наркома ВМФ и главнокомандующего ВМФ.

²Данный фрагмент воспоминаний Н. Г. Кузнецова написан в 1964 году, когда В. А. Алафузов и Г. А. Степанов еще были живы.

³Имеются в виду Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Г. К. Жуков.

⁴Малиновский Родион Яковлевич (1898-

1967) — Маршал Советского Союза, в 1947-1955 гг. главнокомандующий войсками Дальнего Востока и Дальневосточного военного округа. В 1957-1967 гг. министр обороны СССР.

⁵О том, как приняли Н. Г. Кузнецова на Дальнем Востоке, видно из его письма жене Вере Николаевне от 23 августа 1948 года: «...Вчера вернулся на Сахалин. Ходил морем на корабле и получил большое удовольствие... Встретился со многими флотскими людьми, и здесь я нашел исключительно теплый и дружеский прием... Чувствуется, что для многих мое новое звание роли не играет, а поэтому охотнее называют меня по имени и отчеству, без звания. ...Мне кажется, что с флотскими людьми мне будет работать нетрудно. Очень хорошо меня встретили на корабле матросы... Ну, вот этому я рад больше всего, т. к. это я считаю плодом моей работы, невзирая на все события...»

⁶В бумагах того периода имеется следующая запись рукой Н. Г. Кузнецова: «...большим вопросом на флоте тогда был вопрос о целесообразности иметь гарантийные сроки для вновь сдаваемых промышленностью кораблей. Сталин считал, что в наших условиях этого уже не нужно. Все воскресенье я не раз возвращался к обдумыванию этого очень принципиального для флота вопроса. Как ни примерял и ни критиковал сам себя, приходил к одному и тому же выводу, что гарантийный срок необходим как с чисто флотской, так и с государственной точки зрения. Я решил высказать это свое мнение.

Как бы не отвергая в принципе точку зрения Сталина, я сказал, что мне кажется, что гарантийный срок отменять преждевременно. Сталин поднял голову, но не возразил и продолжал чертить что-то на бумаге».

⁷Н. Г. Кузнецов в данном случае имеет в виду В. С. Абакумова.

⁸Народный комиссариат Военно-Морского Флота СССР образован в соответствии с постановлением СНК СССР от 30 декабря 1937 года.

⁹Среди записей Н. Г. Кузнецова имеется следующее пояснение. «А. А. Жданов, как секретарь ЦК, был введен перед войной в состав военного совета Военно-Морского Флота и тогда считал своим долгом вникать в обстановку на

флоте. Сам решений он принимать не мог и не принимал, но от него многое зависело, и он оказывал помощь в тех случаях, когда знал, что это делается по поручению Сталина и в духе его указаний. В предвоенный период я несколько раз был с ним на флоте, а один раз — на учениях в большом походе Балтийского флота. Он взял на себя текущую работу с директорами заводов (особенно в Ленинграде) по строительству кораблей. Бывая там, он охотно ездил по городу, рассказывал мне о своих планах. Но это продолжалось недолго. После начала войны флотскими вопросами он уже не занимался (кроме Балтики,

находясь в Ленинграде). После войны я обратился к нему за советом, и он дал мне понять, что занят другими делами и «едва ли у него руки дойдут до флотских вопросов».

*Публикация и примечания
кандидата исторических наук
Р. В. КУЗНЕЦОВОЙ
при участии В. Н. КУЗНЕЦОВОЙ*

*Фотоснимки предоставлены
В. Н. КУЗНЕЦОВОЙ*

(Продолжение следует)

● КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

О людских потерях наших войск в различных войнах и военных конфликтах говорится много и в устной пропаганде, и в средствах массовой информации. Но почти всякий раз сведения или занижаются, или уж очень преувеличиваются. И зависит это прежде всего от уровня объективности, научной добросовестности авторов, но также и от того, что ко многим документам, определяющим численный состав армии и флота и их утраты, доступ был закрыт. Безусловно, практика «закрытости» существует во многих странах, но у нас рассекречивание затянулось. И потому исследователи, публицисты стали искать свой путь подсчета потерь. Это все и привело к искажению фактов, а порой и к прямой фальсификации.

Группа офицеров Генерального штаба под руководством кандидата военных наук генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева в течение нескольких лет занималась изучением архивных документов, донесений фронтов, армий, отечественных и зарубежных материалов, изданных по этой теме. Итогом исследования стала книга «Гриф секретности снят», в которой читатели найдут сообщения о потерях личного состава и боевой техники наших Вооруженных Сил в войнах и других военных конфликтах за период с 1918 по 1989 г.

Впервые в ней публикуются обобщенные данные о всех видах утрат Советских Вооруженных Сил во время Великой Отечественной войны. По результатам исследований за 1941-1945 гг. (включая и кампанию на Дальнем Востоке против Японии) общие безвозвратные демографические потери вместе с пограничными и внутренними войсками составили 8 668 400 человек, санитарные — 18 344 148 человек.

Безвозвратные и санитарные потери в книге представлены по фронтам, флотам, армиям и флотилиям, родам войск, по годам, периодам и кампаниям войны, стратегическим оборонительным и наступательным операциям. Сделан подробный анализ потерь офицерского состава, показаны людские утраты наших войск при освобождении стран Европы и Азии. На основании донесений фронтов, а также других архивных документов, с учетом публикаций некоторых зарубежных историков

сделан подсчет числа советских воинов, пропавших без вести и оказавшихся в плену.

В специальном разделе книги рассказывается о поступавших в годы войны в армию и на флот основной боевой технике и вооружении, даны сравнительные тактико-технические характеристики танков, самолетов, орудий и минометов советского и германского производства и их потери. Публикуется список погибших в войну наших кораблей.

Изучение советских и немецких документов периода второй мировой войны, а также некоторых зарубежных военно-исторических трудов и публикаций дало авторам возможность назвать численность людских потерь фашистской Германии и ее союзников.

Заключительные страницы книги впервые раскрывают потери советских военнослужащих, принимавших участие в оказании интернациональной военной помощи другим странам, а также в ликвидации пограничных конфликтов. В частности, сообщается, что при оказании военной помощи правительству Афганистана за 110 месяцев пребывания там советских войск их безвозвратные потери вместе с пограничными и внутренними войсками составили 14 453 человека, санитарные — 469 685 человек.

В конце книги авторы приводят итоговые данные о людских потерях Советских Вооруженных Сил в войнах, боевых действиях и военных конфликтах 1918-1989 гг.

Появление уникальной книги «Гриф секретности снят», рассчитанной на широкий круг читателей, является своеобразным отчетом перед народом о людских утратах при защите Отечества, выражением глубокого уважения погибшим. Выход ее в свет имеет также цель положить конец различным произвольным исчислениям потерь личного состава Вооруженных Сил бывшего СССР в годы их боевой деятельности, по которым на одного погибшего немецкого солдата приходится 14 советских. На самом же деле масштабы потерь армий фашистской Германии и ее союзников по агрессии и потерь Советских Вооруженных Сил находятся в соотношении примерно 1:1,3.

Исследовательская работа, поиск документов о воинских утратах будут продолжаться и впредь. Причем к участию в этом деле приглашены зарубежные историки.

* Гриф секретности снят / Колл. авт. под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. — М.: Восиздат, 1993. — 415 с.

П. Б. ДМИТРИЕВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

15 марта началась подписка на наш журнал на второе полугодие 1993 года. Цена одного номера по каталогу — 70 руб., на три месяца — 210 руб., на полугодие — 420 руб. Индекс — 70137. Плата за прием подписки и доставку назначается почтой. В розничную продажу журнал поступает по заявкам киоскеров «Роспечати». Часть тиража реализуется по свободной цене.

Несмотря на новый инфляционный скачок, ряды наших подписчиков растут, а сегодня вас более 30 тысяч!

**ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ»!**

Во второй половине 1993 года в нем бу-

дут напечатаны не публиковавшиеся ранее мемуары трижды Героя Социалистического Труда Е. П. Славского, более тридцати лет занимавшего пост министра среднего машиностроения СССР, воспоминания участника событий в Венгрии осенью 1956 года генерал-лейтенанта в отставке Е. И. Малащенко, возглавлявшего оперативную группу штаба Особого корпуса в Будапеште.

Впервые будут опубликованы совершенно секретные до недавнего времени материалы и схемы оперативно-стратегических игр, проведенных на картах высшим командованием Красной Армии в январе 1941 года. «Солдаты челябинского Чернобыля» — так называется материал о мужестве и трагической участи совет-

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ НА ЖУРНАЛ
**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

70137

(индекс издания)

Количество комплектов

на 1993 год по месяцам :

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

доставочная карточка

НА ЖУРНАЛ

70137

(индекс издания)

ПВ

место

ли-тер

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Стои-мость

подписки

руб. ков.

Количество комплектов

пере-адресовки

руб. коп.

на 1993 год по месяцам :

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ских солдат, участвовавших в ликвидации последствий мощного ядерного взрыва.

Во второй половине 1993 года на страницах «Военно-исторического журнала» будет продолжена публикация мемуаров бывшего наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова «Крутые повороты», дневника военного министра Временного правительства генерал-майора А. И. Верховского «Россия на Голгофе», отрывков из книги военного ученого русского зарубежья генерал-лейтенанта Н. Н. Головина «Военные усилия России в мировой войне», а также редких документов из «Аргентинского архива» генерала М. В. Алексева.

Только у нас вы найдете подлинные данные о репрессиях в Красной Армии в предвоенные и военные годы, а также о «заговоре» в НКВД в 1938 году.

Совершенно секретные документы Главного управления контрразведки «Смерш», предоставленные для опубликования только нашей редакции, поведают о судьбах советских генералов, возвратившихся из фашистского плена.

Подписка на «Военно-исторический журнал» принимается во всех отделениях связи.

Индекс — 70137.

Наш адрес: 103160, Москва, ул. Пречистенка (бывшая Кропоткинская), о. 19. Телефоны: 296-45-08, 296-44-87.

Не забудьте своевременно, до 10 мая, оформить подписку на «Военно-исторический журнал» на второе полугодие 1993 года!

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами разборчиво, без сокращений в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Редакционный совет ставит своей задачей содействовать процессу очищения исторического сознания от мифов и фальсификаций, которыми обильно сдабривалась наша духовная жизнь.

"ВОЕННЫЕ АРХИВЫ РОССИИ"

— так назван
новый журнал, который
поможет сделать доступной
широкому кругу читателей, всем
любителям военной истории еще одну
заповедную область знания.

*Предпочтение будет отдаваться фактам,
а не их идеологизированному толкованию.*

В этом читатель сможет убедиться, получив первый номер нового журнала. В нем печатаются никогда не публиковавшиеся ранее документы о «военно-фашистском заговоре» в Красной Армии и «Катынском деле», о социально-политической обстановке в Прибалтике в 50-е годы и сокращении Вооруженных Сил СССР в этот период. Читатель узнает подробности из послевоенной жизни выдающегося советского полководца Г.К. Жукова, ставшего объектом происков спецслужб. В журнале помещены секретные дополнительные протоколы к договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года и протоколы заседаний Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) (апрель-сентябрь 1925 г.). Впервые увидят свет дневник Мартина Бормана, собственноручные показания начальника личной охраны Гитлера Ганса Раттенхубера и другие уникальные документы.

Объем журнала - 25 п. л. Цена одного экземпляра по предварительной заявке 160 руб. В остальных случаях - договорная. Оптовым покупателям - торговая скидка. Деньги следует переводить на р/с № 467526 в Генсельхозбанке, корр. счет № 169506 в Россельхозбанке г. Москвы, МФО 299178.

Журнал можно получить по заявке или приобрести непосредственно по адресу:

103055, Москва, ул. Новослободская, д. 50/1, кв. 72, ТОО «Пересвет».

Заявки, квитанцию об оплате, подробный домашний адрес с указанием фамилии, имени, отчества присылайте по адресам:

103055, Москва, ул. Новослободская, д. 50/1, кв. 72, ТОО «Пересвет». Тел.: 258-79-63;

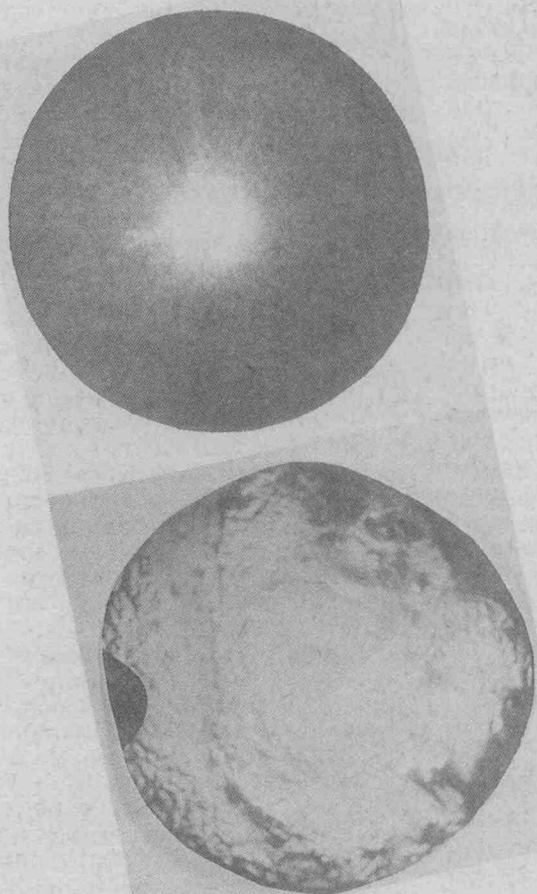
111555, Москва, ул. Молостовых, д. 5, кв. 24. Тел.: 300-20-23;

123592, Москва, Строгинский б-р, д. 4, корп. 2, кв. 389. Тел.: 498-15-88;

103160, Москва, ул. Пречистенка, д. 19, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: 296-45-16, 296-45-08.

ЗАПЛАНИРОВАННАЯ ТРАГЕДИЯ

ТАЙНЫ РЕЙСА
КАЛ-007

Снимки экрана бортовой РЛС военно-транспортного самолета Ил-76, на котором в феврале 1984 года нашими специалистами выполнялся летный эксперимент по уточнению условий ориентировки полета «Боинга-747» на заданной ему трассе и на фактическом маршруте из Анкориджа в Сеул.

На фото сверху зафиксировано радиолокационное изображение морской акватории в районе контрольной точки Ниппи, которое должны были наблюдать члены экипажа южнокорейского самолета при следовании заданным маршрутом.

На фото внизу отчетливо видна часть суши (гористый рельеф полуострова Камчатка), которую экипаж «Боинга-747» должен был фактически наблюдать перед докладом о прохождении точки Ниппи. Согласитесь, достаточно даже беглого взгляда на экран РЛС, чтобы понять — самолет летит не по заданному маршруту.

1983 год Последний августовский вечер

Южнокорейский «Боинг-747» (рейс КАЛ-007), следовавший по маршруту Нью-Йорк — Анкоридж — Сеул, совершил посадку на промежуточном аэродроме Анкоридж. После смены экипажа, дозаправки и непредвиденной 40-минутной задержки само-

лет покинул Аляску. И вскоре, изменив заданный маршрут, оказался на подлете к Камчатке. Накануне на побережье обрушился шторм, который вывел из строя ряд радиолокационных станций. Вот почему появление «Боинга» не смогли обнаружить посты ПВО на мысах Провидения и Наварин.

Следует также отметить, что в тот вечер операторы советских радаров, как всегда, наблюдали ставшие уже привычными маневры американских

разведывательных самолетов RC-135, курсировавших вдоль наших воздушных рубежей. Появление на экранах РЛС новой отметки было воспринято ими как подлет к побережью еще одного RC-135. Но на этот раз к полуострову приближался «Боинг-747».

Появление самолета-нарушителя было зафиксировано лишь радиолокационным постом в Апуке. С этого момента он стал квалифицироваться, как «неопознанный» иностранный самолет, вторгшийся в воздушное пространство Советского Союза. На перехват устремились дежурные истребители. Но выйти на цель им не удавалось. Перехватчики выводились в один район, а нарушитель находился в другом. Просчеты допускали наземные службы. Они решили, что в небе обычный RC-135, который в подобных случаях над нашей территорией долго не задерживался. Кстати, самолет именно такого типа некоторое время сопровождал «Боинг-747», когда тот «подходил» к нашему побережью, вводя в заблуждение операторов РЛС. Таким образом, первый анализ проводки ПВО был неверным. Не последовало и привычного отворота нарушителя в сторону нейтральных вод. Самолет летел строго по прямой в направлении Камчатки. Он уже находился над полуостровом, войдя в зону досягаемости огня зенитных средств ПВО, когда на земле вновь вышла заминка. На сей раз связанная с изменением решения и выбором оружия: требовалось исключить поражение недостаточно опознанной цели. Момент этот крайне важный. Ясно, что судьба самолета-нарушителя могла решиться гораздо раньше. Но ракеты не взлетели. На земле продолжали разбираться, что представляет собой цель в ночном небе.

Конечно, на КП обстановка была нервной. Хватало и ошибок. Истребители кружили над морем, не видя цели. Не случайна фраза пилота Су-15 майора Казмина: «Так будет ли кто нами управлять?!»

Последний перехват самолета-нарушителя уже проводился над Сахалином. В нем участвовали два Су-15 и один МиГ-23. Одним из Су-15 управлял подполковник Г. Осипович.

Нарушитель по-прежнему устремлялся в глубь территории Советского Союза. Его удаление от заданного маршрута составляло уже свыше 600 км. В районе мыса Терпения подполковник Осипович был выведен на цель. В 6 ч 23 мин местного времени он получил команду на ее уничтожение. Спустя минуту произвел пуск двух ракет...

О гибели «Боинга-747» немало написано в зарубежной и отечественной прессе. Особое место занимает «многосерийная» публикация в «Известиях». Казалось бы, стоит ли возвращаться к тому, что уже получило широкую огласку? Тем более сегодня, когда рассекречены записи «черного ящика» и заключения советских специалистов, касающиеся обстоятельств трагедии в небе над Сахалином. Думается, стоит. И не только потому, что практически все зарубежные публикации о гибели южнокорейского самолета крайне односторонни и избочивают лишь «варварство советской ПВО». Ведь все еще не раскрыта тайна вторжения «Боинга-747» в воздушное пространство СССР. Мало что прояснили и данные «черного ящика». Трагический рейс КАЛ-007 до сих пор хранит массу загадок. Вместе с тем есть ряд важных деталей и обстоятельств, тесно связанных с гибелью авиалайнера, которые почему-то не упоминаются ни в официальных документах расследования, ни в печати. Например, не был учтен фактор воздушной обстановки в регионе в момент вторжения самолета-нарушителя. Между тем обстановка эта отличалась предельной напряженностью: самолеты ВВС США постоянно провоцировали нашу ПВО. За восемь месяцев 1983 года американские самолеты только в районе Курильской гряды девять раз нарушали нашу границу. На фоне систематического воздушного беспредела, установленного летчиками ВВС США, особенно выделяется случай, который произошел 4 апреля 1983 года, опять же в районе Курильской гряды. Случай, по существу, беспрецедентный. В тот день самолеты с американскими опознавательными знаками не только вторглись в наше воздушное пространство, но и принялись демонстративно отрабаты-

вать условное бомбометание по нашим наземным целям. Подчеркнем, этот наглый учебный «тренаж» на территории чужого государства американские асы проделали незадолго до роковой для пассажиров рейса КАЛ-007 сентябрьской ночи. А сколько других фактов могут привести воины-дальневосточники. Собранные вместе, факты показывают, в каких сложных и, по сути, экстремальных условиях нес службу личный состав ПВО. Беспорно и то, что провокационные действия авиации США в какой-то мере предопределили судьбу самолета-нарушителя, оказавшегося в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года в небе Советского Союза, явились своего рода детонатором трагедии.

Нельзя не отметить еще одно обстоятельство. В ходе расследования гибели «Боинга-747» все внимание западных специалистов было сфокусировано лишь на самом факте сбития самолета. Складывается впечатление, что никто всерьез и основательно не пытался выяснить, в силу каких причин «Боинг-747» оказался в глубине территории СССР, на расстоянии до 660 км от заданного маршрута. Но ведь в решении этой задачи и скрывается тайна вторжения южнокорейского пассажирского самолета в наше воздушное пространство. Характерный штрих: по современным правилам самолетовождения даже минимальное, на считанные километры, уклонение на международных воздушных трассах является серьезнейшим ЧП, после чего следуют строжайшие санкции, и такие факты тщательно расследуются. Но в случае с «Боингом-747», который следовал рейсом КАЛ-007, установленные правила во многом были проигнорированы западными «исследователями».

Собственно, в ходе расследования причин гибели «Боинга-747» (если это можно назвать расследованием) вместо изучения обстоятельств трагедии муссировался лишь факт безответственности командования советской ПВО. Именно такой подход к анализу случившегося обозначился сразу же после трагедии и не менялся долгие месяцы обсуждения «инцидента» во всех международных организациях, включая ИКАО и даже ООН. Странно, не правда ли? Еще не закончилось расследование, а уже громогласно «тиражируется» приговор.

Странно и другое. Все предложе-

ния советской стороны внимательно разобраться в происшедшем, скрупулезно выяснить причины появления южнокорейского самолета вдали от своей трассы решительным образом отметались. Все вопросы и обвинения касались только момента сбития самолета. Но ведь это вторично, ибо, не окажись «Боинг-747» на столь внушительном удалении от своего маршрута, не было бы и трагедии.

В этой связи важной выглядит следующая деталь. Трасса, по которой должен был лететь сбитый над нашей территорией самолет, не является сложной для самолетовождения. Она представляет собой непрерывное поле радионавигационных пунктов, радиолокационных ориентиров и контрольных «точек». Непреднамеренно выйти из этого «коридора» экипажу практически невозможно. В этом убедился и один из авторов данной публикации, выполнивший вскоре после гибели «Боинга-747» рекогносцировочный полет на самолете близкого к нему класса вдоль всей трассы от Аляски до Хоккайдо. Подтвердилась высокая надежность общей радиотехнической и радиолокационной ориентировки маршрута, о чем свидетельствовали изображения ориентиров, зафиксированные на экране бортовой РЛС. А затем был полет по фактическому маршруту самолета-нарушителя, доказавший абсолютную невозможность контролируемого экипажем подлета к побережью Камчатки. Невероятно, что в таких идеальных условиях оснащенный современным электронным навигационным оборудованием, управляемый опытным командиром (общий налет 10 627 часов, по указанной трассе летал с 1973 г.) самолет «сбился» с курса.

Впрочем, откроем одну из тайн КАЛ-007. В том последнем перелете «Боинг-747» не сбивался с заданного курса, как подчеркивается в «известинских» и других публикациях вслед за тысячекратным повторением этой «версии» на Западе. Южнокорейский самолет вообще (ни одной минуты) не следовал своим правильным курсом. Сразу же после взлета с аэродрома в Анкоридже он взял курс, отличающийся от заданного более чем на десять градусов, нацеливаясь вправо к побережью Советского Союза. Именно этот строго выдерживаемый курс через пять с половиной часов и привел «Боинг-747» к точке сбития.

Но почему же был взят неправильный, ведущий в сторону опасности (об этом строго предупреждают международные аэронавигационные карты Тихоокеанского региона) курс? Почему опытный экипаж не заметил ухода с маршрута? Как понимать его доклады о прохождении контрольных «точек», которые «Боинг-747» на самом деле не проходил? Ответов на эти вопросы нет. Может, потому и нет, что они обнажили бы главную причину появления самолета «Кориан Эйрлайнз» в нашем воздушном пространстве. Вместе с тем советской стороне в ультимативной форме предъявлялись требования о выдаче полной стенограммы наведения наших истребителей, нашей радиолокационной проводки, нашей организации и методики действий по отношению к самолету-нарушителю. Невольно возникает мысль, что вокруг гибели пассажирского самолета на Западе была начата какая-то странная игра, главным условием которой являлось не оперативное раскрытие, а тщательное сокрытие обстоятельств трагедии. Игра, которая, можно сказать, ведется и по сей день.

Впрочем, находились и те, кто уже в первые сентябрьские дни 1983 года пытался приоткрыть тайны рейса КАЛ-007, ставил под сомнение случайность залета авиалайнера в наше воздушное пространство. По мнению французского генерала Галлуа — специалиста по стратегическим вопросам, у Советских Вооруженных Сил существуют две зоны, которые можно считать совершенно секретными: район Мурманска на Кольском полуострове и зона Охотского моря, где находятся полуостров Камчатка и остров Сахалин. Там сосредоточена значительная часть советского ВМФ и находятся объекты, предназначенные для испытания межконтинентальных баллистических ракет.

Примечательно и заявление профессора Массачусетского технологического института С. Мейера, считавшего, что у соответствующих советских органов были все основания подозревать, что самолет выполняет разведывательное задание над стратегически важным районом.

Беспочвенными назвал бывший председатель объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил Японии Г. Такеда попытки Белого дома оправдать появление южнокорейского самолета в воздуш-

ном пространстве СССР некими техническими неполадками. «При наличии на борту «Боинга» компьютера, двух пилотов и системы тройной проверки отклонение самолета южнокорейской авиакомпании выглядело более чем странным», — подчеркнул он.

В появлении и поведении «Боинга-747» в небе советского Дальнего Востока, подчеркнем это еще раз, действительно немало странного. Как, например, объяснить тот факт, что спустя час после первой попытки дежурного истребителя установить с нарушителем контакт с борта самолета-нарушителя ушло сообщение: «Навигационное оборудование работает нормально». И ни слова о перехватчиках! Некоторые западные специалисты обращали внимание также и на то, что в истории с «Боингом-747» подозрительным выглядит поведение ЦРУ. Бывший руководитель разведуправления ВВС США генерал Дж. Кигэн в английской газете «Обсервер» заявил, имея в виду экипаж южнокорейского самолета: «Они сами запросились на то, что случилось».

Отметим, все эти высказывания принадлежат компетентным должностным лицам. Именно они указывали, в каком направлении должно идти расследование причин трагедии. Но к ним не прислушались. Профессионалов отпустили политики, и мир услышал еще один устаревший миф, на сей раз о варварстве русских, безжалостно сбивающих пассажирские самолеты. Тон этой очередной антисоветской истерии в то время задавал президент США Р. Рейган. Характерно, что в Женеве тогда проходили советско-американские переговоры об ограничении ядерных вооружений в Европе. На 6 сентября планировался их решающий раунд. Но 5-го, еще до начала какого-либо расследования, Р. Рейган выступает по национальному телевидению с обличительной речью. По его словам, не было смысла вести переговоры с государством, которое способно на такие действия (имелся в виду случай с южнокорейским самолетом), которое является «империей зла». Звучали тогда и призывы блокировать все предложения советской стороны.

Создается впечатление, что для главы тогдашней Вашингтонской администрации гибель «Боинга-747» стала желанным поводом, позволившим объявить «крестовый поход»

против «империи зла» и получить долгожданную возможность разместить в странах Западной Европы свои «Першинги».

Бесспорно, давление США сказалось на принятии ИКАО и ООН решения по факту гибели южнокорейского самолета, осуждающих действия СССР. Но вот еще одна интересная деталь. Когда в феврале 1973 года израильские истребители ясным днем, в условиях прекрасной видимости сбили ливийский пассажирский самолет «Боинг-727», Вашингтон почему-то не объявил Израиль «империей зла». Да и в материалах расследования, представленных в ИКАО, не было ни одного слова из команд израильских КП, ни одной фразы из докладов и решений на поражение. Не указывалась и фамилия летчика. Зато от советской стороны потребовали мельчайших подробностей перехвата «Боинга-747».

Своеобразной и удивительно спокойной была реакция американских властей на уничтожение в июле 1988 года крейсерам США иранского аэробуса с 298 пассажирами. Указывалось лишь на не совсем верное решение одного из офицеров. Заметим, крейсер «Винсеннес» находился в Персидском заливе, за тысячи миль от своих берегов, и фактически расстреливал иранский самолет в его родном небе. Однако преступная акция не взволновала Белый дом. Не возмутились и в ООН. По существу нейтральную позицию заняли в ИКАО. Но когда ночью советский истребитель над своей территорией прервал полет неизвестного самолета с неизвестной задачей и неизвестной загрузкой, внешне похожего на стратегический бомбардировщик Б-52, к тому же не реагирующего на действия дежурных средств ПВО, первыми заговорили «о варварстве русских» именно американцы.

В ходе расследования гибели «Боинга-747» был обойден вниманием и такой принципиальный факт: ни одна ячейка структуры ПВО, от ее центрального командного пункта до КП аэродрома, наводившего подполковника Осиповича на цель, не имела ни предупреждения, ни малейшей информации о характеристике самолета-нарушителя как пассажирского лайнера. Радиолокационными средствами это сделать

невозможно, а других данных не имелось.

Единственным источником таких сведений мог быть сам летчик-истребитель. Но подполковник Осипович не видел и не докладывал о достоверных признаках военной характеристики цели — типе самолета, наличии иллюминаторов, надписях на борту, что могло быть установлено только визуально, днем и с близкого расстояния. В условиях же безлунной ночи, сплошной облачности с высокой верхней кромкой и в обстановке наведения на реального нарушителя (первого в его летной практике) Осипович сделал все от него зависящее. Что же касается обнаружения им «мигалки» — проблескового огня, который есть на всех, в том числе и на военных самолетах, а также аэронавигационных огней — крыльевых и хвостового, то и это не свидетельствовало о гражданской принадлежности перехватываемого в условиях ночи самолета.

Нужные данные о нарушителе могли дать и службы контроля воздушного пространства, как гражданские, так и военные, следившие тогда за его полетом и обнаружившие его отсутствие на заданной трассе. О том, что в небе пассажирский лайнер, могли сообщить и японские должностные лица контрольных постов на северном побережье острова Хоккайдо, принимавшие, кстати, радиобмен наведения на «Боинг-747» советских истребителей, осуществлявшие их проводку и наверняка имевшие от ушедшего с маршрута южнокорейского самолета радиолокационный ответ системы его госопознавания, который невозможно ни с чем спутать. Более того, зная, что этот самолет по расписанию и фактическим докладам экипажа должен подходить к острову Хоккайдо восточнее Курильских островов, японские специалисты гражданских и военных секторов, безусловно, имели возможность оперативно уяснить реальную обстановку, дать предупредительную команду на его борт и принять другие меры по предотвращению трагедии. Но этого не последовало. И странное бездействие зарубежных контрольных служб тоже является одной из тайн рейса КАЛ-007.

Самым драматическим моментом вторжения южнокорейского самолета

та в воздушное пространство СССР стал его перехват советским истребителем над мысом Терпения. Чем он закончился, известно. Неясно другое: почему, даже не приступив к изучению всех обстоятельств гибели «Боинга-747», действия советского летчика начали квалифицировать как преступные, варварские? С чьей подачи на Западе утвердилось мнение, что русские открыли огонь по южнокорейскому самолету, прекрасно зная, что уничтожают пасса-

жирский авиалайнер? Бесспорно, такое «видение» гибели самолета-нарушителя было кому-то очень выгодно, «работало» на очень конкретные цели.

Сегодня с помощью стенограммы радиообмена КП и летчиков-истребителей мы воссоздаем реальную картину перехвата. Подчеркнем, что в отличие от других печатных изданий, использовавших ее лишь частично, мы публикуем документ полностью, без сокращений.

**Радиообмен
командного пункта и летчиков-истребителей 1.09.1983 г.**

Время сахалинское (ч. мин)	КП аэродрома Сокол	Самолет Су-15, позывной 805-й (подполковник Осипович)	Позывные других самолетов: МиГ-23 — 163-й Су-15 — 121-й
1	2	3	4
5.44		Депутат, 805-й, на курсе 45, в наборе до 8. Понял.	
	805-й, Депутат* вас понял, с этим курсом. 805-й, я, Депутат. Режим экономичный.	Ответил. Вас понял.	
5.48	805-й, цель от меня в азимуте 60, дальность 440.	Вас понял, с этим курсом, в наборе до 8 тысяч.	
	Вас понял. 805-й, 3-й канал.	Депутат, 805-й. 805-й, 7 тысяч, в наборе до 8.	
	805-й, я Депутат, вас наблюдаю. управляю, ваше удаление 75.		
5.49	8 тысяч доложите.	Понятно.	
5.51		805-й, 8 тысяч.	
	Вас понял, вправо 10. Вас понял.	На курсе 70.	
5.52	805-й, остаток 4 тонны.	Остаток 4 тонны.	
5.53			163-й, понял, выполняю, 150,8000.
5.56	805-й, я Депутат, цель слева под 5, удаление 130.	Вас понял, курс 70.	
	Летит с курсом 240.	Понял, с курсом 240.	
	Цель с курсом 240, слева под 5, удаление 120.	Вас понял.	
	805-й, я Депутат, на курс 15.	Выполняю на курс 15.	
5.58	805-й, цель у вас по курсу, до цели 70, высота 10 тысяч.		

*Депутат — позывной КП аэродрома Сокол.

1	2	3	4
5.59	805-й, цель строго по курсу, удаление 55. Курс цели 240, высота 10.		Обложка*, Обложка, я 163-й.
6.00	805-й, разворот влево с креном 45° на курс 330. Вас понял, я Депутат, управляю вами, с этим курсом 2 минуты. С курсом 100 2 минуты пройдите.	Курс 330 с креном 45.	Обложка, 163-й. Наблюдаете меня? Повторите место. Обложка, 163-й, азимут 300, удаление 60 с курсом 100, в наборе до 8. Не понял, с каким курсом? С курсом 100 иду. Понял, понял. Обложка, Обложка, 6 с половиной 163-й.
6.01	805-й, цель справа под 90, удаление 15, с курсом 240, высота 10. 121-й, я, Депутат, разворот влево; 805-й, курс 240.	Вас понял.	Вас понял. Карнавал*, 163-й. Обложка пока не наблюдает. 121-й, занимаю курс 60.
6.02	805-й, до курса 210. Вас понял, 805-й.	805-й, наблюдаю цель, на высоте идет 8 тысяч.	Курс 150, 8 тысяч. Вас понял. Карнавал, Обложка наблюдает 163-го.
6.03	Вас понял, цель у вас по курсу, до цели 12... 15 километров. Слева под 20? 805-й, понял! 805-й, я Депутат, понял!	На курсе 210. Цель слева под 20 где-то. Выполняю.	
6.04	805-й, я Депутат, цель боевая, при нарушении государственной границы цель уничтожить. Включить спецсистему. Разворот вправо, курс 220. Цель по курсу, до цели 10. Скорость цели 900.	Выполняю. До курса 220. Скорость цели дайте. Вас понял.	Выполняю, курс 60.
	805-й, справа под 5 градусов курсом 150 идет 123-й, нет, 163-й.	Вас понял.	
6.05	805-й, удаление 12, строго по курсу. 805-й, 163-й подходит с передней полусферы к цели.		163-й, отвечаю. Вас понял, 163-й, баки сбрасывать буду.

*Обложка, Карнавал — позывные КП соседних аэродромов.

1	2	3	4
	163-й, 805-й на восьми.		Вас понял. 163-й, выполняю влево, курс 300.
	805-й, вправо на курс 240. Цель наблюдаете?	На курс 240, 805-й. Наблюдаю.	
	Понял, под 2/4, не более ракурс.	Вас понял, я иду сзади.	163-й, курс 300, 8 тысяч. Выполняю, курс 100.
6.06	До цели 10. Выше 2. Ваше удаление 175. 121-й, удаление 140. 121-й, Депутат, выполняйте правую 2-минутную с курсами 180-360. 121-й, правую 2-минутную, курсы 180-360.	Вас понял, 805-й. Удаление до точки? Вас понял.	Понял. 163-й, 4900. Выполняю. Не понял. Выполняю. 163-й в развороте до курса 220, 6 с половиной.
6.07	805-й, вправо на курс 220. Остаток? Курс 220. Вправо, курс 260. Понял, с курсом 260 в минуту.	Остаток 3 тонны. Курс повторите. Влево, наверное, или вправо? Выполняю 260. На курсе 260. Понятно.	
6.08		Наблюдаю, 805-й. Излучение выключить? Понятно.	163-й, курс 220,7 с половиной. 163-й. Можно сбрасывать подвески?
	Выключайте. 805-й, цель наблюдаете?	Да, она развернулась.	
6.09	805-й, цель в вас слева под 10, удаление 12 километров, высота 10 тысяч. 805-й, влево, курс 240.	Понял, у меня слева под 80 уже. Выполняю 240. На курсе 240.	
	Вас понял. Цель слева под 20, удаление 15.	Понял вас.	
6.10	805-й, влево, курс 220. 121-й, разворот вправо, курс 220. 805-й, тип сможете определить? Вас понял, до цели 12 километров.	Выполняю 220. Курс 220. Нет, конечно. ... с прежним идет?... с мигалкой.	Выполняю. 163-й, 245 градусов? Выполняю. 163-й, курс 245, 6 с половиной.

1	2	3	4
	805-й, высоту для контроля?	8 тысяч.	
	Понял. Цель по курсу, до цели 12.	Вас понял.	121-й, до курса 220, 4600.
6.11	Вас понял, с этим курсом.		Депутат, 121-й, курс 280.
	805-й, излучение.	Выполняю.	Выполняю, 163-й.
	Наблюдаете цель, 805-й?	Визуально наблюдаю и по... на экране вижу.	
	Понял, после захвата доклад.	Вас понял.	Выполняю, влево 10. 163-й, баки сбросил.
	805-й, цель наблюдаете?	Наблюдаю, в захвате цель.	Сбросил.
	805-й, произведите запрос цели.	Понял вас.	
6.13		Цель на запрос не отвечает.	
	805-й, курс цели 240?	... Сплошной... до 240 градусов.	
	Вас понял, включить спецсистему.	Включена.	
	805-й, я Депутат, следить за курсом цели.	Вас понял, пока идет с прежним курсом.	
6.14	Удаление 6.	Понятно.	
	805-й, я Депутат, приготовиться к открытию огня, быть готовым.	Понял, мне надо будет форсаж включать.	
	Остаток?	Остаток у меня 2700.	
	Форсаж по команде.		Баки сбросил, где-то 4000, 3800, с курсом 230 иду.
	Вас понял. Курс цели?	Курс цели пока прежний, 240.	
	Вас понял.		
6.15			Давай, подводи 121-го. Выполняю.
	805-й, в захвате устойчиво?	В захвате иду.	
	Вас понял. Курс цели 240?	240.	
6.16	805-й, курс цели?	Курс цели 240.	
	Вас понял.		Так, повторите азимут. Депутат, 163-й, 1001 с Карнавала, азимут 46, удаление 60.
	Вас понял. Вас не наблюдаю.		Так, понял, Карнавал, Карнавал, Депутат не наблюдает 163-го.
6.17	163-й, Депутат, запросите у Карнавала — наолюдает он цель или нет?		Карнавал, Карнавал, 163-й, Депутат запрашивает — цель наблюдаете или нет? Наблюдаете?
	АНО горит у противника?	Вы 805-го спрашиваете?	

1	2	3	4
	805-го. АНО горит? 805-й, наблюдаете противника? Вас понял ... ничтожить!	Наблюдаю.	Депутат, Депутат, 163-й, Карнавал не наблюдает.
		Повторите!	
6.18	805-й, цель нарушила государственную границу. Цель уничтожить! 805-й, АНО горит у цели? Понял. 805-й, ваши действия? 805-й, дайте мигание огнями. 121-й, выполните правый вираж. 805-й, кратковременное мигание огнями. 121-й, правый вираж. 163-й, минутку; 805-й, принудите к посадке на наш аэродром! 805-й?	Выполняю. Да, АНО горит... мигалка горит. 805-й, не понял.	Вас понял, 6 с половиной, курс 230. Повтори. Выполняю. Депутат, Депутат, 163-й, иду сзади цели на удалении 25, наблюдаете? Депутат, Депутат, 163-й?
6.20	805-й, предупредительную очередь из пушечного вооружения! Очередь пушечную дайте! Предупредительную очередь из пушек! 805-му! Выполняйте! Выполнили стрельбу, 805-й?	... У меня ПР горят уже! Отвечаю, ответил 805-й	163-му? 107-го наблюдали?
6.21	Наблюдаете цель? Вас понял. Цель снижается?	Да, подхожу к ней, подхожу ближе. Цель [снижается]*, я уже подошел к ней на удаление где-то 2 километра. Нет, идет на 10 тысяч.	Выполняю.

* Слово неразборчиво.

1	2	3	4
	Вас понял.		163-й. Наблюдаю обоих, дальность 10... 15 километров.
		805-й, мои действия?	Вас понял.
	Вас понял, 805-й.	Цель уменьшает скорость.	
	Уменьшите скорость, 805-й.	Выхожу, выхожу, впереди цели уже.	
6.22	Дайте мигание огнями.	Выполняю.	
	Увеличила цель скорость, да?	Увеличил скорость.	
	805-й, открыть огонь по цели!	Нет, уменьшает скорость.	
	Вас понял.	Как же открыть, надо же раньше...	
	По возможности займите положение для атаки	Куда же... я уже на траверзе цели.	
	Место цели относительно вас, 805-й?	Мне нужно теперь отставать от цели.	
	Высота цели?	Повтори!	
	Место, место?	Высота цели 10 тысяч!	
	Вас понял.	Место? Сейчас уточняю. Под 70 градусов слева.	
6.23	805-й, попробуйте уничтожить цель пушками.	Я уже отстаю, сейчас я ракетами пробую.	163-й, до цели 12, обоих вижу
	Вас понял.		На курсе 300.
	121-й, ваши действия?		Выполняю.
	Вас понял, вправо до курса 30°, с этим курсом 2 минуты		
	805-й, подойти к цели, уничтожить цель!	Выполняю, в захвате иду.	
6.24	121-й, в правом вираже?		Да, до курса 30.
	Удаление 50.		
	805-й, с целью сближаетесь?	Наблюдаю, цель в захвате, удаление до цели 8.	
	Форсаж, 805-й!	Включил уже (нажатие).	121-й, на курсе 30.
	Пуск!	ЗГ!	
	Выход из атаки вправо, курс 75.	Пуск произвел. Цель уничтожена.	
		Выхожу из атаки.	

Думается, нет смысла комментировать данный документ в целом. Он говорит сам за себя. Остановимся лишь на одном моменте, ярко раскрывающем драматизм ситуации. Вспомним, уже отдан приказ на уничтожение цели, но тут же его отменяют и требуют, чтобы летчик принудил нарушителя к посадке. На земле тянут время, надеясь, что экипаж самолета-нарушителя «оживет», отреагирует на появление перехватчиков, еще верят, что можно обойтись без открытия огня, без жертв...

Кстати, газета «Известия» опубликовала искаженные фрагменты радиообмена, повторяющие американские варианты, прокрученные в ООН и растиражированные по всему миру. Они далеки от реальной картины перехвата. К примеру, фраза одного из летчиков «обоих вижу» — изменена на «Вижу бой». Так рождались фальшивки, так нагнетались страсти вокруг событий той сентябрьской ночи.

Важно подчеркнуть: перехват нарушителя средствами ПВО — всего лишь один из вариантов трагического конца подобных непредсказуемых действий самолетов-нарушителей. Но есть и иные. Например, самолет мог взорваться, столкнуться в воздухе с другим гражданским самолетом, упасть на город, склад боеприпасов, атомный энергетический объект. Согласимся, что в этих случаях жертв было бы гораздо больше. Ведь такого рода факты уже есть и в мировой авиационной практике, и в нашей. Вспомним хотя бы залет «беспилотного» Миг-23 Северной группы войск через две страны в третью (Бельгию), где он упал на жилой дом. Разумеется, будь активнее бельгийские истребители, вряд ли бы в семью их соотечественников пришло горе.

А теперь коснемся последних сведений, связанных с гибелью «Боинга-747». Речь идет о рассекреченных и переданных российской стороной южнокорейским властям данных «черного ящика» и других документах правительственного уровня, почти десять лет имевших гриф «Совершенно секретно». Казалось бы, их обнародование должно было приоткрыть тайну трагедии КАЛ-007. Но этого не произошло. Не видно и заметных попыток на основе уже имеющихся документов совместными усилиями продолжать расследование. Впрочем, попытки были. С южнокорейской стороны. Причем с

явно выраженной целью: доказать невиновность экипажа «Боинга-747». Это подтверждает и промелькнувшее в печати сообщение о том, что южнокорейские специалисты после изучения записей «черного ящика» сделали заключение: экипаж не знал, что самолет сошел с заданного маршрута.

Действительно, судя по распечатке переговоров в пилотской кабине, не чувствуется, что летчики совершают преднамеренный залет. Они ведут себя спокойно. Но именно это спокойствие и является еще одной загадкой вторжения «Боинга-747» в наше воздушное пространство. Разве так должны вести себя летчики, чей самолет отошел от трассы на несколько сотен километров? Почему они не заметили отклонения? Чем занимались в воздухе? Как объяснить прочную «радиостыковку» экипажа «Боинга-747» с бортом самолета, следовавшего рейсом «015», вылетевшего вслед за ними из Анкориджа и точно выдержавшего свой курс?

Вывод южнокорейских специалистов, ничем не доказанный, еще больше запутывает ситуацию. И главное, он идет вразрез с официальным документом советской стороны — заключением группы экспертов Министерства обороны, Комитета госбезопасности СССР и Министерства авиационной промышленности, датированным 28 ноября 1983 года. Акцентируем внимание лишь на двух принципиальных моментах этого документа:

«Выбранный экипажем режим автоматического стабилизации магнитного курса свидетельствует о намерении экипажа не следовать по установленной международной трассе с управлением от инерциальных систем и неопровержимо доказывает преднамеренность вторжения южнокорейского самолета в советское воздушное пространство...

Экипаж самолета регулярно докладывал на наземные пункты управления (в основном через самолет, следующий рейсом 015) о расчетном и якобы фактическом времени пролета промежуточных пунктов маршрута, расположенных на международной воздушной трассе, направлении и скорости ветра, остатке топлива, чем заранее готовил себе неопровержимое, с точки зрения экипажа, алиби...»

Советские специалисты аргументированно и специально доказывают, что экипаж «Боинга-747» намеренно

Надпись предупреждает: «Внимание! Самолеты, оказавшиеся над территорией не разрешенными к свободному пролету, могут быть обстреляны без предупреждения».

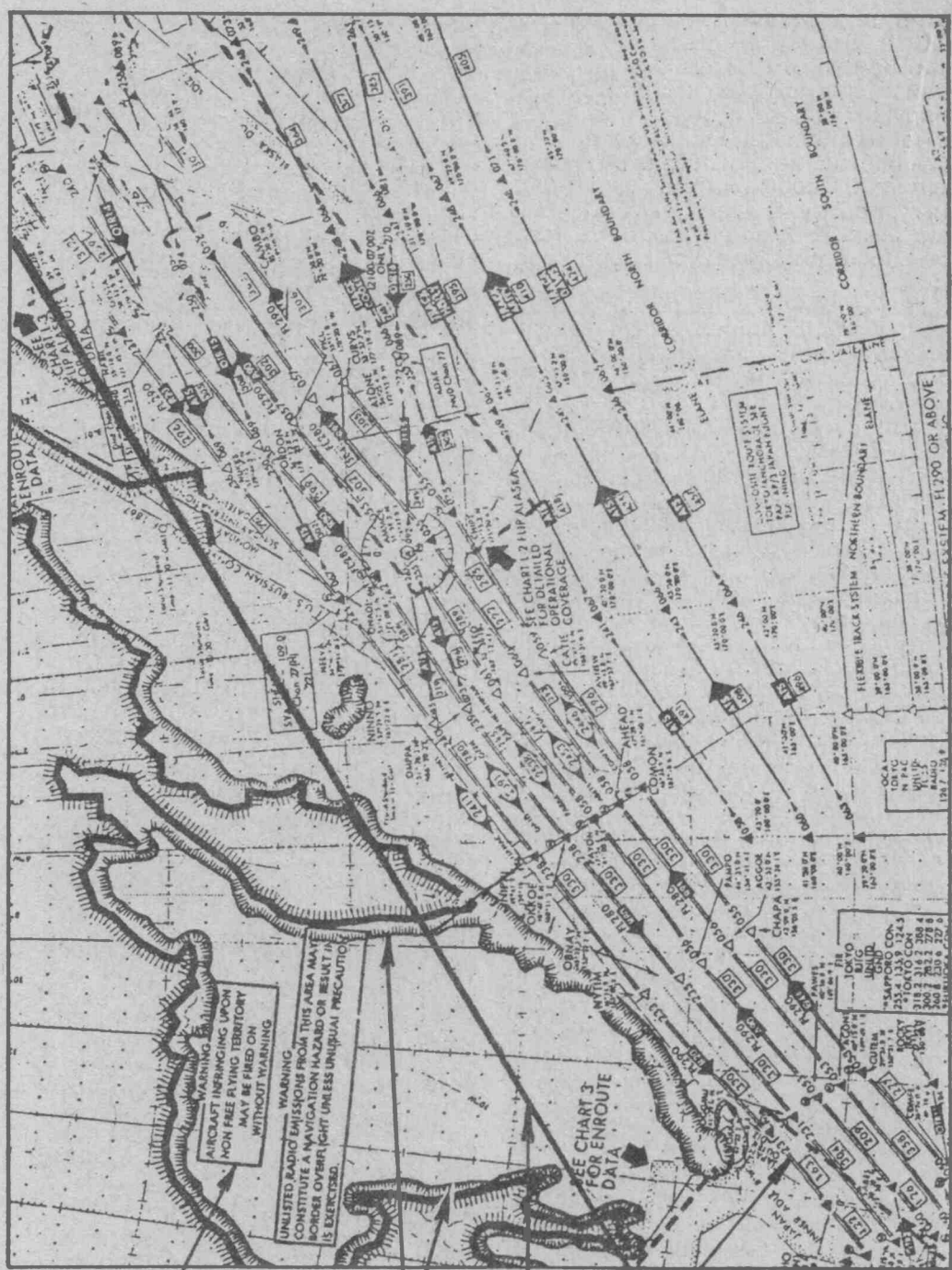
Линия, обозначающая территории советского Дальнего Востока, не разрешенные иностранным воздушным суднам к свободному пролету.

Линия фактического полета рейса КАЛ-007 в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года.

Линия заданного маршрута рейса КАЛ-007.

Схема международных авиационных трасс (треков) на участке Аляска-Япония, которая имеется у каждого экипажа воздушного корабля.

Из американского журнала «Aviation Week and Space Technology» от 12 сентября 1983 года.

вторгся в воздушное пространство СССР. Доказательством этого служит не только стратегически важный район, над которым пролегал маршрут нарушителя, но и скопление в нем американских разведывательных самолетов и появление спутника-шпиона. Особый интерес для западных спецслужб представляла и наша система ПВО, подвергшаяся в начале 80-х годов серьезной реорганизации.

Но неужели экипаж рейса КАЛ-007 сознательно пошел на авантюру? Разве не понимал, какой ценой может заплатить за нее? Ведь не могли же пилоты не помнить о печальной участи своих коллег из экипажа «Боинга-707»? Что тогда заставило их уйти с трассы? Версий на этот счет и сегодня немало. Но вот что любопытно: одну из них обозначил сам президент США. Буквально через считанные часы после трагедии над Сахалином он заявил, что «никто никогда не узнает, как в компьютер самолета были заложены данные, которые, как потом оказалось, вывели самолет в воздушное пространство СССР». Разумеется, Р. Рейган не пояснил, откуда у него данные о вмешательстве в работу компьютера, фактически открывающие тайну гибели самолета. Странным выглядело и его уверение в том, что «никто никогда не узнает» исполнителей этой преступной акции. Ведь не кто иной, как он, должен был сделать все возможное, чтобы найти тех, кто заложил другую программу в компьютер. Не случайно заостряем внимание на этом фрагменте выступления хозяина Белого дома. Факты подтверждают: наиболее вероятно, что вновь заложённая программа полета и привела южнокорейский авиалайнер в воздушное пространство Советского Союза, к точке его сбития. И это не было чьей-то роковой ошибкой. Налицо тщательно продуманная операция. Не случайным оказался и выбор экипажа. Его составляли бывшие военные летчики. Например, командир корабля Чун Бюн Ин являлся полковником резерва ВВС Южной Кореи. Звание подполковник имел второй пилот «Боинга-747» Сон Дун Вин. Но в апреле 1978 года самолетом-нарушителем тоже управляли вчерашние представители корейских ВВС. Какая тут связь? Самая прямая. Бывшие военные летчики являлись настоящими профессионалами. Об этом свидетельствует и уникальная

посадка «Боинга-707» на лед карельского озера. Но порой этот профессионализм граничил с элементарной безответственностью. Подтверждением может служить крайне низкое качество полетной документации экипажа «Боинга-707». Знакомая с ней, невольно приходишь к мысли, что в полете на бортовой журнал не обращали внимания. А теперь приведем выдержку из уже известного заключения советских экспертов, касающегося экипажа «Боинга-747»: «В течение более пяти часов полета отсутствовало вмешательство экипажа в управление самолетом с целью корректировки направления его движения. Экипаж самолета имел все необходимые данные о большом отклонении от международной трассы, тем не менее продолжал полет, не принимая мер к выходу из воздушного пространства СССР». Иначе говоря, сразу же после взлета экипаж рейса КАЛ-007 практически самоустранился от следования по заданной трассе. Вот на это самоустранение, обычное при работе в воздухе бывших военных летчиков, и рассчитывали те, кто, очевидно, использовал задержку в Анкоридже для подмены программы в компьютере «Боинга-747». И не ошиблись.

Разумеется, для успешного проведения операции имелись и страховочные «звенья». Их роль выполняли наземные службы контроля воздушного пространства, оснащенные, кстати, современной техникой слежения, о подозрительном бездействии которых уже говорилось. Несложно объяснить и поведение экипажа «Боинга-747» по отношению к перехватчикам. Возможно, в одном случае их просто не заметили. В условиях темной ночи это допустимо. Что касается дальнейшего, то на дежурные же средства ПВО не обратили внимания, посчитав их своими самолетами. Вспомним о необычном скоплении в данном районе РС-135. Один из них сопровождал «Боинг-747» до самой кромки воздушной границы СССР. Выходит, экипаж рейса КАЛ-007 «приучали» к тому, что вокруг него будут свои самолеты.

Но вполне возможно и другое развитие событий. Например, экипаж прекрасно знал, что следует ложным маршрутом. Утверждать так тоже есть все основания. Достаточно сказать, что полковник резерва ВВС Южной Кореи Чун Бюн Ин считался

одним из лучших летчиков «Кориан Эйрлайнз». Он трижды водил в качестве командира корабля личные самолеты президента своей страны. Так что вряд ли бы такой опытный пилот мог позволить себе «расслабиться» в небе. Скорее всего, дело обстояло иначе. Из печати известно, что командир экипажа «Боинга-747», как впрочем и второй пилот, не раз намекали сослуживцам о своих связях со спецслужбами. Кстати, на эти связи недвусмысленно намекал американский журнал «Сайенс дифенс мэгэзин», сообщивший, что «южнокорейский самолет незадолго до инцидента побывал на базе ВВС США Эндрюс, где был оснащен специальным оборудованием. При этой операции присутствовали специалисты из разведуправления ВМС США, разведуправления ВВС США, управления национальной разведки и других ведомств. В самолете был установлен совершенно секретный «черный ящик».

Подчеркнем, что это сообщение является одним из важнейших ключей к разгадке тайны рейса КАЛ-007. Но почему-то на Западе оно осталось без внимания. И все же данное заявление американского журнала служит еще одним весомым доказательством того, что в ночь с 31 августа на 1 сентября экипаж «Боинга» в очередной раз выполнял «поручение» спецслужб. Причем выполнял вместе с теми, кто во время стоянки в Анкоридже подсел в самолет, представляясь членами «эстафетного» экипажа, и чьи имена до сегодняшнего дня тщательно скрываются.

Собственно, рассказать об истинных причинах и обстоятельствах, которые привели «Боинг-747» в наше небо, могут лишь за океаном. Об этом наша сторона говорила и раньше, в этом мы убеждаемся сегодня, когда нами сделано все возможное, чтобы тайна гибели южнокорейского самолета была раскрыта. Странно

лишь то, что там не горят желанием открыть тайны рейса КАЛ-007. Невольно приходишь к мысли, что за океаном стремятся теперь не открыть, а закрыть историю с «Боингом-747». Имея массу «опорных точек», расследование за десять лет не дало ничего существенного, что могло бы прояснить тайны рейса КАЛ-007. Видимо, кому-то очень важно, чтобы мы и впредь перед лицом всего цивилизованного мира оставались главным и единственным виновником случившегося со всеми вытекающими из этого последствиями, включая финансовую компенсацию родственникам погибших.

В связи с этим такой примечательный штрих. Осенью прошлого года в Москве по инициативе президента РФ Б.Н. Ельцина состоялась первая рабочая встреча специальной комиссии с участием заинтересованных сторон: России, США, Южной Кореи и Японии. Она носила ознакомительный характер. Но вот что любопытно, на ней звучали предложения доверить расследование гибели «Боинга-747» независимой организации — ИКАО, слышались упреки в адрес российской стороны, которая якобы раскрыла не все секреты. Как видим, налицо попытка затянуть расследование, затормозить его ход. Трудно сказать, чем закончится очередная встреча и сколько их будет вообще, но ясно одно — мы еще не скоро узнаем всю правду о трагическом рейсе КАЛ-007. А пока можно лишь утверждать, что драматические события, разыгравшиеся в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года над Сахалином, представляли собой очередной эпизод необъявленной войны за облаками, которую нам давно навязали из-за океана.

*Полковник В. И. ДУДИН,
заслуженный военный штурман,
кандидат военных наук,
полковник И. Н. КОСЕНКО,
редактор журнала*

Н. Н. ГОЛОВИН

ВОЕННЫЕ УСИЛИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ | ИСЧИСЛЕНИЕ ПОТЕРЬ В ЛЮДСКОМ СОСТАВЕ

Данные советской статистики

Первичный подсчет, сделанный отчетно-статистическим отделом в 1920 году¹, дал следующие итоги:

Убитые	511 068
Умершие	35 185
Раненые	2 830 262
Без вести пропавшие	1 936 278
Всего	5 312 793

Эти итоги являются слишком явно неполными. В этом можно убедиться хотя бы из сопоставления числа раненых и убитых, с одной стороны, и числа умерших — с другой: это число умерших от ран при почти трех миллионах раненых должно измеряться сотнями тысяч.

В 1925 году отдел военной статистики советского Центрального статистического управления напечатал² таблицу о боевых потерях русской армии в мировую войну.

Окончательные итоги этой таблицы таковы:

Убитые	626 440
Умершие от ран	17 174
Раненые (контузены и отравленные)	2 754 202
Без вести пропавшие и пленные	3 638 271
Всего	7 036 087

Сравнивая оба вышеприведенных исчисления, мы увидим следующее: а) число убитых при втором исчислении возросло на 115 тыс.;

б) число умерших от ран по-прежнему измеряется совершенно не соответствующим общему размеру кровавых потерь числом; в) число раненых во втором исчислении оказалось на 76 тыс. меньше, чем в первом; г) зато возросло число без вести пропавших ввиду суммирования его с числом пленных, что и привело к увеличению общего итога боевых потерь почти на два миллиона.

Это сравнение приводит нас к заключению, что вновь опубликованные советскими статистическими учреждениями цифры кровавых потерь (т. е. убитыми, умершими, ранеными, контужеными, отравленными) меньше действительных и что значительная часть последних по-прежнему скрыта в категории без вести пропавших.

В комментариях³ к разбираемой нами таблице «Боевые потери» советское Центральное статистическое управление указывает: «Сведения о боевых потерях получены ЦСУ путем обработки сводок бывшего Главного управления Генерального штаба, составлявшихся на убитых, раненых, контуженых и отравленных газами, по сведениям, полученным с театра военных действий, а в отношении военнопленных и без вести пропавших — по сообщениям Комитета по делам военнопленных Красного Креста, находившегося в Копенгагене. Данные не включают в себе потерь эвакуационного характера (т. е. умерших в лазаретах и больных, эвакуированных в тыл). Сырой табличный материал был любезно предоставлен ЦСУ отчетно-статистическим отделом РККА».

Для того чтобы уяснить только что приведенное заявление советского статистического управления, попробуем сопоставить итоги разбираемой нами таблицы с цифровыми материала-

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1993. — № 1.

¹Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. — Вып. 1. — С. 168.

²Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах) — С. 30.

³Там же. — С. 15.

ми, собиравшимися в течение войны в нашем Главном управлении Генерального штаба.

Согласно только что упомянутым данным со-

ветского Центрального статистического управления, боевые потери по годам войны распределяются так:

	1914-1915 гг.	1916 г.	1917 г.	Всего
Убитые	312 607	261 096	52 737	626 440
Умершие от ран	4967	8687	3520	17 174
Раненые ⁴	1 537 849	995 106	221 247	2 754 202
Пленные и без вести пропавшие	1 547 590	1 172 448	918 233	3 638 271
Итого	3 403 013	2 437 337	1 195 737	7 036 087

В нашем распоряжении имеется секретный всеподданнейший отчет военного министра за 1916 год. Подлинный экземпляр этого отчета за № 25 передан на хранение в библиотеку —

Carnegie Endowment for International Peace⁵.

На странице 15 этого отчета потери в личном составе русской армии за время с 1 января 1916 года по 1 января 1917 года указываются следующие:

	Офицеров	Чиновников	Солдат	Всего
Убитые и умершие от ран	4078	22	265 684	269 784
Раненые	10 740	111	984 267	995 118
Без вести пропавшие	730	—	—	730
В плену	3507	243	1 499 154	1 502 904

При сопоставлении итогов кровавых потерь всеподданнейшего отчета военного министра за 1916 год обнаруживается почти тождество их с соответствующими итогами таблицы «Боевые потери» ЦСУ (для убитых и умерших от ран — 269 734

и 269 784; для раненых — 995 118 и 995 106).

В сведениях, полученных Ставкой из Главного управления Генерального штаба, боевые потери русской армии с первого дня войны по 1 января 1916 года исчисляются так:

	Офицеров и классных чинов	Нижних чинов	Всего
Убитые	6146	306 640	312 786
Умершие от ран	1486	3481	4967
Раненые	24 695	1 513 149	1 537 844
Без вести пропавшие	3560	500 039	503 599
В плену	9 222	1 034 077	1 043 299
Итого	45 109	3 357 386	3 402 495

Если мы сравним эти итоги с разбираемой нами таблицей «Боевые потери» советского Центрального статистического управления, то мы обнаружим еще большее совпадение, а именно:

	По данным советского Центр. стат. упр.	По данным, сообщенным в Ставку Главн. упр. Ген. штаба
Убитые	312 607	312 786
Умершие от ран	4967	4967
Раненые	1 537 849	1 537 844
Пленные и без вести пропавшие	1 547 590	1 546 898
Итого	3 403 013	3 402 495

Произведенные нами сопоставления важны нам не как подтверждение вышеприведенного комментария ЦСУ о том, что оно добыло сведения «путем обработки сводок бывшего Главного управления Генерального штаба». Они показывают, что, по существу дела, никакой научно-статистической обработки и не было. Просто была использована «бюрократическая» обработка этих сводок, сделанная в свое время Главным управлением Генерального штаба. Мы употребляем слово «бюрократическая», во-первых, имея в виду то малонаучное направление, которое было придано нашему Главному управлению Генерального штаба генералом Сухомлиновым,

⁴Под словом «раненые» мы и далее будем понимать также контуженных и отравленных.

⁵Копии этого секретного отчета хранятся: одна — в Hoover War Library, другая — в архиве генерала Н. Н. Головина.

превратившим это учреждение просто в высшую военную канцелярию; но кроме этого, и самый характер использованных Главным управлением Генерального штаба материалов отвечал только определенным канцелярским заданиям. Например, списки на убитых составлялись для оповещения об этом родных; следовательно, в эти списки попадали лишь имена тех лиц, для которых акт смерти в бою мог быть сразу же и с полной точностью удостоверен. Все «убитые», находившиеся под малейшим сомнением, вносились в категорию «без вести пропавшие». Чем менее была возможность точной регистрации убитых в войсках, тем с большей осторожностью вносили их в эти списки центральные штабы, тем меньше была численность убитых и тем все больше росла категория «без вести пропавшие». Если бы составители таблицы «Боевые потери» ЦСУ отнеслись к своей работе вполне научно, они оговорили бы, что их рубрика «убитые» включает в себе только убитых, зарегистрированных в поименных списках, издаваемых Главным штабом во время войны.

Исчисление доктора В. Г. Аврамова

Попытка систематизировать сохранившиеся материалы Главного военно-санитарного управления сделана доктором В. Г. Аврамовым. Его

работа была опубликована в 1920 году в «Известиях Народного комиссариата здравоохранения» под заглавием «Жертвы империалистической войны в России». Сведения, заключающиеся в ней, касаются лишь войск, действовавших на нашем Западном театре (т. е. на Северном, Северо-Западном, Юго-Западном и Румынском фронтах) с августа 1914 года по сентябрь 1917 года. Таким образом, работа доктора В. Г. Аврамова не включает в себе данных о нашем Кавказском фронте, о наших войсках, действовавших во Франции и в Македонии, а также о потерях всей русской армии после сентября 1917 года.

Кроме того, обзор, сделанный доктором В. Г. Аврамовым, не может претендовать на исчерпывающую полноту по причине неаккуратных донесений о потерях в период крупных сражений и частью вследствие утери некоторых материалов при отступлении и демобилизации армии. Неполнота за счет последней причины, по мнению самого доктора В. Г. Аврамова, равна примерно 10 проц.⁶

Однако, несмотря на неполноту труда доктора В. Г. Аврамова, нельзя не признать за ним значение первенствующего источника для изучения потерь русской армии ранеными и больными.

Итоги, полученные доктором В. Г. Аврамовым, выражаются в следующих числах:

	Офицеров	Солдат	Всего
Убито	12 813	652 077	664 890
Ранено (контужено и отравлено)	73 768	3 740 059	3 813 827
Пропало без вести	13 382	2 319 993	2 333 375
Итого	99 963	6 712 129	6 812 092

Оставляя до дальнейшего рассмотрения вопроса о числе убитых и без вести пропавших, мы остановим здесь наше внимание лишь на общем итоге раненых, который достигает у доктора В. Г. Аврамова 3 813 827. Сделав еще указанную самим доктором В. Г. Аврамовым 10-процентную надбавку, мы получим в круглых цифрах величину в 4 200 000.

Если вычесть из этой цифры 2 875 000 эвакуированных во внутренние военные округа, мы получим число в 1 325 000, которое должно соответствовать итогу раненых, пользовавшихся в санитарных учреждениях театра военных действий, т. е. войскового, армейского и фронтового тылов. По отношению к общему числу всех раненых это составит 32 проц., что при принятых у нас порядках нельзя считать преувеличением.

Таким образом, мы считаем возможным принять за общий итог всех раненых цифру, вытекающую из исследования доктора В. Г. Аврамова в 4 200 000, считая ее величиной более близкой из всех до сих пор напечатанных цифр,

подходящей к действительности⁷.

Исследование доктора Аврамова позволяет бросить взгляд и на распределение потерь по родам войск, причем мы по-прежнему ограничимся использованием только данных, касающихся раненых, оставляя в стороне цифры доктора Аврамова для убитых и без вести пропавших.

Согласно данным доктора В. Г. Аврамова, об-

⁶Статья Л. И. Сазонова «Потери России в войну 1914-1918 гг.» Выпуск 1-й Трудовой Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. — С. 173.

⁷Один из участников Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1918 гг. пишет на с. 176 1-го выпуска по поводу цифровых данных доктора Аврамова: «Приводимые автором цифры потерь указывают, что он располагал сведениями более полными по сравнению со сведениями, имевшимися в распоряжении Ставки, также и по сравнению со сведениями справочного отчетного отдела о потерях на фронте командного управления». Напомним здесь от себя, что упоминаемая выше таблица «Боевые потери», составленная отделом военной статистики Центрального статистического управления, подготовлена как раз по данным этого справочного отчетного отдела.

шее количество раненых между родами войск распределяется так:

Процентное распределение
общего итога раненых
между различными родами войск
(по данным доктора В. Г. Аврамова)

Пехота	94,1
Кавалерия	1,7
Артиллерия	1,1
Инженерные войска	0,3
Пограничная стража	2,6
Прочие части	0,2
В с е г о	100

Пехота являлась самым многочисленным родом войск, в особенности в русской армии, и потому — то львиная доля потерь выпадает на нее вполне естественно. Но подавляющие размеры этой доли объясняются также тем, что пехота по самому роду своей работы несет и наиболее интенсивные потери.

Исследования доктора В. Г. Аврамова дают также некоторые указания о процентном соотношении офицерских и солдатских потерь ранеными в различных родах войск русской армии.

Процент офицерских и солдатских потерь
ранеными в различных родах войск
(по данным В. Г. Аврамова)

	Офицеры	Нижние чины
Пехота	56,5	36,9
Кавалерия	41,2	18,3
Артиллерия	26,3	7,4
Инженерные войска	10,6	5,5
Пограничная стража	54,1	45,9
Прочие части	2,9	0,7
О б щ е е с р е д н е е	48,8	32,9

Приведенная таблица показывает, насколько тяжелее были в русской армии потери в офицерском составе по сравнению с нижними чинами; в пехоте процент раненых офицеров превосходил таковой же у солдат в 1,5 раза; в кавалерии — в 2,3 раза; в артиллерии — в 3,6 раза; в инженерных войсках — в 1,9 раза; в общем же для всей армии офицеры в полтора раза больше подвергались ранениям, нежели солдаты.

Для того чтобы получить представление о тяжести кровавых потерь, понесенных в минувшую войну русской армией, мы сравним данные доктора В. Г. Аврамова с общим процентом потерь родов войск во французской армии; для однородности сравнения мы приведем только данные доктора В. Г. Аврамова, относящиеся к

потерям нижних чинов (т. е. подавляющей массы армии).

Сравнение процентов потерь в различных
родах войск в русской и французской
армиях

	Процент потерь ранеными среди нижних чинов русской армии	Общий про- цент потерь во француз- ской армии
Пехота	36,9	21,8
Кавалерия	18,3	7,1
Артиллерия	7,4	6,1
Инженерные войска	5,5	6,3

Это сравнение обнаруживает, насколько кровавее была война для русской армии вследствие необходимости восполнить недостаток в технике лишними потоками крови: русская пехота более чем в полтора раза, а русская кавалерия — в два с половиной раза несет более потерь, нежели соответствующие рода войск французской армии; русская же артиллерия лишь немногим превосходит в этом отношении французскую, а наши инженерные войска даже уступают им.

Во всяком случае, из этой таблицы можно сделать одно общее заключение, важное для наших дальнейших выводов: кровавые потери русской армии должны быть не только абсолютными, но и относительно тяжелее кровавых потерь французской армии.

Число убитых

Согласно работе доктора Тубера (J. Toubert⁸), во французской армии 1 убитый приходился на 3,33 раненых.

Следовательно, исходя из предположенного нами общего числа раненых в русской армии в 4 200 000, число убитых не может быть меньшим, чем 1 261 261, или, округляя, 1 300 000.

Эта цифра превосходит в два раза числа, приведенные в советских изданиях.

Причина подобного расхождения объясняется следующим образом. Из книги Тубера выясняется, что во французской армии после сделанной по окончании войны проверки пленных о 252 900 чинах ничего неизвестно. «Имеются все основания считать, — пишет Тубер, — что большая часть этих 252 900 пропавших без вести должна быть прибавлена к числу убитых в боях...»

Так французы и сделали: при определении числа своих убитых в бою воинов они прибавили к числу 674 000 зарегистрированных убитых

⁸ Etude Statistique des pertes subies par les Francais pendant la guerre 1914-1918; par le Medecin Inspecteur General J. Toubert, pages 3 et 36.

еще 252 900 вышеупомянутых без вести пропавших, что и привело их к итогу в 900 000 убитых.

Таким образом, мы видим, что полное обследование французами потерь своей армии привело их к выводу, что для того, чтобы определить истинную цифру убитых, им нужно было прибавить к числу зарегистрированных убитых еще 36 проц. от этого числа.

Мы с уверенностью утверждаем, что в условиях, в которых велась борьба на русском фронте, в русской армии число «неизвестных» убитых составляет несравненно больший процент по отношению к «зарегистрированным» убитым.

«Неизвестные» убитые на французском фронте представляли собой тех, которые, по словам Тубера, «разорваны, раздавлены или засыпаны». На русском же фронте к этого рода «исчезнувшим» убитым следует прибавить еще огромное число оставленных на полях сражений убитых и скончавшихся тяжелораненых, похороненных затем неприятелем или нашими, но «чужими» частями войск в больших братских могилах. Это те, о которых священники при их отпевании молились словами: «Имена же их, Ты, Господи, веши».

Общая численность французов, попавших в плен и без вести пропавших, по заявлению одного из представителей Франции на мирной конференции в Версале — г-на Тардые, исчисляется в 800 000. Таким образом, число «неизвестных» убитых составляет 32 проц. от общего числа «пленных и без вести пропавших». Отдел военной статистики советского Центрального статистического управления определяет⁹ численность «пленных и без вести пропавших» в русской армии за время большой войны (1914-1917 гг.) в 3 638 271. 32 проц. от этого числа составит 1 164 250. Мы же предполагаем число «неизвестных» убитых равным только 674 000 (1 300 000 минус 626 000 зарегистрированных в таблице ЦСУ убитых). Следовательно, опасаться преувеличения не приходится.

Число пленных

Наша Ставка в своем ответе от 10(23) октября 1917 года на запрос начальника французской миссии генерала Жанена определяет число наших чинов, попавших в плен, в 2 043 548.

Между тем в книге «Россия в мировой войне 1914-1918 гг.», изданной отделом военной статистики Центрального статистического управления, приведена к тому же сроку совсем иная цифра. В этом можно убедиться, взглянув на стр. 20 только что названной книги, на которой напечатана таблица № 5 под заглавием «Баланс расхода людской силы, взятой из населения в войска по состоянию на 1 сентября 1917 года». Составители этой таблицы утверждают, что она

будто бы составлена «по данным бывшей Ставки». Указанная в ней численность попавших в плен достигает 3 343 900.

По данным же, разработанным в 1919 году бывшим советским статистическим справочным отделом Центральной коллегии о пленных и беженцах (Центропленбеж — ныне Центрозвак), общее число зарегистрированных русских военнопленных определилось в таком виде:

В Германии	2 385 441
В Австрии	1 503 412
В Турции	19 795
В Болгарии	2 452
Итого	3 911 100

Приводя эти цифры, автор статьи «Потери России в войну 1914-1918 гг.», напечатанной в «Трудах Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1918 гг.», Л. И. Сазонов пишет: «В течение 1919 и 1920 гг. списки военнопленных продолжали поступать в названный отдел Центрозвака. Общее число зарегистрированных по этим спискам военнопленных в центральных государствах к 1 октября 1920 года определялось уже в 4 260 775 человек. Число это несомненно надо признать преувеличенным. При установлении более точного числа необходимо принять во внимание наличие дубликатов карточек военнопленных. По заключению особой комиссии, ревизовавшей картотеку, число дублированных карточек достигает 12 проц. С другой стороны, необходимо учесть также и то обстоятельство, что часть списков военнопленных, посылавшихся из страны пленения, могла быть утеряна в пути и не доставлена в Россию, как во время войны, так и после войны, особенно в периоды перерыва сношений России с Западной Европой... На основании состояния картотеки статистическо-справочного отдела Центрозвака с внесением в эти сведения соответствующих поправок общее число зарегистрированных к октябрю 1920 года русских военнопленных, находившихся в центральных государствах, определялось в 3 750 000 человек, из них офицерских чинов, чиновников, врачей, священников и сестер милосердия — 28 329».

Почти сейчас же после войны, а именно в 1919 году, была напечатана капитальнейшая работа Вильгельма Дегена, посвященная вопросу военнопленных в Германии. В томе 1-м¹⁰ этого труда помещены подробные числовые данные. Просматривая эти данные на 10 сентября 1915 года, мы увидим точное совпадение с числами, сообщенными через гамбургский Красный Крест.

¹⁰Wilhelm Doegen «Kriegsgefangene Volker. Band I, Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksaal in Deutschland». Bearbeitet in Verbindung mit Theodor Kappstein und herausgegeben im amtlichen Auftrage des Reichs-Wehr Ministeriums. Dietrich Reimer (Ernst Vohnsen) in Berlin ss. XV, 263.

⁹Россия в мировой войне (в цифрах). — С. 30 (таблица 22).

Выпуск 1-й «Трудов Комиссии по обследованию последствий войны 1914-1920 гг.» издан Народным комиссариатом здравоохранения в 1923 году. Следовательно, советские исследователи имели полную возможность использовать работы Вильгельма Дегена. Между тем это совершенно не сделано. На стр. 170 в статье «Потери России в войну 1914-1918 гг.» Л. И. Сазонов приводит только цифры, сообщенные в Россию через гамбургский Красный Крест, о численности русских военнопленных к 10 сентября 1915 года, для того чтобы затем не принимать их во внимание. Между тем эти данные могли бы навести Л. И. Сазонова и его сотрудников на мысль использовать германские источники.

В отделе о военнопленных, учрежденном во время войны при нашем Министерстве иностранных дел, велся приблизительный учет наших пленных. Этот учет велся по данным, доставляемым нашим Главным управлением Генерального штаба, Центральным справочным бюро и соответствующими союзными правительственными. Этот отдел считал, что к декабрю 1916 года общее число русских, находящихся в плену, достигало 2 501 250 человек; из них в Германии — 1 400 000, в Австро-Венгрии — 1 095 000, в Турции — 6200, в Болгарии — 50¹¹.

Наконец, по данным, приводимым австро-венгерским бюро, общее число русских пленных, находящихся в лагерях центральных держав к 1 февраля 1917 года, исчислялось в 2 080 694¹².

Из всего изложенного выше мы видим, как велико разнообразие в определении числа русских военнопленных. Для того чтобы найти точное определение этого числа, мы видим только один путь: обратиться к изучению этого вопроса в военных архивах наших бывших врагов. Во время войны там должен был вестись подробный учет содержащихся в концентрационных лагерях пленных. С этой целью мы обратились к одному из членов рейхсархива — майору Гюнтеру Францу¹³ с просьбой произвести нужную нам справочную работу в германских архивах.

Майор Г. Франц любезно согласился и сделал ее¹⁴, используя документы (Aktienmaterial), хранящиеся в государственном архиве в Потсдаме с отделением в Берлине (Reichsarchiv — Potsdam mit Zweigstelle Berlin) и в «Relch-

sverwaltung für Reichsaufgaben» в Берлине (Berlin W, Königsglatzerstrasse).

Эта работа, подтвердив точность цифр, приведенных Вильгельмом Дегеном, дала еще несколько новых данных. Таким образом, используя работы Вильгельма Дегена и майора Г. Франца, мы можем точно установить численность русских военнопленных в Германии в разные периоды войны.

В таблице мы приводим эти данные, причем ввиду того, что с большевистским переворотом Россия вышла из рядов союзников и российская армия фактически была большевистской властью упразднена, мы ограничиваем наш подсчет концом 1917 года.

Численность русских пленных в Германии на основании данных Вильгельма Дегена и майора Франца

	Офицерских и классн. чинов	Нижних чинов	Итого
1915 г.			
к 1 января	3577	306 653	310 230
к 10 июня	5391	520 709	526 100
1916 г.			
к 10 января	8734	1 017 046	1 025 780
к 10 июля	8858	1 117 220	1 126 078
1917 г.			
к 10 января	9322	1 222 084	1 231 406
к 10 июня	9920	1 244 815	1 254 735
			в круглых числах
1918 г.			
к 10 августа	?	?	1 400 000

Приведенные выше итоги выражают собой общее число русских военнопленных, содержащихся в концентрационных лагерях. Из них, по заявлению майора Франца, не исключены умершие в плену, обмененные инвалиды и бежавшие из плена. С другой стороны, те военнопленные, которые умерли по пути в концентрационные лагеря, в эти итоги не включены. Ввиду того, что эти умершие пленные состоят исключительно из захваченных на полях сражений тяжелораненых, то, по совершенно верному заключению майора Франца, они не должны включаться в категорию пленных, а должны быть отнесены к категории умерших от ран.

С целью выяснения численности наших пленных в Австро-Венгрии мы обратились к

¹¹ «Обзор деятельности Министерства иностранных дел по заботе о военнопленных», составленный 23 февраля 1917 года; хранится в личном архиве С. Д. Боткина, управлявшего отделом о военнопленных Министерства иностранных дел.

¹² Газета «Время» от 18 мая 1917 года.

¹³ Gunther Franz, Archivrat und Mitglied des Reichsarchivs; Major a. D., ehemals im Grossen Generalstabe, автор книг «Russland auf dem Wege zur Katastrophe» und «Russlands Eintritt in den Weltkrieg».

¹⁴ Один экземпляр рукописи этой работы, озаглавленной «Kriegsgefangene Russen in Deutschland», хранится в библиотеке Carnegie Endowment for International Peace, а другой — в архиве генерала Н. Н. Головина.

полковнику Вальдштеттену с просьбой произвести подробное обследование в венских архивах. На основании присланной полковником Вальдштеттену работы¹⁵ мы можем составить следующую таблицу.

Численность русских военнопленных в Австро-Венгрии (по данным полковника Вальдштеттена)

	Офицерских и классн. чинов	Нижних чинов	Всего
1914 г. к 25 сентября	443	44 573	45 016
1915 г. к 1 января	1120	173 518	174 638
к 10 июня	2503	476 690	479 193
1916 г. к 1 августа	4354	801 796	806 150
к 31 декабря	4682	840 293	844 975
1917 г. к 1 февраля	4755	848 998	853 753
к 1 июня	4559	866 403	870 962
к 31 декабря	4320	912 426	916 746
	или с округлением:		917 000

Числа, приведенные в вышеозначенной таблице, не заключают в себе тяжелораненых, скончавшихся на полях сражений или по пути следования в лагеря военнопленных. Из итогов полковника Вальдштеттена исключены также к каждому из счетных дней: умершие в плену, обмененные инвалиды и бежавшие из плена. Таким образом, для определения общего числа чинов русской армии, попавших в австро-венгерский плен, нельзя, подобно тому, как это можно сделать с работой майора Франца, взять итог русских военнопленных в декабре 1917 года или в январе 1918 года. Приходится в данном случае прибавить к итогу полковника Вальдштеттена на 31 декабря 1917 года еще 27 738 умерших в плену и около 27 000 обмененных инвалидов, а также всех бежавших из плена.

¹⁵Один экземпляр рукописи этой работы, озаглавленной «Elaborat über die vom Kriegsführenden Staat Estereich-Ungarn im Verlaufe des Grossen Kriegs 1914-1918 gemachten russischen Kriegsgefangenen» хранится в библиотеке Carnegie Endowment for International Peace; другой экземпляр — в архиве генерала Н. Н. Голвина.

Полковник Вальдштеттен не дает в своем труде этого числа; для того чтобы составить себе приблизительное представление об его размерах, нам придется использовать данные майора Франца, указывающие число русских, бежавших из германского плена.

На стр. 3 своей рукописи майор Франц пишет, что, по новейшим официальным исчислениям, к 10 июня 1918 года число русских, бежавших из плена и непойманных, достигало: 24 офицерских и 60 295 нижних чинов.

Число же бежавших и вновь пойманных равнялось: 418 офицерских и 199 530 нижних чинов.

В дальнейшем нашем исследовании мы вернемся к психологической оценке колоссального размера этих чисел. Они ярко опровергают довольно распространенное мнение о мало развитом чувстве любви к Родине в русских народных массах. Здесь же мы только удержим наше внимание на том, что, согласно данным майора Франца, процент удачно бежавших из германского плена русских достигает к 10 июня 1918 года 4,2 проц.¹⁶ Нет никаких оснований предполагать, что процент бежавших из австро-венгерского плена русских был бы меньшим. Поэтому общее число удачно бежавших русских военнопленных может достигать к 1 ноября 1919 года 40 000 человек. Это число, сложное с числом умерших в плену, нужно прибавить к итогу русских пленных, показанному полковником Вальдштеттенем на 31 декабря 1917 года (917 000). Это дает в круглых числах 1 000 000, что и выразит итог попавших в австро-венгерский плен чинов русской армии.

К числу русских военнопленных, находившихся в Германии и Австро-Венгрии, нужно прибавить еще число чинов русской армии, которые оказались в плену в Турции и Болгарии.

Численность наших пленных в Турции, по данным полковника Вальдштеттена, к 1 января 1917 года равнялась 115 офицерским и классным чинам и 5283 нижним чинам. Эта цифра подтверждается приведенными выше данными нашего Министерства иностранных дел¹⁷, считавшего, что в декабре 1916 года число русских, находящихся в плену в Турции, достигает 6200. Наконец, по данным последнего нашего главнокомандующего на Кавказе генерала Юденича, общее число русских пленных в Турции за всю войну равнялось 6000¹⁸.

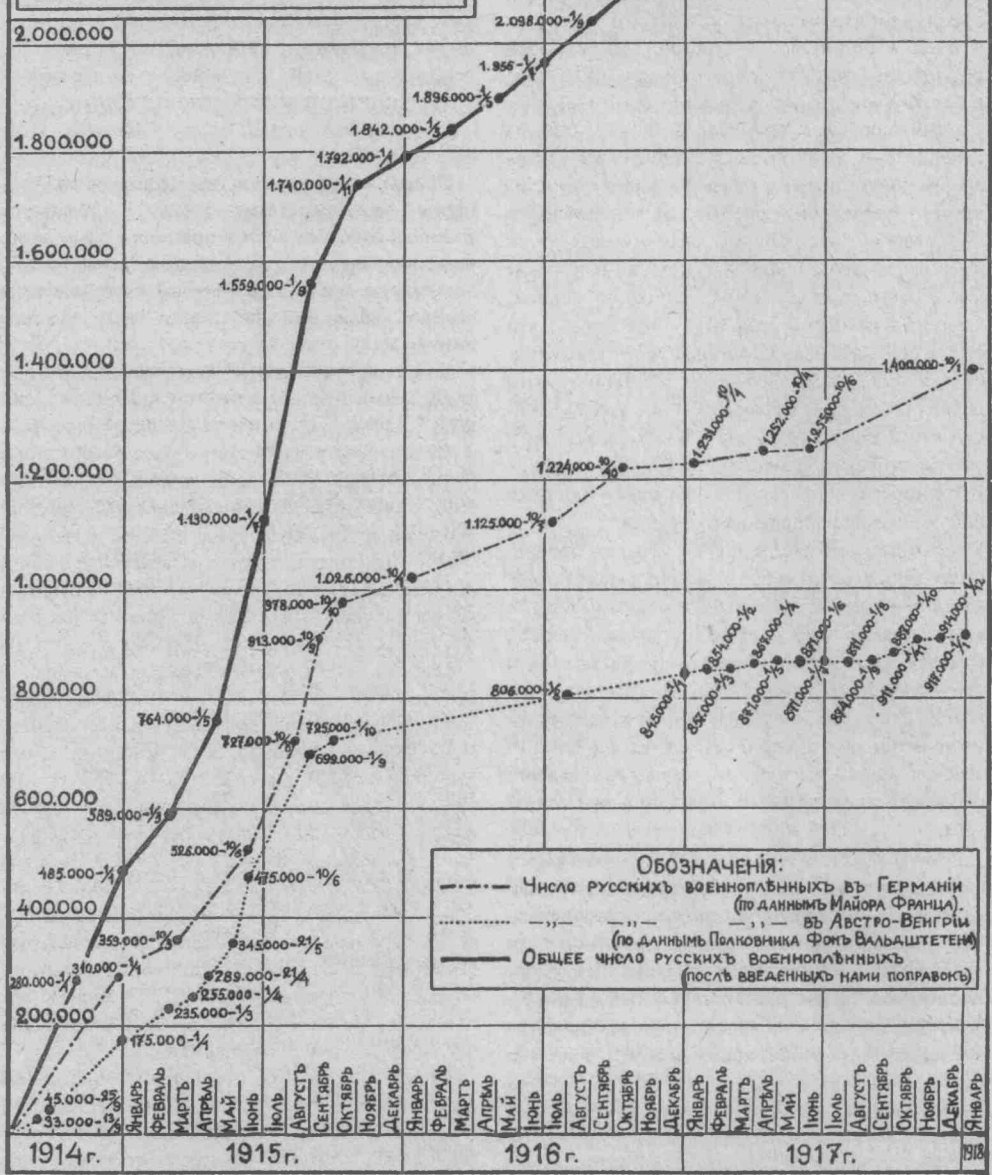
Если прибавить к этому числу русских пленных в Болгарии (2452 — по данным большевистского исследователя Л. И. Сазонова), то мы можем считать, что в круглых цифрах числен-

¹⁶Для исчисления процента взят из рукописи майора Франца итог русских военнопленных к 10 октября 1918 года, а именно: 14 024 офицера и 1 392 890 нижних чинов.

¹⁷«Обзор деятельности Министерства иностранных дел по заботе о военнопленных».

¹⁸Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. — Вып. I — С. 169. Для наших пленных в Турции Л. И. Сазонов приводит явно преувеличенную цифру в 19 795.

СХЕМА №8. Число русских военно- пленных въ войну 1914—1918 г.г.

ность русских пленных в Турции и Болгарии может быть приравнена к 10 000.

Подведя теперь общий итог числу чинов русской армии, попавших в плен до ноября 1917 года, мы получим:

Полковник Вальдштеттен считает общий итог

В германском плену	1 400 000
В австро-венгерском плену	1 000 000
В турецком и болгарском плену	10 000
Всего	2 410 000

русских, попавших в плен (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция), равняющимся 2 417 000.

Таким образом, только что сделанные нами предположительные исчисления показывают нам, что, приняв общий итог полковника Вальдштеттена, мы не сделаем большой ошибки в меньшую сторону. Поэтому мы для дальнейших наших рассуждений примем за отправную точку общий итог в 2 417 000 пленных, данный полковником Вальдштеттенем.

На схеме 8 построена кривая роста числен-

ности чинов русской армии, попавших в плен. За основу этого построения взяты кривые, построенные в свою очередь по данным майора Франца и полковника Вальдштеттена. При исчислении общей суммы на каждые два месяца введены следующие надбавки: а) за счет умерших, бежавших и обмененных, находившихся в австро-венгерском плену, и б) за счет попавших в плен в Болгарию и Турцию; эти надбавки рассчитаны так, чтобы к октябрю 1917 года довести общий итог пленных до 2 417 000.

Вычитая итог пленных в 2 417 000 из 3 638 271, т. е. из числа, установленного отделом военной статистики Центрального статистического управления для «пленных и без вести пропавших», мы получим разницу, равную в круглых цифрах 1 200 000, которая и выразит численность «без вести пропавших» по данным, бывшим в распоряжении ЦСУ. Это число почти вдвое больше предположенной нами численности «неизвестных убитых» (в 674 000). Таким образом, отпадает всякое сомнение в возможности столь большого числа убитых, оставшихся «неизвестными». После вычета 674 000 из общей численности «без вести пропавших» остается еще «недорасшифрованный» остаток в 526 000. Мы считаем, что этот остаток «без вести пропавших» включает в себе: а) тяжелораненых, попавших в плен и скончавшихся до прибытия в концентрационные лагеря; б) тяжелораненых, подобранных своими «соседними» частями или сочувствующим населением и скончавшихся вскоре после этого; в) некоторое число раненых, попавших в лечебные заведения помимо «своих» частей и о судьбе которых начальники и ближайшие штабы не имели нужных сведений.

Ввиду того, что при установлении общего итога раненых мы придерживались данных доктора В. Г. Аврамова, то есть взяли число (4 200 000), превосходящее более чем на 1 425 000 общий итог ЦСУ для раненых и умерших от ран (2 754 202 + 17 174), мы полагаем более осторожным при наших дальнейших вычислениях потерь не принимать во внимание вышеупомянутый остаток в 526 000, считая, что он уже включен в наш увеличенный итог раненых.

Здесь кстати будет обратить внимание на то, что число «без вести пропавших» определяется доктором В. Г. Аврамовым в 2 333 375 человек. Никакого объяснения по поводу образования этой чудовищно большой цифры доктор Аврамов не дает. Несомненно, что в этот итог попали пленные. В этом случае мы обнаруживаем большое совпадение с установленным нами числом пленных; а это в свою очередь подтверждает правильность нашего решения, что «неизвестные» раненые и умершие от ран уже включены в итог, данный нами для раненых.

Итоги боевых потерь

Подведем общий итог предполагаемых нами боевых потерь русской армии в минувшую большую войну.

Убитые	1 300 000
Раненые (из них умерло 350 000)	4 200 000
пленные	2 417 000
Всего	7 917 000

Общий итог боевых потерь, согласно таблице отдела военной статистики ЦСУ, равняется 7 036 087. Мы не будем повторять здесь всего сказанного нами о том, что большинство итогов, напечатанных в таблице «Боевые потери» отдела военной статистики ЦСУ, много меньше действительных.

В другой советской статистической работе, также нами неоднократно цитированной¹⁹, общий итог потерь намечается гораздо большим. Л. И. Саонов в своей статье «Потери России в войну 1914-1918 гг.» в виде окончательного вывода своих исследований пишет: «С большой вероятностью можно таким образом предположить, что потери армии в действительности приближаются к цифре в 8 428 717 человек, а за округлением — в 8 500 000. Думать так дает основание приближение цифровых данных по отдельным категориям потерь, приводимых в таблицах доктора Аврамова, к тем данным, которые получаются в основании сведений Ставки. Итак, общие потери русской армии за время империалистической войны 1914-1918 гг., по официальным данным, поступившим за время войны, недостаточно еще проверенным, требующим дальнейшей разработки, определяются в 7 326 000, а за округлением — в 7 500 000 человек. На основании же исследования доктора В. Г. Аврамова, дополненного официальными, достаточно проверенными данными о пленных, определяются (за округлением) в 8 500 000 человек; это число и следует считать более соответствующим действительности».

Таким образом, установленный нами общий итог боевых потерь в 7 917 000 находится в середине между двумя величинами, определенными советскими статистическими учреждениями.

Сравнение русских кровавых потерь с французскими и германскими

Сопоставим теперь цифры, предположенные нами для определения кровавых потерь (убитые, умершие от ран, раненые, контуженые, отравленные газами) русской армии, с подобными же

¹⁹ Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг.

данными, установленными для французской и германской армий.

Один только взгляд на приведенную ниже таблицу показывает всю несообразность итогов кровавых потерь, напечатанных отделом военной статистики советского Центрального статисти-

ческого управления. Борьба русской армии из-за недостатка в вооружении, в огнестрельных припасах, в касках и по другим причинам ни в коем случае не могла быть менее кровопролитной, нежели борьба французской и германской армий.

Сравнение кровавых потерь в русской армии с таковыми же во французской и германской армиях

Армии	Общее число мобилизованных	Убитые	Умершие от ран	Раненые	В с е г о	Проц. кровавых потерь по отношению к общему числу мобилизов.	Проц., указанный в предыдущей графе, разделенный на число мес. войны
Русская армия (согласно произведен. нами исследованию)	15 500	1300	350	3850	5500	35,5	0,91 ²⁰
Русская армия (по итогам отдела военной ст. сов. ЦСУ) ²¹	15 500	626	17	2754	2397	16	0,41
Французская армия	8300 ²²	900	250	2750	3900	47	0,92
Германская армия	11 000		1808	4247	6055	55	1,04 ²³

Подтверждением этому может служить приведенная выше всеподданнейшая записка, поданная государю в ноябре 1916 года 28 членами Государственной думы и Государственного совета, входившими в состав «Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства». В ней указывается на то, что «принцип бережливости людской жизни не был в должной мере воспринят нашей армией и не был в ней достаточно осуществлен. Многие офицеры не берегли себя; не берегли их, а вместе с тем и армию и высшие начальники. В армиях прочно привился иной взгляд, а именно, что при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь преимущественно ценою человеческой крови. В результате в то время, как у наших союзников размеры ежемесячных потерь их армий постепенно и неуклонно сокращаются, уменьшившись во Франции по

сравнению с начальными месяцами войны почти вдвое, у нас они остаются неизменными и даже имеют склонность к увеличению». Во избежание этого, по мнению членов Совещания, подписавших записку, необходимо внушить всем начальствующим лицам, что легкое расходование людской жизни, независимо от чисто гуманитарных соображений, вообще недопустимо, ибо наш человеческий запас далеко не неистощим. Это необходимо, по словам записки, «не только для сохранения боевой мощи нашей армии до победоносного окончания войны, но и для обеспечения работы тыла, при дезорганизации которого потребности армии невозможно будет удовлетворить. Широкое развитие и применение различных предохранительных средств, как-то касок, наплечников, более усовершенствованных укреплений и окопов, — вот к чему мы должны ныне прибегнуть, а в основу всех тактических мероприятий должно быть положено стремление заменить энергию, заключающуюся в человеческой крови, силою свинца, стали и взрывчатых веществ».

В результате члены Совещания по обороне предлагали в числе мер, направленных к сохранению боеспособности армии, «бережливое рас-

²⁰Частное от деления на 39 месяцев войны.

²¹Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). — С. 30.

²²Reval. J. L'effort militaire des Allies sur le front de France, — P. 84.

²³Частное от деления на 51 месяц войны.

ходование человеческого материала в боях при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара».

Записка членов Особого совещания, полученная в Ставке и сообщенная главнокомандующим фронтами, вызвала с их стороны чрезвычайно характерные возражения, которые только подтверждают то, что упрек членов Особого совещания по обороне в проявлении нашим высшим командным составом малой бережливости офицерской и солдатской крови, был справедлив.

Генерал Брусилов, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, пишет в своем ответе²⁴:

«Наименее понятным считаю пункт, в котором выражено пожелание бережливого расходования человеческого материала в боях при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара. Устроить наступление без потерь можно только на маневрах: зря никаких предприятий и теперь не делается, и противник несет столь же тяжелые потери, как и мы... Что касается до технических средств, то мы пользуемся теми, которые у нас есть; чем их более, тем более гарантирован успех; но чтобы разгромить врага или отбиться от него, неминуемо потери будут, притом — значительные».

Генерал Рузский, главнокомандующий армиями Северного фронта, указывает в своем ответе, что война требует жертв, и всякий в этом вопросе нажим на начальников может привести к угашению той инициативы и порыва, которые у них еще остались, а при трудности быть уверенным, что с продолжением войны мы превзойдем своих противников в техническом отношении, бережливость эта может привести лишь к очень невыгодным результатам.

Ответы генералов Брусилова и Рузского показывают, что они забыли заветы Петра Великого, требовавшего от своих генералов, чтобы они одерживали победы «малой кровью». Но, с другой стороны, они также подтверждают то, что бедность нашей армии в технике вынуждала ее проливать лишние потоки крови.

Изложенное указывает нам, что даже предположенные нами итоги кровавых потерь, превосходящие почти в два раза таковые же советского ЦСУ, все-таки должны считаться несколько меньшими, чем действительные.

Распределение боевых потерь по различным периодам войны

Попробуем теперь установить распределение боевых потерь по различным периодам войны, а также по другим признакам. Мы считаем долгом предупредить, что недостаточность точного материала придает предпринимаемому исследованию условный характер. Тем не менее

некоторые общие статистические контуры крупных явлений могут быть прощупаны.

Начнем с изучения потерь русской армии пленными. В основу наших исчислений мы берем данные Вильгельма Дегена, майора Г. Франца и полковника Вальдштеттена. В данные последнего мы вводим соответствующие поправки на число умерших в плену, бежавших и обмененных инвалидов. Затем мы прибавим чинов нашей армии, попавших в болгарский и турецкий плен.

В течение первых 9 месяцев войны, с 1 августа по 1 мая, русская армия теряет пленными около 764 000 человек. Это составляет в среднем около 85 000 в месяц.

Из указанных 764 000 Северо-Западный фронт, действовавший против германских войск и состоявший из 1, 2, 10-й, а с конца 1914 года еще из 4-й и 5-й армий, теряет пленными более 450 000. В частности, во время катастрофы 2-й армии (генерала Самсонова) между 26 и 31 августа немцами, согласно их счету²⁵, было захвачено 92 000 пленных. На том же Северо-Западном фронте 1-я русская армия (генерала Ренненкампа) во время первой операции (14 августа — 17 сентября) в Восточной Пруссии, победоносно начавшейся у Гумбинена и закончившейся неудачным для нас сражением у Маурских озер, потеряла пленными, по немецкому счету, 45 000²⁶.

На Юго-Западном фронте во время победоносной для нас Великой Галицийской битвы (с 17 августа по 25 сентября), закончившейся для нас занятием большей части Галиции, мы потеряли пленными всего 443 офицера и 44 573 нижних чина²⁷. Это число дается в исследовании полковника Вальдштеттена на 25 сентября. Этот же исследователь утверждает, что к 13 сентября, т. е. к тому дню, когда закончены были главные сражения, составляющие Великую Галицийскую битву 1914 года (по австро-венгерской терминологии: сражение у Красника, сражение у Комарова, сражение у Рава-Русской, сражение у Львова), общее число захваченных у русских пленных измерялось всего в 33 000²⁸. Только что приведенные цифры чрезвычайно интересны, так как разрушают легенду, которая была пущена командовавшим 4-й австро-венгерской армией генералом Ауфенбергом о том, что он будто бы совершенно разгромил 5-ю русскую армию генерала Плеве, захватив у него 160 (?) орудий и десятки тысяч пленных. Сражение у Комарова составляет только отдельный эпизод Великой Галицийской битвы 1914 года — эпизод, разыгравшийся в районе Томашова и продолжавшийся между 25 августа и 2 сентября. При общем итоге русских пленных к 13 сентября

²⁵Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914-1918. — Т. II. — С. 230.

²⁶Там же. — С. 317.

²⁷Рукопись полк. Вальдштеттена. — С. 2.

²⁸Там же.

²⁴От 8(21) декабря 1916 года. — № 1427.

в 33 000 на долю генерала Ауфенберга никак не могло выпасть десятков тысяч при 160 орудиях. Этот пример лишний раз показывает, насколько осторожно нужно относиться к односторонним оценкам сражений.

В летнюю кампанию 1915 года, с 1 мая по 1 ноября, русская армия теряет пленными 976 000.

Во время прорыва германских и австро-венгерских войск в Галиции с 1 по 25 мая (сражения у Тарнова, Санока, Перемышля, Жидачева, Львова) мы теряем пленными 653 офицерских и 211 533 нижних чина²⁹.

Между 26 и 31 мая в Галиции и в Карпатах наши враги берут в плен еще 205 офицеров и 57 326 нижних чинов, а в Польше — 35 офицеров и 8593 нижних чина.

При дальнейшем наступлении германских и австро-венгерских сил на Юго-Западном фронте (сражения у Букачевце, Бобико, Нове, Красника, Сокаля и др.) вплоть до занятия Брест-Литовска наши враги захватывают 1 200 офицерских и 220 000 нижних чинов в плен.

Кроме того, в течение этой же летней кампании германские войска в боях против нашего Северо-Западного фронта захватывают около 400 000 пленных.

Если разделить общую потерю русской армии пленными в летнюю кампанию на 6 месяцев, мы получим как среднее для месяца этой кампании около 160 000; если при расчете этого среднего в месяц числа мы ограничимся периодом с 1 мая по 1 сентября, то оно повысится до 200 000. Эта громадная цифра потерь пленными, теряемыми русской армией в летнюю кампанию 1915 года, показывает, как велика была катастрофа, переживаемая нами в это время.

В зимнюю кампанию, с 1 ноября 1915 года по 1 мая 1916 года, война на русском театре окончательно приобретает позиционный характер и русская армия оседает за проволокой на всем протяжении своих фронтов. Итог потерь пленными сразу же падает до 156 000, что дает среднее на месяц в 26 000.

В летнюю кампанию 1916 года (с 1 мая по 1 ноября) русские армии Юго-Западного фронта прорывают австро-венгерский фронт и ведут победоносную вторую Великую Галицийскую битву; в это же время наши попытки прорвать фронт немцев к северу от Полесья безуспешны. Общие потери пленными немного повышаются, доходя до 212 000, при средней в месяц в 35 000.

В зимнюю кампанию 1916-1917 гг. (с 1 ноября 1916 года по 1 мая 1917 года) крупных операций на русском западном театре военных действий нет; война опять носит всецело позиционный характер. Общее число пленных опять падает, доходя до 96 000, при среднем в месяц в 16 000.

В начале марта вспыхнула революция. Развал, вызванный в армии, отражается на повы-

шении численности пленных. По сравнению с предыдущей кампанией, общий итог более чем удваивается, доходя до 213 000, при среднем в месяц в 35 000.

Приводимая ниже таблица представляет собой сводку перечисленных только что цифровых данных.

Распределение потерь
русской армии пленными
по периодам войны

	Общая численность пленных	В среднем в месяц русская армия теряла пленными
Летняя кампания 1914 г. и зимняя 1914-1915 гг. (с 1 августа 1914 г. по 1 мая 1915 г.)	764 000	85 000
Летняя кампания 1915 г. (с 1 мая по 1 ноября)	976 000	160 000
Зимняя кампания 1915-1916 гг. (с 1 ноября 1915 г. по 1 мая 1916 г.)	156 000	26 000
Летняя кампания 1916 г. (с 1 мая по 1 ноября)	212 000	35 000
Зимняя кампания 1916-1917 гг. (с 1 ноября 1916 г. по 1 мая 1917 г.)	96 000	16 000
Летняя кампания 1917 г. (с 1 мая по 1 ноября)	213 000	35 000
В с е г о за время всей войны	2 417 000	62 000

Приведенные в этой таблице числа представляют собой абсолютные величины. Для того чтобы составить правильное представление об их значении, необходимо сопоставить их с соответствующими величинами кровавых потерь. При таком сопоставлении нам вырисовывается боевое напряжение каждого из боевых периодов, к которым относятся приведенные в таблице цифры. Стойкие войска могут потерять большое число пленных, но только при большой жертве кровью; этим они и отличаются от плохих войск, в которых сдача в плен происходит уже в боевых действиях малого напряжения.

Получить цифры кровавых потерь для взятых нами выше периодов войны, исходя при этом из той общей суммы, которую мы установили, т. е. 5 500 000, можно следующим путем.

²⁹Там же. — С. 4.

В таблице № 22 («Боевые потери»)³⁰ отдела военной статистики Центрального статистического управления приведены эти данные для различных периодов войны. Но, как мы видели выше, числа, приведенные в этой таблице, включают в себе только «зарегистрированных» убитых и только раненых, эвакуированных во внутренние округа, что и дает общий итог этой категории кровавых потерь, равный всего 3 371 826. Нет никаких причин предполагать, чтобы взаимоотношение между той категорией

кровавых потерь, которая учтена отделом военной статистики ЦСУ, и общей численностью кровавых потерь существенно изменялось в различные периоды войны. Выражая нашу мысль другими словами, мы можем сказать так: распределение кровавых потерь, учтенных ЦСУ в различные периоды войны, и такое же распределение всех кровавых потерь прямо пропорциональны между собою.

Этот постулат позволяет нам составить следующую таблицу.

Предположенное нами распределение русских кровавых потерь в различные кампании войны 1914-1917 гг.

	Численность кровавых потерь	В среднем в месяц кровавые потери равняются
Летняя кампания 1914 г. и зимняя 1914-1915 гг. (с начала войны по 1 мая 1915 г.)	1 210 000	135 000
Летняя кампания 1915 г. (с 1 мая по 1 ноября)	1 410 000	235 000
Зимняя кампания 1915-1916 гг. (с 1 ноября 1915 г. по 1 мая 1916 г.)	850 000	140 000
Летняя кампания 1916 г. (с 1 мая по 1 ноября)	1 200 000	200 000
Зимняя кампания 1916-1917 гг. (с 1 ноября 1916 г. по 1 мая 1917 г.)	660 000	110 000
Летняя кампания 1917 г. (с 1 мая по 1 ноября)	170 000	21 000
В течение всей войны	5 500 000	140 000

Выведем теперь, на основании сопоставления данных обеих вышеприведенных таблиц, взаимоотношение между потерями «кровавыми» и потерями «пленными» в различные кампании

минувшей войны; эти взаимоотношения выведены в процентах, т. е. принимая общий итог боевых потерь (кровавые потери плюс пленные) равным для каждого периода 100.

Взаимоотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен в различные кампании войны 1914-1917 гг.

	Абсолютные величины			Процентное взаимоотношение		
	Кровавые потери	Пленные	Итог боевых потерь	Кровавые потери	Пленные	Итог боевых потерь
Летняя кампания 1914 г. и зимняя 1914-1915 гг.	1 210 000	764 000	1 974 000	61	39	100
Летняя кампания 1915 г.	1 410 000	976 000	2 386 000	59	41	100
Зимняя кампания 1915-1916 гг.	850 000	156 000	1 006 000	84	16	100
Летняя кампания 1916 г.	1 200 000	212 000	1 412 000	85	15	100
Зимняя кампания 1916-1917 гг.	660 000	96 000	756 000	87	13	100
Летняя кампания 1917 г.	170 000	213 000	383 000	45	55	100
Вся война	5 500 000	2 417 000	7 917 000	69	31	100

³⁰Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). — С. 30.

Из этой таблицы и схемы 9 обнаруживаются два резких перелома во взаимоотношении между кровавыми потерями и пленными.

В летнюю кампанию 1914 года и в зимнюю кампанию 1914-1915 гг. на десять убитых и раненых приходится от шести до семи попавших в плен. В летнюю кампанию 1915 года сохраняется то же взаимоотношение. Но в зимнюю кампанию 1915-1916 гг. это взаимоотношение резко улучшается: на 10 убитых или раненых приходится только от одного до двух сдавшихся в плен. В летнюю кампанию 1916 года и в зимнюю кампанию 1916-1917 гг. рассматриваемое нами взаимоотношение остается на том же высоком уровне. Постоянство уровня в первые три кампании и в последующие три показывает, что причину, вызвавшую происшедшее изменение, нужно искать на рубеже между 3-й и 4-й кампаниями, т. е. в половине 1915 года. Этой причиной нельзя назвать качественное повышение армии, так как не подлежит сомнению, что с потерей в первые три кампании большей части своего кадрового состава русская армия ухудшилась, а не улучшилась. Мы думаем, что причину этого явления нужно искать в изменении характера войны: до осени 1915 года на русском фронте преобладает маневренная война; при этом виде борьбы сражения всегда имеют более решительный характер, нежели в

позиционной войне, а следовательно, победивший имеет большую возможность брать пленных. С осени 1915 года борьба на русском театре получает по преимуществу позиционный характер: это уменьшает возможность пленения.

На рубеже зимней кампании 1916-1917 гг. и летней кампании 1917 года происходит новый резкий перелом во взаимоотношении между кровавыми потерями и пленными, но на этот раз в худшую сторону. Не может быть никакого сомнения в том, что здесь мы имеем дело исключительно с разлагающим влиянием революции. Русская солдатская масса драться не желает, и на каждых десять героев, проливших за Родину кровь, приходится двенадцать - тринадцать бросивших свое оружие.

Взаимоотношение офицерских и солдатских потерь

Мы можем продолжить наш анализ взаимоотношения между кровавыми потерями и пленными. Эти выведенные нами взаимоотношения указаны в нижеследующей таблице на стр. 65.

Рассмотрение данной таблицы показывает, что офицерский состав сражается доблестнее, нежели солдатская масса. Если сравнить подсчет, сделанный для всей войны, то мы увидим, что в то время, как в офицерском составе при 10 убитых и раненых попадает в плен немногим менее двух, в солдатском составе сдается в плен от четырех до пяти.

Анализируя эти взаимоотношения для различных годов войны, мы можем представить следующую картину «сдаваемости» в плен нашего офицерского и солдатского состава.

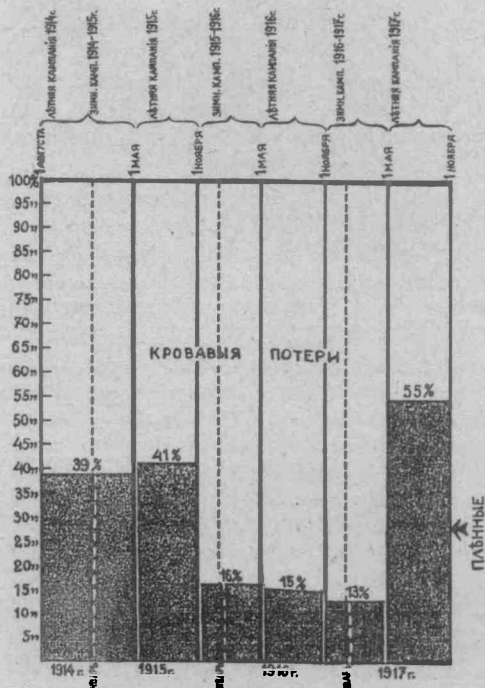

СХЕМА №9.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КРОВАВЫМИ ПОТЕРЯМИ И ПОПАВШИМИ В ПЛЕН В РАЗЛИЧНЫЕ КАМПАНИИ ВОЙНЫ 1914-1917 гг.

Сравнение «сдаваемости» в плен офицеров и солдат русской армии

	На 10 раненых и убитых сдавалось в плен:		Во сколько раз «сдаваемость» в плен в офицерском составе ниже, нежели в солдатском
	среди офицеров	среди солдат	
1914 и 1915 гг.	2,5	5,9	2,2
1916 год	0,9	1,6	1,8
1917 год	1,5	6,9	4,6
Для всей войны	1,9	4,4	2,3

Из этой таблицы мы видим, что первый перелом в «сдаваемости» в плен, имевший место на

**Взаимоотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен
для офицерского и солдатского состава русской армии**

	Предполагаемые нами абсолютные величины			Процентное взаимоотношение		
	Кровавые потери	Пленные	Всего	Кровавые потери	Пленные	Всего
1914 и 1915 гг.						
Офицеры	53 000	13 000	66 000	80	20	100
Солдаты	2 975 000	1 779 000	4 754 000	63	37	100
Общее число	3 028 000	1 792 000	4 820 000	63	37	100
1916 год						
Офицеры	24 500	2 000	26 500	92	8	100
Солдаты	2 035 500	342 000	2 377 500	86	14	100
Общее число	2 060 000	344 000	2 404 000	86	14	100
1917 год						
Офицеры	12 500	2 000	14 500	87	13	100
Солдаты	399 500	279 000	678 500	59	41	100
Общее число	412 000	281 000	693 000	59	41	100
Для всей войны						
Офицеры	90 000	17 000	107 000	84	16	100
Солдаты	5 410 000	2 400 000	7 810 000	69	31	100
Общее число	5 500 000	2 417 000	7 917 000	69	31	100

рубле 3-й и 4-й кампаний, отражается в том, что различие между «сдаваемостью» в плен офицеров и солдат несколько уменьшается.

Мы объяснили этот перелом изменением в характере ведения войны, а именно переходом от маневренной борьбы к позиционной, более «посильной» для нас стратегии генерала М. В. Алексеева. Менее решительный характер операций требует меньшей жертвенности.

Но к наиболее интересным выводам приводит нас изучение второго перелома в «сдаваемости» в плен, который произошел вследствие вспыхнувшей революции. Мы видим, что ухудшение происходит в офицерском и в солдатском составе. Но в то время, когда у солдат «сдаваемость» в плен увеличивается в 1917 году по сравнению с 1916 годом почти в семь раз, у офицеров она увеличивается меньше чем в два раза.

Казалось бы, разлагающее влияние революции должно было сильнее сказаться на офицерской среде. В кампании 1914 и 1915 гг. большая часть нашего кадрового офицерства была перебита. К весне 1915 года кадрового офицерского состава осталось в пехоте от 1/3 до 2/5; батальонные командиры и большая часть ротных командиров — кадровые офицеры, но все младшие офицеры — офицеры военного времени. К осени того же года (1915-го) в пехотных полках остается всего от 10 до 20 проц. кадрового офицерского состава. Уже не все батальонные командиры — из кадровых; значительное же большинство ротных командиров — офицеры

военного времени. Профессиональная подготовка офицеров военного времени много ниже той, которой обладали замененные ими кадровые офицеры. Но последствия этого профессионального ухудшения офицерского состава ослабляются одним важным привходящим обстоятельством. Офицер военного времени 1916 и 1917 гг. — это «патриот-интеллигент». Выше мы уже отмечали, что русскому интеллигенту было очень легко уклониться от боевой офицерской работы; поэтому в офицеры военного времени попадают только те, кто не только на словах, но и на деле проникся идеей долга защиты Родины. Происходит своего рода социальный подбор, благодаря которому «прохладные» патриоты оседают в тылу, а истинные, «горячие» патриоты вливаются в офицерские ряды. Революция, развалившая солдатский состав армии, закаливает офицерский состав и создает резкий моральный разрыв между мало-сознательной солдатской массой, пошедшей за лозунгом большевиков «похабный мир, но только бы по домам», и офицерством, очистившимся от слабых духом и втянувшим в себя всю квинт-эссенцию русского патриотизма. Линия, разделившая впоследствии в гражданскую войну борющиеся стороны на «белую», по преимуществу офицерскую, и «красную», по преимуществу солдатскую, ярко здесь намечается.

*Публикацию подготовил
И. А. АНФЕРТЬЕВ*

(Продолжение следует)

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

Редакция продолжает публикацию архивных документов, относящихся к крестьянскому восстанию в Тамбовской губернии (конец августа 1920 года — начало сентября 1921 года) и раскрывающих всю глубину разыгравшейся там трагедии.

Телеграмма

Тамбов

Командвойск Тухачевскому

Москва 20.VI-21 г. Комиссия по борьбе с бандитизмом постановила: предложить тамбовскому командованию к газовым атакам прибегать с величайшей осторожностью, с достаточной технической подготовкой и только в случаях полной обеспеченности успеха.

nr 659088/232/ш.

Инспектор артиллерии республики
ШЕЙДЕМАН¹
Военком **ВАСИЛЬЕВ**

**НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ВОЙСК
КАКУРИНУ**² ДЛЯ ДАЧИ НА ПОДПИСЬ

Продуполиткомиссий 1, 2, 3, 4, 5 и 6-го участков.
8 июля 1921 г.

Разгромленные банды прячутся в лесах и вымещают свою бессильную злобу на местном населении, сжигая мосты, портя плотины и прочее народное достояние.

В целях охранения мостов полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Немедленно взять из населения деревень, вблизи которых расположены важные мосты, не менее пяти заложников, коих в случае порчи моста надлежит немедленно расстреливать.

2. Местным жителям организовать под руководством ревкомов оборону мостов от бандитских налетов, а также вменить населению в обязанность исправление разрушенных мостов не позднее чем в 24-часовой срок.

3. Настоящий приказ широко распространить по всем деревням и селам.

Командующий войсками
ТУХАЧЕВСКИЙ

Окончание. См.: Военно-исторический журнал. — 1993. — № 1.

Копия

Секретно-оператив.

ПРИКАЗ

по войскам, действующим по подавлению восстания в Тамбовской губернии

г. Тамбов
№ 47/ОПС
13 марта 1921 г.
20 ч 56 мин

Последние сведения, полученные с боеучастков, сообщают о мародерстве. Принимая во внимание всю тяжесть операции полевых частей, неположность довольствия, реввоенсовет армии считает мародерство тягчайшим преступлением, а красноармейцев, занимающихся мародерством, врагами трудового народа, позором Красной Армии, лучшими пособниками бандитов:

§ 1

Всем командирам частей совместно с военными произвести осмотр вверенных им частей, и все найденное имущество, кроме того, что красноармейцу положено, отобрать и раздать беднейшему крестьянству.

§ 2

Всю часть поручить неустанному надзору коммунистов в бою и на отдыхе, распределить между ними поровну число красноармейцев, за поведение которых они полностью понесут ответственность.

§ 3

Всех неисправимых грабителей-мародеров, захваченных на месте грабежа, или если у них будет обнаружено имущество гражданского населения, впредь **РАССТРЕЛИВАТЬ БЕЗ СУДА НА МЕСТЕ**. Приказ прочесть во всех ротах, батареях и командах. Приказ передать по телеграфу.

Подлинный подписали
комвойск **ПАВЛОВ**,
член Реввоенсовета **АНТОНОВ**,
начштаба Генштаба **НЕВЕЖИН**³

«В борьбе обрешь ты право свое»

МОБИЛИЗОВАННЫЕ КРАСНОАРМЕЙЦЫ!

Прочь свое незнание! Прочь свои подлые действия по отношению к крестьянству, а в особенности к восставшим! Время вам сознаться и опомниться в своих негодных поступках. Вступая в борьбу против крестьянских восстаний вместе с коммунистами — большей частью уголовными преступниками и шарлатанами, вы наводите народный гнев на себя. Разве ваши отцы, братья и семейства находятся не в тех же условиях, что и повстанческое крестьянство, всячески теснимое коммунистами и советами. Обратите свое внимание, где свобода слова, печати, союзов, собраний, вероисповедания и личной неприкосновенности. Все это советами убито, и вместо всего сказанного мы видим и вы видите на каждом шагу произвольные аресты, расстрелы людей ни за что, грабеж, поджоги. Изнасилования женщин учиняются на ваших глазах чуть не в каждом селе, занимаемом красными. Вам, мобилизованным, непроспительно спокойно и равнодушно смотреть на этот ужасный кошмар, чинимый озверевшими коммунистами. Народная партизанская армия заявляет вам последний раз и навсегда: покидать ряды Красной армии и идти домой с оружием в руках, создавать партизанские отряды и сбрасывать коммунистическое иго. Время настало крикнуть:

Долой коммунистов!

Долой подлые советы!

Да здравствует Свободная Россия!

Да здравствует Народная партизанская армия!

Да здравствует Учредительное собрание!

Районный комитет
«Союза трудового крестьянства»

ТОВАРИЩИ КРАСНОАРМЕЙЦЫ!

Время уборки хлеба приближается.

Наступившее затишье на фронтах гражданской войны позволяет нам, наконец, побороть измучивший Советскую Россию голод и создать нормальные условия существования рабочих и крестьян нашей Республики.

Однако заграничные капиталы изгнанных из Советской России помещиков не хотят оставить в покое мирный труд рабоче-крестьянского государства. Они заключили союз с кулаками и эсерами Тамбовской губернии и стремятся распространить отсюда кулацкие восстания по всей Советской России.

НО НАПРАСНО!

Советское крестьянство, обеспеченное в развитии своего хозяйства введением продовольственного налога, твердо стоит на страже рабоче-крестьянской России, и тамбовский бандитизм обречен на умирание там, где и зародился.

ТОВАРИЩИ КРАСНОАРМЕЙЦЫ!

Уничтожьте последнего врага — эсеровскую саранчу.

Пусть саранча эта будет раздавлена до нового урожая одним ударом штыка Красной Армии.

Смелой и твердой поступью вперед на врагов трудящегося класса!

Командующий войсками
М. ТУХАЧЕВСКИЙ

19 мая 1921 г.
гор. Тамбов.

**ДОКЛАД
КОМИССИИ О ПРИЧИНАХ
ЗАТЯЖНОГО ХАРАКТЕРА
ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

**НАЧАЛО «АНТОНОВЩИНЫ»
И ЕЕ ПРИЧИНЫ**

Начало Антоновского, как оно ранее именовалось «бандитского», движения относится еще к прошлому году. В первой половине 1920 года оно не носило широкого характера, а было специфически бандитским и уже затем было использовано правыми и левыми эсерами. Недооцененное своевременно ни местными тамбовскими партийными и советскими органами, ни командованием, оно в настоящее время разрослось в грандиозный пожар, охвативший сплошь территорию Тамбовского, Кирсановского, Борисоглебского уездов. В текущем году, в начале августа, банда Антонова появилась впервые у местечка Афанасьевка и едва достигала численно 60 человек. Неумелые, жестокие приемы губЧК при подавлении (доклад бывш[его] предс[едателя] губЧК тов. Тарасковича в заседании 28/XII с/г.), нетактичные меры по отношению к колеблющемуся крестьянству всколыхнули массу и дали противоположные отрицательные результаты: банда не была окончательно ликвидирована... рассеялась и затем, постепенно разрастаясь, достигла очень внушительных размеров, с каждым днем распространяясь по губернии. Классово-кулацкий состав населения южных уездов, сплошь недовольных Советской властью, неблагоприятные условия недосева, бедороды и засухи создали весьма благоприятную почву для развития движения. Продовольственная кампания Тамбовской губернии, проводимая как в 1919 году, так и в текущем 1920 году, не носила нормального характера. Естественно, что тяжелое продовольственное положение Республики заставляло агентов продорганов не церемониться с целесообразностью методов по выкачке хлеба. Стоя на своей узкопродовольственной точке зрения, они все свои усилия прилагали лишь к тому, чтобы во что бы то ни стало выполнить полностью разверстку, не проводя зачастую необходимого разграничения между кулаком и бедняком и злоупотребляя представленными им широкими полномочиями и мерами. Это тоже в известной степени способствовало распространению широкого недовольства, создавая благоприятную почву для бандитизма и повстанчества. Активистские группы правых и левых эсеров широко использовали свою исконную резиденцию — Тамбовскую губернию, распухающий бандитизм и скрытое недовольство крестьянства и путем организованной подпольной работы подчинили такое своему тлетворному влиянию. Руководитель повстанчества Антонов, недюжинная фигура с большими организаторскими способностями, является ярким проводником эсеровских идей и лозунгов полного народовластия и «учредилочки». По словам бывшего председателя губЧК тов. Тарасковича, им в течение полутора лет насаждались ячейки и будущие опорные пункты для операций.

К сожалению, до самого последнего времени характер движения не был определенно оценен местными органами, трактовался как «бандитизм» и даже такой авторитетный орган, как губЧК, придерживался до августа — сентября сего года именно такой оценки (доклад предсе-

дателя] губЧК тов. Громова) и не был поэтому в достаточной степени активным и предусмотрительным.

В настоящее время движение выливается в форму планомерной организованной борьбы с органами Советской власти: систематически и упорно разрушаются совхозы, артели, комхозы и т. п. На территории Тамбовской и Кирсановского уездов все органы Сов[етской] власти разрушены сплошь, и попытки восстановить таковые безуспешны, так как все коммунисты и советские работники неуклонно истребляются повстанцами.

Активная борьба с повстанчеством страдала все время определенным недостатком реальной силы, да и местное командование, не будучи своевременно осведомлено местными авторитетными органами о глубоких корнях антоновщины, трактовало таковую как чистейший «бандитизм», который можно ликвидировать путем уничтожения основных центральных групп противника. Иногда, когда успехи были более реальными и антоновские банды рассеивались под ударами наших частей, командование посылало в центр телеграммы о близкой неминуемой ликвидации. Но банды концентрировались снова и снова, увеличиваясь с каждым днем количеством и качеством.

Центральное командование в лице штаба войск ВНУС Республики в свою очередь, не получая определенной и глубокой оценки востания и базирываясь на поверхностных соображениях местного командования, склонно было предполагать, что движение легко можно ликвидировать, довольствуясь местными имеющимися силами, пополняя таковые не в таком количестве, как требовало действительное положение вещей.

Объективное положение Республики, Польша, Врангель, востание на Украине и в ряде других губерний властно диктовали необходимость крайней экономии вооруженных сил. Категорических и определенных требований с указанием, что губерния горит и что дальнейшее промедление в реальной помощи подобно гибели, из Тамбова не поступало. Правда, были просьбы о присылке кавполка, батальона и опытного состава, но параллельно с этим центр осведомлялся, что движение накануне ликвидации, восстанавливается Советская власть, что остается только добить противника и т. п. Естественно, что центральное командование, учитывая, что в распоряжении ком[андующего] войсками Тамб[овской] губ[ернии] до 11 000 штыков и 600 сабель, и определенно зная о том, что живые силы губернии и все материальные ресурсы таковой не в достаточной степени использованы (бессистемное распределение партийных и советских сил, невовлечение широких рабочих масс в активную борьбу и охрану крупных центров, крайне слабое использование конского состава губернии, уделение главного внимания второстепенным заданиям, а не востанию: напр[имер], на продаботе было 5000 с лишним штыков, а на активных операциях — около 3200), рекомендовало прежде всего использовать таковые.

Так продолжалось до самого последнего времени, когда обстановка сделалась катастрофической и заставила местные органы и командование забыть набатную тревогу с требованиями определенно реальной помощи против грозно раскинувшегося пожара.

Образованная для оценки положения в Тамбовской губернии комиссия, приступив к работе 25 сего декабря и закончив таковую 13/1, на

основании материалов штаба войск внутренней службы, штаба командующего войсками Тамб[овской] губ[ернии], военного совета, личного опроса руководителей борьбы с повстанчеством и характеристики положения, сделанной на собраниях военного совета губисполкома, губкома и ответственных работников коммунистов 26, 27, 28 и 29 сего декабря, а также на основании других материалов пришла к следующим выводам. Затяжной характер и несвоевременная ликвидация повстанческого движения явились результатом:

А. Общие объективные условия

1) Положение на внешнем фронте, война с Польшей, Врангелем, Петлюрой лишали центр возможности оказать тамбовскому командованию существенную помощь путем своевременной присылки достаточного количества реальных сил, дабы задавить «антоновщину» в корне и гарантировать полное успокоение губернии.

2) Продовольственное положение губернии, с одной стороны, было сильно подорвано засухой, недосевом и недородом и способствовало возникновению массового недовольства населения прод[овольственной] политикой Сов[етской] власти. С другой стороны, суровая необходимость снабжения армии и центра хлебом не позволяла ослаблять продовольственной кампании, приходилось в условиях сплошного недовольства и бунта усилить работу продорганов вследствие категорических требований центра, ослабляя действовавшие против повстанцев силы и способствуя определенному расширению и углублению повстанческого движения.

3) Определенный кулацкий состав населения уездов, охваченных огнем востания, не позволял пустить глубокие корни Советской власти, и таковая существовала номинально, не опираясь на сочувствие большинства крестьянства.

4) Слабость губернии коммунистическими силами и выкачивание части этих сил Центром путем многочисленных мобилизаций, недооценивая [им] указанной скудости и необходимости оставления этих сил в пределах губернии для укрепления Сов[етской] власти.

Б. Упущения центрального командования

1) Учитывая внешнее положение Республики, необходимо, однако, отметить, что центральное командование в лице штаба ВНУС не всегда чутко прислушивалось к требованиям местного командования и запаздывало с присылкой реальной помощи.

2) При назначении командующих по ликвидации востания недостаточно взвешивалась их персональная пригодность, результатом чего явилась частая [их] смена, вредная, по существу, для успешности операций.

3) Слабая связь в первый период операции, когда обстановка требовала непосредственной оценки создавшегося положения путем постоянной связи с местным штабом, а также партийными и советскими губернскими организациями.

4) Неосмотрительное доверие к информации местного командования, иногда слишком оптимистического в предположениях о близкой ликвидации антоновщины и достигнутых успехах, а вследствие этого естественная недооценка действительного положения и потребных для ликвидации повстанчества сил.

1) До 1 декабря от тамбовского командования и военного совета не было представлено командующему войсками внутренней службы Республики ни одного обстоятельного доклада о военной обстановке и характере движения. Все получаемые донесения носили весьма неопределенный и скорее успокоительный характер. Из не совсем регулярно поступавших сводок нельзя было сделать вывода о том, что движение приняло форму повстанчества, а наоборот, иногда указывалось на отсутствие сочувствия населения к Антонову, банды которого пополняются в результате насильственных мобилизаций. Сообщая неоднократно предположения о скорой ликвидации восстания, местное командование само было безусловно уверено в том, что такое накануне ликвидации, предполагая иногда закончить таковую в 7-10-дневный срок. Указывалось на окончательное очищение от бандитов территории района в треугольнике Кирсанов—Тамбов—Балашов и сообщалось, что в таком приступлено к восстановлению Советской власти. До 1 декабря определенных просьб о присылке новых крупных войсковых частей не было, хотя необходимо отметить, что требования о присылке небольших кавалерийских частей были, но не носили категорического характера. За этот период были присланы два эскадрона и броневой отряд. Первое требование о присылке более крупных войсковых частей было сделано комиссией штаба ВНУС, посланной в Тамбов в первых числах декабря 1920 г[ода] в размере двух пехотных полков и одного кавдивизиона, каковое требование исполнено присылкой трех пехполков, одного кавполка, одного эскадрона и одного взвода артиллерии.

2) Систематическая недооценка объективных условий, корней и характера восстания. Слишком легкомысленное отношение к временным успехам. Нанос[ились] единичные удары, [но] не было уничтожено само ядро движения, не учитывалось, что банды, расплывшись, делали движение более грозным, распространяясь и вглубь, ивширь.

Вследствие сего неточная информация Центра и убаюкивание его оптимистическими надеждами на скорую ликвидацию восстания.

3) Отсутствие плана и продуманных методов борьбы.

4) Мало обращалось внимания на политическую работу. Действующие части не инспектировались, не подвергались постоянной систематической обработке и воздействию, что в связи с переутомлением беспрерывными операциями, неудачами и вообще нерациональным использованием создавало условия [для] неспособности, деморализации и мародерства.

5) Распыление частей и отсутствие инициативы в операциях. Бесцельная гонка кавалерии за противником, изнуряющая и ослабляющая части. Дробление [их] на мелкие части способств[овало] захвату таковых повстанцами и систематическому обезоруживанию их.

6) Непоследовательность в методах борьбы и злоупотребление репрессиями. Сжигание деревень, ставшее системой при последнем командовании, вряд ли могло дать положительные результаты и только лишь озлобляло население, наставляя лишенных крова делаться активными бандитами. Злоупотребление «красным петухом», кроме того, как раз падает на период сравнительного оперативного затишья (первая половина ноября месяца).

1) Военным советом не были в достаточной степени использованы prerogative, предоставляемые ему положением ВЦИК о местностях, объявленных на военном положении, от 30/X 1920 г[ода].

2) В деятельности [о[енного] с[овета]] не чувствовалось биения пульса живой работы. Собираясь ежедневно, он сводил свою работу к сухому обсуждению текущих дел по мере накопления таковых вне всякого плана и системы. Весьма слабая и чисто формальная связь с губернскими партийными, советскими и хозяйственными организациями, полное отсутствие связи с широкими рабочими массами и попыток вовлечения таковых в непосредственную творческую работу по борьбе с повстанчеством.

Весьма слабое воздействие на уезды в указанном отношении, отсутствие руководства в работе уездвоенсовета и установления взаимодействия между таковыми и командованием с одной стороны и партийным и советским аппаратом — с другой.

3) Хроническое «переваривание в собственном соку» и отсутствие инициативы в принятии тех или иных мер широкого использования местных средств и ресурсов в целях подавления повстанческого движения. Отсутствие указаний в протоколах военного совета о том, чтобы делались какие-либо доклады принципиального характера в связи с критическим положением губернии, и наоборот — обилие вопросов «вермишельных», в большинстве могущих быть разрешенными помимо военного совета. Систематическое красноречивое принятие к сведению докладов о положении на повстанческом фронте ярко характеризует формальное отношение военного совета к возложенным на него серьезным государственным обязанностям.

4) Зафиксировав создание политотдела при командующем, военный совет совершенно не интересуется работой этого отдела. Доклады о политической работе в действующих частях совершенно отсутствуют как политотделам, так и политическому отделу войск Тамбовской губернии. Приняв то или иное постановление, военный совет не интересуется, выполнено ли оно или осталось невыполненным, так как сведения о соответствующих докладах в протоколах военного совета также отсутствуют.

5) Характерны постановления об отвлечении командующего от его непосредственных задач: восстановление совхозов, возвращение угнанного бандитами скота и т. п.

6) Несогласованность военного совета и командования, а именно: в конце октября и начале ноября произведено массовое освобождение повстанцев. Параллельно с этим в ноябре начинаются наиболее [сильные] репрессии по отношению к так называемым «бандитским деревням», включая сплошное сжигание таковых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ

Комиссия констатирует, что размеры повстанческого движения в Тамбовской губернии принимают катастрофический характер, для ликвидации которого необходимо принять следующие меры:

1. Оккупировать территорию Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов путем наводнения и планового распределения вооруженной силы, предписав местным органам по мере оккупации удесятить усилия по восста-

новлению Советской власти на местах и советских хозяйств, разрушенных бандитами.

2. Предоставить командованию необходимые кадры командного состава и дать вновь свежие части на повстанческий фронт, а также заменить износившиеся небоеспособные части свежими.

3. Повести широкую политическую работу по выработанному плану как в действующих частях, так и среди населения. Ввиду недостатка коммунистов (убито бандитами до 800 человек) просить ЦК партии командировать потребное для этой цели количество партийных работников.

4. Усилить аппарат губЧК (выбыло убитыми до 40 проц.) путем переброски работников Центром.

5. Обновить состав военного совета и командования.

6. Поручить военному совету разработать детальный план деятельности военного совета, а также использования живой силы, средств и ресурсов губернии в смысле помощи фронту и для восстановления разрушенного хозяйства.

7. Командованию разработать оперативный план ликвидации повстанческого движения применительно [к] § 1 сего заключения.

8. Принимая во внимание тяжелые объективные условия Республики, мешавшие своевременно ликвидировать повстанчество в Тамбовской губернии, ограничиться немедленным проведением в жизнь практических мероприятий по ликвидации, предав ошибки лиц, виновных в затяжном характере ликвидации повстанчества, забвению.

9. Начать судебное следствие на предмет предания суду РВТ лиц, виновных:

1) в недостаточном снабжении оперирующих частей патронами;

2) в сдаче противнику целых частей иногда без выстрела;

3) в хаотическом состоянии снабжения действующих частей обмундированием.

Председатель комиссии КАМЕРОН⁴
Члены (пять подписей)

ВОЗЗВАНИЕ К МОБИЛИЗОВАННЫМ КРАСНОАРМЕЙЦАМ

Комиссары-коммунисты послали вас усмирить нас, как они нас называют, бандитов. Бандиты, сказали они вам, подняли свой разбойничий меч над мирным жителем, зачем-то подняли с жадной крови, и, алчные, с небывалой жестокостью разрушают его трудовое гнездо, льется святая кровь труженика, льются неутешные слезы младенца, раскрываются амбары хлебные, загорается зарево пожара над оседлостью мирной обывателей, горит, мрет, разоряется вконец Советская власть. С видимой горечью сердца зывали они к вашему отзывчивым любящим свой русский народ русским сердцам, и вы шли и вы идете на этих разбойников нашей Отчизны. Но, дорогие братья, опомни-

тесь. Голос русского народа, а не голос властителей и комиссаров зовет к вам. Опомнитесь! Никаких бандитов, никаких разбойников нет, есть едино восставший страдалец — русский народ. Голодный, холодный, измученный и разоренный вконец, загнанный комиссарской властью в тупик, он не вынес гнета палачей-коммунистов, и разъяренный зверь поднялся с русским огромным кулаком на своих угнетателей, не на вас и тем более не на тружеников-землепашцев (это было бы ужасно), а на них — действительных врагов наших, врагов всего русского народа, кроважидных коммунистов. Пора перестать верить им — обманщикам. Пора перестать быть у них — вожаков слепыми коммунистами, носителями их убийственных для ма- тушки России приказов. Страна разорена вконец — [это] ясно и очевидно для каждого. Разоряется и дальше. Та могила, которая так старательно рылась и роется ими, насильниками, себялюбивыми властелинами, вот-вот готова уже поглотить своею холодною землею родного нам и вам брата — русского человека. Опомнитесь! Горячие святые слезы страдальца вопиют к вам и зовут вас к общему дружному отмщению, произвол, насилие, кабала мощным ударом Микулы Селяниновича разрушаются, рассеется гнетущий мрак, покрывающий русскую землю, трехлетнее коммунистическое царствование. И зря свободного светлого солнца займется над нашей Отчизной. Воля всего освобожденного народа, а не воля захватчиков и их эскулапов, осчастливит жизнь. Не как к врагам, а как к друзьям зываем мы к вам. Идите к нам, нас немало, нас много, мы — весь восставший родной вам народ. Идите общими силами строить с нами хорошую жизнь. Гонимые со штыками против нас, не врагами, а дорогими гостями, дорогими друзьями идите к нам. И здесь не пуля пулемета, не снаряд орудия, ни холодный блеск штыковой, а горячий братский поцелуй и горячая братская любовь.

Главный оперативный штаб
партизанской армии
трудового крестьянства

Публикацию подготовил
П. А. АПТЕКАРЬ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шейдеман Юрий Михайлович (1867-1940). Начальник артиллерии РККА, инспектор артиллерии и бронесил РККА.

² Каурин Николай Евгеньевич (1883-1936). В мае-сентябре 1921 г. — начальник штаба войск Тамбовской губернии.

³ Невежин Константин Петрович (1881-1934). В 1919-1920 гг. — начальник штаба 17-й стрелковой дивизии, начальник той же дивизии, начальник штаба 3-й армии. С 15 января по 7 мая 1921 года — начальник штаба войск Тамбовской губернии.

⁴ Камерон Петр Алексеевич (1886-?). Член Реввоен-трибунала войск внутренней охраны, заместитель председателя того же трибунала. Возглавлял Комиссию по изучению причин затяжного характера антоновщины.

О МАСШТАБАХ РЕПРЕССИЙ

В КРАСНОЙ АРМИИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Посылаю Вам справку о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому М.Н., Якиру И.Э., Уборевичу И.П. и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре.

Материалы о причинах и условиях возникновения дела на т. Тухачевского М.Н. и других видных военных деятелей изучены Комиссией, созданной Президиумом ЦК КПСС решениями от 5 января 1961 года и от 6 мая 1961 года.

Н. Шверник.

26-VI-1964г.

Совершенно секретно
Экз. № 1

СПРАВКА

о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому¹, Якиру², Уборевичу³ и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре

...Решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года, требования Сталина⁴ и Молотова⁵ о «проверке» военного ведомства, вы-

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1993. — № 1.

Справка подготовлена в ЦК КПСС в 1964 г. Подписана Н. Шверником (председатель)⁶, А. Шелепиным⁷, Э. Сердюком⁸, Н. Мироновым⁹, Р. Руденко¹⁰, В. Семичастным¹¹. Публикуется с сокращениями.

ступления Сталина и Ворошилова¹² в июне 1937 года на расширенном заседании военного совета при наркомате обороны были восприняты органами НКВД как прямая директива по массовой чистке кадров армии и флота от имевшихся якобы там вредителей, шпионов и изменников. Для осуществления этого коварного замысла был активно использован прошедший в июне 1937 года на основе сфабрикованных материалов судебный процесс над руководящими деятелями

Красной Армии Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими. Незвиря на заслуги перед партией, государством и народом, арестам в 1937-1938 гг. были подвергнуты видные военачальники, командиры и политработники. Все они обвинялись в принадлежности к военно-фашистскому заговору, правотроцкистским и другим антисоветским организациям.

Арестованные по делу о военно-фашистском заговоре Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк¹³, Фельдман¹⁴, Примаков¹⁵, Эйдеман¹⁶, Путьна¹⁷, а также некоторые другие военачальники, будучи сломленными пытками, истязаниями, а некоторые уговорами и обещаниями сохранить жизнь, были вынуждены подписать ложные показания, в которых десятки, сотни лиц из числа командного и начальствующего состава Красной Армии перечислялись как заговорщики.

Лица из командно-начальствующего состава Красной Армии, на которых были получены вымышленные показания об их антисоветской деятельности, как правило, сразу же арестовывались. В результате применения к ним тех же незаконных методов от них добивались подписания протоколов допросов, в которых они в свою очередь оговаривали в преступной деятельности еще более широкий круг военнослужащих Красной Армии. Все это вело к невиданному размаху арестов и репрессий. Уже через девять дней после суда над Тухачевским были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров.

С ведома и разрешения Сталина органы НКВД по отношению к арестованным широко применяли физические меры воздействия, шантаж, провокации и обман, в результате чего добивались ложных показаний о «преступной деятельности» целого ряда видных военных работников, находившихся на свободе. Показания многих арестованных направлялись Сталину, который единолично, без какого-либо разбирательства, решал вопрос об аресте невинных людей.

Так, например, ознакомившись с протоколом допроса от 5 августа 1937 года арестованного заместителя начальника разведуправления РККА Александровского, Сталин написал Ежову¹⁸: «Арестовать: 1) Каширина¹⁹. 2) Дубового²⁰. 3) Якимовича. 4) Дорожного (чекист). 5) и других (см. показания)».

В этом протоколе отметки «арестовать», «взять» были Сталиным сделаны против 30 фамилий.

При ознакомлении с протоколом допроса арестованного командующего войсками Харьковского военного округа командарма 2 ранга Дубового, который со слов других лиц назвал ряд военачальников, якобы состоявших в заговоре, Сталин единолично дал прямое указание об аресте 18 командиров, в числе которых были: командир корпуса Погребной²¹, командиры авиационных и танковых бригад Бахрушин²², Коган, Зимма²³, Евдокимов²⁴ и Карев, руководящие работники штабов Киевского и Харьковского военных округов.

В 1937 году был необоснованно арестован редактор газеты «Красная звезда» армейский комиссар 2 ранга Ланда²⁵. На допросах в НКВД под воздействием истязаний Ланда вынужден был дать о себе ложные показания и оговорить 90 человек руководящих политработников Красной Армии, которые якобы входили в состав военного заговора. В числе заговорщиков он назвал почти всех руководящих сотрудников редакции газеты «Красная звезда», ряд членов

военных советов округов, начальников полторганов, редакторов окружных газет. Назвал Ланда в числе заговорщиков и заместителя начальника Генштаба РККА Мерецкова²⁶.

Сталин, ознакомившись с протоколом допроса Ланды от 11 ноября 1937 года, написал на нем следующее: «т. Смирнову²⁷ (ПУР) и Щаденко²⁸».

Обратите внимание на показание Ланда. Видимо, все отмеченные (названные) в показании лица, пожалуй, за исключением Мерецкова и некоторых других являются мерзавцами».

Почти все названные в показаниях Ланды лица были арестованы и осуждены.

Ежов 25 сентября 1937 года сообщил Сталину о показаниях арестованного Акопова (секретарь ЦК КП Азербайджана), который назвал в числе шпионов многих военных. На письмо Ежова Сталин написал: «Тов. Ежов. Надо немедленно арестовать всех названных Акоповым армян-военных (см. в тексте). И. Сталин».

В декабре 1937 года Ежов направил Сталину сообщение начальника Ростовского УНКВД, в котором приводились показания бывшего командира казачьего корпуса Косонова И. Д.²⁹ (перед арестом он работал заместителем инспектора кавалерии РККА). На этом письме Сталин написал: «т. Ежову. Нужно арестовать всех отмеченных Косоновым лиц. И. Ст.».

Значительное число военачальников было арестовано также и с санкции Ворошилова.

Так, 28 мая 1937 года НКВД СССР составил список работников Артуправления РККА, на которых имелись показания арестованных как на участников военно-троцкистского заговора. В этот список были включены помощник начальника Артиллерийского управления РККА комбриг Железняков³⁰ и многие другие, всего 26 командиров Красной Армии. На списке имеется резолюция Ворошилова: «Тов. Ежову. Берите всех подлецов. 28.V.1937 года. К. Ворошилов».

В августе 1937 года из Наркомата обороны Союза ССР в НКВД СССР было направлено следующее письмо об аресте ряда видных руководящих военных работников: «Сообщаю резолюцию народного комиссара обороны СССР на справках Леплевского³¹:

1. О зам. нач. политуправления КВО (Киевского военного округа). — Примеч. наше) корпусном комиссаре Хорощ М. Л.³²

«Арестовать. К. В.».

2. О командире-комиссаре 1 кав. корпуса комдиве Демичеве³³.

«Арестовать. К. В.».

3. О нач. отдела связи КВО комбриге Игнатовиче Ю. И.

«Арестовать. К. В.»

4. О командире 7 кав. корпуса комдиве Григорьеве П. П.³⁴

«Арестовать. К. В.».

5. О командире 58 сд комбриге Капцевиче Г. А.³⁵

«Арестовать. К. В.».

6. О начальнике 2 отдела штаба КВО полковнике Родионове М. М.³⁶

«Арестовать. К. В.».

В данном случае без какого-либо разбирательства Ворошиловым были приняты решения об аресте 142 руководящих военных работников.

Активное участие в решении вопроса об арестах командиров и видных руководящих военных работников принимали в 1937-1938 гг. начальник управления НКО по частотаву Щаденко, начальник Главного политического управления РККА Мехлис³⁷, заведующий ОРПО ЦК ВКП(б) Маленков³⁸.

В декабре 1937-го и январе 1938 года НКВД СССР направил представление на имя Вороши-

лова об аресте ряда военачальников, в числе которых были член военного совета Сибирского военного округа Юнг Н. А.³⁹, член военного совета Северо-Кавказского военного округа Сидоров⁴⁰, старший инспектор политуправления РККА дивизионный комиссар Индриксон Я. Г.⁴¹, зам. начальника политуправления СКВО корпусной комиссар Битте А. М.⁴², член военного совета Уральского ВО Тарутинский А. В.⁴³ и другие. На этих документах имеются резолюции Щаденко, Мехлиса и Маленкова об аресте названных выше лиц. Все они были арестованы и затем необоснованно осуждены.

В архивных материалах НКВД СССР и Наркомата обороны СССР нет точных статистических данных о числе арестованных военнослужащих за 1937-1938 гг. Однако некоторые документы дают возможность определить размах этих репрессий в отношении военнослужащих.

Так, в справке Управления кадров РККА от 19 сентября 1938 года, направленной заместителю наркома обороны Щаденко, указано, что число уволенных из армии офицеров в 1937-1938 гг. составило 36 761 человек. В другом документе — «Справке-докладе о накоплении командных кадров РККА» от 21 марта 1940 года говорится, что «за 1937-1938 гг. в связи с чисткой армии было арестовано, исключено из партии и таким образом вышло из РККА — 35 000, в том числе 5000 политсостава»⁴⁴. Среди репрессированных были три заместителя наркома обороны, нарком Военно-Морского Флота, 16 командующих войсками военных округов, 25 их заместителей и помощников, пять командующих флотами, восемь начальников военных академий, 25 начальников штабов округов, флотов и их заместителей, 33 командира корпуса, 76 командиров дивизий, 40 командиров бригад, 291 командир полка, два заместителя начальника политуправления РККА, начальник политуправления ВМФ и ряд других видных политработников.

Из девяти военных работников (Ворошилов, Гамарник⁴⁵, Якир, Блюхер, Булин⁴⁶, Тухачевский, Егоров⁴⁷, Буденный⁴⁸ и Уборевич), избранных XVII съездом ВКП(б) в состав Центрального Комитета партии, семь человек в 1937-1938 гг. были объявлены «врагами народа», участниками «военного заговора» и только Ворошилов и Буденный сохранили свое положение, хотя на Буденного органы НКВД тоже сфабриковали показания о принадлежности его к «заговору».

Среди членов ЦИК СССР, избранных на VII Всесоюзном съезде Советов, было 36 видных командиров и армейских политработников. Из этого числа 30 человек в 1937 году были объявлены «врагами народа».

Из 108 членов военного совета при НКД СССР к ноябрю 1938 года сохранились от прежнего состава только 10 человек.

О характере и размерах репрессий, достигших командный, политический и другой начальствующий состав Красной Армии, говорил Ворошилов на заседании военного совета при Народном комиссариате обороны Союза ССР 29 ноября 1938 года.

«Когда в прошлом году, — заявил он, — была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников нашей Родины и РККА во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей армии. Весь 1937-й и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организ-

ма, до живого, здорового мяса, очищались от мерзостной предательской гнили...

Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя... с самых верхов и кончая низами... Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная. Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав».

Заявление Ворошилова относительно характера чистки армии являлось безответственным. Он клеветал на военнослужащих, называя их изменниками, скрыл от партии подлинную причину массовых репрессий, являясь сам одним из основных виновников этой трагедии.

а) Фабрикация обвинений на тт. Блюхера, Белова⁴⁹, Каширина, Алксниса, Дыбенко, Егорова, Федько⁵⁰ и Ковтюха⁵¹.

Ранее указывалось, что для судебного рассмотрения дела о так называемом военно-фашистском заговоре было создано под председательством Ульриха⁵² специальное судебное присутствие Верховного суда Союза ССР, в состав которого вошли крупнейшие деятели советских вооруженных сил. Блюхер В. К., Белов И. П., Каширин Н. Д., Дыбенко П. Е., Алкснис Я. И., входившие в состав этого судебного присутствия, после суда над советскими военачальниками во главе с Тухачевским сами разделили их участь — были обвинены в участии в этом же заговоре и по сфальсифицированным материалам осуждены к расстрелу.

Вот некоторые данные об этих лицах и их участии.

Блюхер Василий Константинович, 1889 года рождения, русский, член КПСС с 1916 года, Маршал Советского Союза, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, арестован 22 октября 1938 года.

В начале следствия Блюхер в приписываемых ему обвинениях виновным себя не признавал. Тогда против него были использованы ложные показания, полученные 10 сентября 1938 года от арестованного заместителя наркома обороны Федько И. Ф. Между ним и Федько 28 октября 1938 года была проведена очная ставка, на которой Федько заявил: «Преступные антисоветские связи с Блюхером я установил в ноябре месяце 1935 года, когда работал военный совет».

Эти и другие вымышленные показания Федько Блюхер на очной ставке отрицал, заявив: «Как вам не стыдно, Федько. Все, что сказал Федько, я категорически отрицаю».

В этот же день, 28 октября 1938 года, была проведена очная ставка между Блюхером и арестованным членом военного совета ОКДВА комкором Хаханьяном Г. Д.⁵³ На очной ставке Блюхер отрицал утверждения Хаханьяна об антисоветской заговорщической деятельности. Допрос Блюхера и очные ставки с Федько и Хаханьяном проводил Берия⁵⁴, являвшийся в то время заместителем наркома внутренних дел СССР.

После того как проведенные очные ставки желаемых результатов не дали, Блюхер подвергся страшным избиениям, мучительным пыткам. Гражданка Русаковская И., которая в 1938 году содержалась в тюрьме с женой Блюхера — Кольчугиной-Блюхер, сообщила: «Из бесед с Кольчугиной-Блюхер выяснилось, что причиной

ее подавленного настроения была очная ставка с бывшим маршалом Блюхером, который, по словам Кольчугиной-Блюхер, был до неузнаваемости избит и, находясь почти в невменяемом состоянии, в присутствии ее... наговаривал на себя чудовищные вещи... Я помню, что Кольчугина-Блюхер с ужасом говорила о жутком, растерзанном виде, который имел Блюхер на очной ставке, бросила фразу: «Вы понимаете, он выглядел так, как будто побывал под танком».

Бывший начальник санчасти Лефортовской тюрьмы НКВД СССР Розенблюм в 1956 году сообщила в КГБ при Совете Министров СССР, что в конце 1938 года она оказывала медицинскую помощь находившемуся под стражей Блюхеру. На лице Блюхера имелись кровоподтеки, около глаза был огромный синяк. По заявлению Розенблюм, удар по лицу был настолько сильным, что в результате этого образовалось кровоизлияние в склеру глаза и склера глаза была переполнена кровью.

В целях получения показаний о «преступной» деятельности Блюхер подвергался обработке во время нахождения в камере внутренней тюрьмы НКВД СССР. Вместе с ним в камеру был помещен арестованный начальник Управления НКВД по Свердловской области Дмитриев⁵⁵, имевший до ареста большой опыт по фальсификации дел. По заданию Берия он применял различного рода провокации с единственной целью — склонить Блюхера к самооговору. Дмитриев действовал уговорами, угрозами и шантажом, что видно из их беседы, записанной с помощью оперативной техники. Из этой записи также видно, что Блюхер подвергался избиениям и провокационной обработке со стороны Берия.

Вот, например, какой разговор между Блюхером и Дмитриевым, выступавшим в роли внутрикамерного агента, происходил 26 октября 1938 года:

Блюхер. Физическое воздействие... Как будто ничего не болит, а фактически все болит. Вчера я разговаривал с Берия, очевидно, дальше будет разговор с народным комиссаром.

Агент. С Ежовым?

Блюхер. Да. Ой, не могу двигаться, чувство радости.

Агент. Вы еще одну ночь покричите, и будет все замечательно.

Когда Блюхер возвратился с очередного допроса, дежурный из надзорстава предупредил его, что он подлежит отправке в Лефортово.

Дежурный. Приготовьтесь к отъезду, через час вы поедете в Лефортово.

Блюхер. С чего начинать?

Дежурный. ...Вам тов. Берия сказал, что от вас требуется, или поедете в Лефортово через час. Вам объявлено? Да?

Блюхер. Объявлено... Ну вот я сижу и думаю. Что же выдумать? Не находясь даже.

Агент. Вопрос решен раньше. Решение было тогда, когда вас арестовали. Что было для того, чтобы вас арестовать? Большое количество показаний. Раз это было — нечего отрицать. Сейчас надо найти смягчающую обстановку. А вы ее утяжеляете тем, что идете в Лефортово...

Блюхер. Я же не шпион.

Агент. Раз люди говорят, значит, есть основания...

Блюхер. Я же не шпион.

Агент. Вы не стройте из себя невиновного. Можно прийти и сказать, что я подтверждаю и заявляю, что это верно. Разрешите мне завтра утром все рассказать. И все. Если вы решили, то надо теперь все это сделать...

Блюхер. Меня никто не вербовал.

Агент. Как вас вербовали, вам скажут, когда

завербовали, на какой почве завербовали. Вот это и есть прямая установка...

Блюхер. Я могу сейчас сказать, что я был виноват.

Агент. Не виноват, а состоял в организации...

Блюхер. Не входил я в состав организации. Нет, я не могу сказать...

Агент. Вы лучше подумайте, что вы скажете Берия, чтобы это не было пустозвоном... Кто с вами на эту тему говорил? Кто вам сказал и кому вы дали согласие?

Блюхер. Вот это письмо — предложение, я на него не ответил. Копию письма я передал Дерибасу⁵⁶.

Агент. Дерибас донес... Вы должны сказать.

Блюхер. Что я буду говорить?

Агент. Какой вы чудак, ей-богу. Вы знаете (называет непонятную фамилию). Три месяца сидел в Бутырках, ничего не говорил. Когда ему дали в Лефортово — сразу сказал...

Блюхер. Что я скажу?

Агент. ...Вы меня послушайте, я вас считаю японским шпионом, тем более, что у вас такой провал. Я вам скажу больше, факт, доказано, что вы шпион. Что, вам нужно обязательно пройти камеру Лефортовской тюрьмы? Вы хоть думайте.

Из дальнейшей записи видно, что Блюхер ввиду нежелания дать ложные показания был направлен в Лефортовскую тюрьму.

Во время пребывания в Лефортовской тюрьме Блюхер подвергся жестокому истязаниям, которые к нему применялись при личном участии Берия. Так, бывший заместитель начальника Лефортовской тюрьмы член КПСС Харьковец⁵⁷ в 1957 году сообщил: «Применение физических методов воздействия при допросах заключенных началось при Ежове, который лично подавал пример следователям. Узаконилось это и широко стало применяться при Берия. Я однажды лично был свидетелем, как он с Кобуловым⁵⁸ в своем кабинете избивал резиновой дубинкой заключенного Блюхера».

О творившемся беззаконии написал в 1957 году бывший начальник Лефортовской тюрьмы член КПСС Зимин⁵⁹: «Часто на допросы приезжали и наркомы НКВД, как Ежов, так и Берия, причем и тот и другой также применяли избиение арестованных. Я лично видел: Ежов избивал арестованную Каплан, как Берия избивал Блюхера, причем он не только избивал его руками, но с ним приехали какие-то специальные люди с резиновыми дубинками, и они, подбадриваемые Берия, истязали Блюхера, причем он сильно кричал: «Сталин, слышишь ли ты, как меня истязают». Берия же в свою очередь кричал: «Говори, как ты продал Восток».

В результате издевательств и насилия, применяемых Берия и его сподручными к Блюхеру, он вынужден был оговорить себя и заявить о связях с правотроцкистской организацией.

Во время нахождения под стражей 9 ноября 1938 года Блюхер умер. Как указано в акте судебно-медицинского исследования трупа, причиной смерти явилась закупорка легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза.

О смерти Блюхера было сообщено Сталину, однако он не принял мер к выяснению обстоятельств расследования его дела и действительных причин смерти Блюхера, а дал указание подвергнуть тело кремации. Бывший сотрудник НКВД СССР Головлев⁶⁰ в 1963 году сообщил: «В нашем присутствии Берия позвонил Сталину, который предложил ему приехать в Кремль. По возвращении от Сталина Берия пригласил к себе Меркулова⁶¹, Миронова⁶², Иванова⁶³ и меня, где он нам сказал, что Сталин предложил отвезти

Блюхера в Бутырскую тюрьму для медосвидетельствования и сжечь в крематории».

Блюхер с 1917 года находился на командных постах Советской Армии, известен как легендарный полководец гражданской войны, награжден четырьмя орденами боевого Красного Знамени, которые имеют номера 1, 10, 11 и 45, орденом Красной Звезды № 1, двумя орденами Ленина. На XVIII съезде партии Блюхер был избран кандидатом в члены ЦК КПСС. Реабилитирован Блюхер в 1956 году.

Белов Иван Панфилович — командующий войсками Белорусского военного округа, командарм 1 ранга, был арестован 7 января 1938 года.

Как видно из объяснений бывшей стенографистки НКВД СССР Тимофеевой⁶⁴, Белов в ее присутствии допрашивался лично Сталиным в здании ЦК ВКП(б), но тогда он виновным себя ни в чем не признал. После этого Белову 7 января 1938 года в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова была дана очная ставка с арестованным заместителем начальника Политуправления РККА Булиным и начальником Разведупра РККА Урицким⁶⁵, которые «изобличали» его в антисоветской деятельности. Белов вновь отрицал вину, однако на следующий же день под воздействием истязаний, угроз, шантажа и обещаний он вынужден был написать следующее заявление: «Я вчера во время очной ставки совершил новое тяжелое преступление, обманув руководителей Советского правительства. Мне особо тяжело писать об этом после того, как я имел полную возможность в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова честно раскаться и рассказать всю правду, как бы тяжела она ни была, о моей преступной деятельности против Родины и советского народа».

Имеющиеся материалы показывают, что это заявление Белова является самодоговором, а очные ставки в присутствии членов правительства — один из способов использования заключенного для ложного самооговора и необоснованных обвинений других лиц. Говоря об этих очных ставках, заместитель наркома внутренних дел Фриновский⁶⁶, будучи в 1939 году арестованным, писал: «Как подготовлялись арестованные к очным ставкам и особенно к очным ставкам, которые проводились в присутствии членов правительства?»

Арестованных готовили специально... По существу, происходил сговор и репетиция предстоящей очной ставки. После этого арестованного вызывал к себе Ежов или делал вид, что он случайно заходил в комнату следователя, где сидел арестованный, и говорил с ним о предстоящей ставке, спрашивал, твердо ли он себя чувствует, подтвердит ли, и между прочим вставлял, что на очной ставке будут присутствовать члены правительства... Как пример можно привести подготовку очной ставки Урицкого (начальник Разведупра) с Беловым (командующий Белорусским военным округом). Урицкий отказался от показаний на Белова при допросе его Ежовым. Не став с ним ни о чем разговаривать, Ежов ушел, а спустя несколько минут Урицкий через Николаева⁶⁷ извещался перед Ежовым и говорил, что он «самодушлиничал».

В личной записной книжке Ежова, хранящейся в архиве ЦК КПСС, имеется пометка о необходимости избяния арестованного Урицкого. Это было основной причиной того, почему Урицкий дал ложные показания в отношении Белова. Ложными являются и показания Булина об антисоветской деятельности Белова, которые он дал 3 января 1938 года, а затем их подтвердил на очной ставке с Беловым 7 января 1938 года в присутствии Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б). Об этом 24 июня 1938 года Булин

прямо заявил на допросе: «В контрреволюционной организации и в антисоветском военном заговоре я не состоял. Мои показания от 3 января 1938 года вымышленные... Меня мучает совесть, что я оклеветал себя и честных, преданных партии людей».

28 июня 1938 года была повторно произведена очная ставка между Булиным и Беловым, причем Булин на этой очной ставке заявил о том, что он оклеветал себя и Белова. Белов же, доведенный к тому времени истязаниями до отчаяния, признал, что он и Булин занимались совместной преступной деятельностью. Булин, отвергая это, заявил: «...в своих показаниях я оклеветал себя и Белова... Никогда никаких антисоветских разговоров с Беловым не было... Он говорит неправду, так же, как я сам себя оговорил и других, о чем я уже сделал заявление правительству».

В судебном заседании Белов заявил, что хочет сделать важное сообщение Сталину, однако он был лишен этой возможности. Бывший начальник Особого отдела НКВД СССР Федоров⁶⁸ писал: «Белов на Военной коллегии вручил прокурору записку о том, что он имеет заявление И. В. Сталину государственной важности... При расстреле Белова, Ткалун⁶⁹ и других присутствовал лично нарком Ежов, он каждого спрашивал, нет ли чего сказать. Белов ответил, что нет, теперь уже здесь нечего».

Арестованный в 1938 году сотрудник НКВД СССР Шапиро⁷⁰ об этом показал: «После заседания Военной коллегии Белов (бывший командующий Белорусским военным округом) подал через председателя суда Ульриха заявление на имя тов. Сталина, в котором он просил уделить ему несколько минут для передачи чрезвычайно важного сообщения государственного значения».

Как сообщил далее Шапиро, Ежов срочно потребовал из Военной коллегии это заявление Белова и оставил его у себя, не доложив о нем Сталину. Белов же в день вынесения приговора был расстрелян. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 ноября 1955 года Белов И. П. посмертно реабилитирован.

Каширин Николай Дмитриевич — командарм 2 ранга, член КПСС с 1918 года, был арестован 19 августа 1937 года. До ареста Каширин был начальником Управления боевой подготовки РККА. Как уже отмечалось, указание об аресте Каширина было дано лично Сталиным.

23 августа 1937 года Каширин под принуждением написал заявление на имя Ежова, в котором признавал свое участие в антисоветском правотроцкистском заговоре. В феврале 1938 года от него было получено заявление о том, что Маршал Советского Союза Егоров возглавлял военную группировку правых, проводившую подрывную работу в контакте с военным заговором Тухачевского. В числе участников группировки правых Каширин, со слов Егорова, назвал Буденного, Белова, Дыбенко, Халепского⁷¹ и других.

В целях изобличения Егорова в принадлежности к антисоветской организации 26 февраля 1938 года Каширину в присутствии Молотова и Ворошилова была дана очная ставка с Егоровым, который еще не был арестован. На этой очной ставке, вопреки ожиданиям получения изобличающих Егорова показаний, Каширин сделал заявление о том, что сам он не был участником какой-либо антисоветской организации, что в застенках НКВД содержится много невинных командиров, которые под воздействием репрессий дают ложные показания, и что его показания в отношении Егорова ложны. Тогда же

Каширин заявил Ворошилову: «Не верьте ничему, что бы я ни писал в своих дальнейших показаниях».

Следствие по делу Каширина вел сотрудник Особого отдела НКВД СССР Ушаков⁷², известный как грубый фальсификатор, применявший зверские приемы при расследовании ряда дел (21 января 1940 года осужден к расстрелу). Будучи позднее арестованным, Ушаков на очной ставке с арестованным Фриновским подтвердил тот факт, что Каширин в присутствии Молотова и Ворошилова заявил об избиениях невинно арестованных советских командиров: «Каширин заявил, что никакого военного заговора нет, арестовывают зря командиров. Я вам говорю это, как заявил Каширин, не только от своего имени, но по камерам ходят слухи от других арестованных, что вообще заговора нет. На вопрос Ворошилова Каширину, почему же вы дали такие показания, Каширин ответил, указывая на меня, что он меня припирает показаниями таких людей, которые больше, чем я. При этом он добавил, что на двух допросах его били».

Об этом же факте рассказал на допросе и Фриновский. «Было решено, — говорил он, — устроить очные ставки ряду арестованных, которые давали показания на Егорова, в частности и Каширину с Егоровым, который еще не был арестован. Эта очная ставка должна была проводиться Ежовым в присутствии Молотова и Ворошилова в кабинете у Ежова. Первым был вызван Каширин. Егоров уже сидел в кабинете. Когда Каширин вошел и увидел Егорова, он попросил, чтобы его выслушали предварительно без Егорова. Егорова попросили выйти, и Каширин заявил, что показания на Егорова им были даны под физическим воздействием следствия, в частности находящегося здесь Ушакова».

Сообщение Каширина об истязаниях, которым подвергаются военные, было оставлено без внимания, а сам Каширин был вновь подвергнут избиениям. В результате 3 апреля 1938 года он написал письмо Ежову, в котором свое заявление на очной ставке с Егоровым осудил как провокационное. Он вновь подтвердил свои показания о своей принадлежности к военному заговору. В этом заявлении Каширин вынужден был написать следующее: «Прошло уже больше месяца с того момента, когда я 26 февраля с. г. сделал Вам и находящемуся у Вас в кабинете народному комиссару обороны Советского Союза маршалу Ворошилову К. Е. провокационное заявление, направленное на дискредитацию органов НКВД... Мое провокационное заявление о том, что я не являюсь участником заговора, а в НКВД существует застенки, в котором содержится много невинных командиров, не было случайным и неожиданным. Наоборот, оно сложилось у меня уже давно и вытекало из моего непримиримого, враждебного отношения к Советской власти...»

Но вот когда 26 февраля с. г. Вы и нарком обороны вызвали меня на очную ставку с Егоровым, я решил осуществить свой провокационный план и продумал его с возможной полнотой и деталями с тем, чтобы придать моему провокационному заявлению возможно более убедительный характер.

И тогда я пришел к следующим основным решениям:

а) сказать о себе, что не был участником контрреволюционного заговора, и отказаться от всех своих прошлых показаний и тем самым опорочить их;

б) сказать, что НКВД арестовано много невинных командиров, которые якобы под влиянием репрессий дают друг на друга ложные показания.

В этом направлении я примерно и сделал свое гнусное провокационное заявление Вам и народному комиссару обороны Ворошилову».

14 июня 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР Каширин Н. Д. осужден к расстрелу. Реабилитирован Каширин определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 1.11. 1956 года.

Алкнис Яков Иванович, латыш, член КПСС с 1916 года, командарм 2 ранга, начальник ВВС Красной Армии, был арестован в ноябре 1937 года, а 28 июля 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу.

Гибель Алкниса — прямое следствие провокаций, осуществленных в период культа личности Сталина в отношении граждан некоторых национальностей, проживавших в СССР. Представляют интерес в этом отношении показания бывшего начальника УНКВД Московской области Радзивиловского⁷³, который в 1939 году писал: «...я спросил Ежова, как практически реализовать его директиву о раскрытии антисоветского подполья среди латышей. Он мне ответил, что стесняться отсутствием конкретных материалов нечего, а следует наметить несколько латышей из числа членов ВКП(б) и выбрать из них необходимые показания. С этой публикой не церемоньтесь, их дела будут рассматриваться альбомным порядком. Надо доказать, что латыши, поляки и другие, состоящие в ВКП(б), — шпионы и диверсанты...»

Выполняя это указание Ежова, сообщил Радзивиловский, я и все другие начальники УНКВД сделали одно из самых черных дел, огульно уничтожая каждого из числа латышей, поляков и других национальностей, входивших в ВКП(б). Все показания об их якобы антисоветской деятельности получались, как правило, в результате истязаний арестованных, широко применявшихся как в центральном, так и в периферийных аппаратах НКВД».

Находясь под следствием и будучи подвергнут истязаниям, Алкнис дал ложные показания о шпионской связи с начальником штаба латвийской армии Гартманисом и о своей принадлежности к антисоветской организации. Этого самоговора оказалось достаточно для физического уничтожения Алкниса — одного из видных деятелей Красной Армии.

20 декабря 1940 года после восстановления Советской власти в Латвии Гартманис был арестован. Агенты НКВД пытались получить от Гартманиса показания о якобы имевшей место шпионской связи между ним и Алкнисом, однако он это категорически отрицал. В судебном заседании 7 июня 1941 года Гартманис, например, заявил: «Я занимал ряд ответственных должностей в латвийской армии, но никогда не вел враждебной политики против СССР... Показания Берзина, Алкниса мне непонятны, так как я с ними никакой связи не имел и в то время, на которое они ссылаются в своих показаниях, я не имел никакого отношения к разведке».

Об избиениях Алкниса в процессе следствия сообщил в 1954 году бывший сотрудник НКВД Эдлин⁷⁴: «...когда я проходил по коридору тюрьмы, то из одной из комнат слышал душераздирающий крик Алкниса, которого там избивали несколько человек...»

Как теперь установлено, Алкнис был расстрелян по списку, утвержденному Сталиным и Молотовым. В 1956 году Алкнис реабилитирован.

Дыбенко Павел Ефимович, командарм 2 ранга, член КПСС с 1912 года, 28 февраля 1938 года был арестован. Дыбенко являлся активным участником Октябрьской революции и гражданской

войны, за заслуги перед государством награжден тремя орденами Красного Знамени. Перед арестом он был командующим войсками Ленинградского военного округа.

Аресту Дыбенко предшествовало снятие его с поста командующего военным округом на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 января 1938 года. В этом постановлении, подписанном Сталиным и Молотовым, сказано: «...СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают установленным, что:

а) т. Дыбенко имел подозрительные связи с некоторыми американцами, которые оказались разведчиками, и недопустимо для честного советского гражданина использовал эти связи для получения пособия живущей в Америке своей сестре;

б) СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают также заслуживающим серьезного внимания опубликованное в заграничной прессе сообщение о том, что т. Дыбенко является немецким агентом. Хотя это сообщение опубликовано во враждебной белогвардейской прессе, тем не менее нельзя пройти мимо этого, так как одно такого же рода сообщение о бывшей провокаторской работе Шеболдаева⁷⁵ при проверке оказалось правильным;

в) т. Дыбенко вместо добросовестного выполнения своих обязанностей по руководству округом систематически пьянствовал, разложился в морально-бытовом отношении, чем давал очень плохой пример подчиненным.

Ввиду всего этого СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Считать невозможным дальнейшее оставление т. Дыбенко на работе в Красной Армии.

2. Снять т. Дыбенко с поста командующего Ленинградским военным округом и отозвать его в распоряжение ЦК ВКП(б).

3. Предложить т. Маленкову внести свои предложения о работе т. Дыбенко вне военного ведомства.

4. Настоящее постановление разослать всем членам ЦК ВКП(б) и командующим военными округами».

В ответ на это постановление Дыбенко 30 января 1938 года обратился к Сталину с письмом, в котором отвергал выдвинутые против него измышления. Отрицая преступную связь с американцами, Дыбенко изложил обстоятельства его встреч с официальными американскими представителями, с которыми он, являясь командующим округом, имел общение в присутствии сотрудников госбезопасности и МИД СССР. Дыбенко также опровергал как провокацию со стороны белогвардейской эмиграции сообщение иностранной прессы, поместившей заявление Керенского о связи Дыбенко с германской разведкой.

Далее Дыбенко писал: «Я понимаю, что я не буду возвращен в армию, но я прошу, и я на это имею право, дать мне возможность остаток моей жизни отдать целиком и полностью делу строительства социализма в нашей стране, быть до конца преданным солдатом ленинско-сталинской партии и нашей Родины».

Однако все эти доводы Дыбенко остались без рассмотрения, и он оказался в списке лиц, которые по прямому указанию Сталина и Молотова должны были быть приговорены к расстрелу. Дело на Дыбенко было формально рассмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР в течение 20 минут, и его расстрел был оформлен 29 июля 1938 года соответствующим приговором. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 мая 1956 года Дыбенко П. Е. реабилитирован.

Таким образом, в 1938 году из восьми членов Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, которое рассматривало дело Тухачевского, Якира, Уборевича и других, были физически уничтожены пять человек, а на остальных трех членов суда были получены показания, что и они являлись «врагами народа».

*Публикацию подготовил
А. С. СТЕПАНОВ*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тухачевский Михаил Николаевич (1893-1937) — Маршал Советского Союза. С 1936 г. первый заместитель наркома обороны СССР. С 10. 05. 1937 г. командующий войсками Приволжского военного округа. Арестован 22. 05. 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания 11. 06. 1937 г. Реабилитирован 31. 01. 1957 г.

² Якир Иона Эммануилович (1896-1937) — командарм I ранга. С мая 1935 г. командующий войсками Киевского военного округа. С 10. 05. 1937 г. командующий войсками Ленинградского военного округа. С 20. 05. 1937 г. командующий войсками Закавказского военного округа. Арестован 28. 05. 1937 г. Осужден к высшей мере наказания 11. 06. 1937 г. Реабилитирован 31. 01. 1957 г.

³ Уборевич Иероним Петрович (1896-1937) — командарм I ранга. С 1931 г. командующий войсками Белорусского военного округа. С 20. 05. 1937 г. командующий войсками Среднеазиатского военного округа. Арестован 29. 05. 1937 г. Приговорен к расстрелу 11. 06. 1937 г. Реабилитирован 31. 01. 1957 г.

⁴ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879-1953) — с 1922 г. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б).

⁵ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890-1986) — в 1930-1941 гг. Председатель СНК СССР.

⁶ Шверник Николай Михайлович (1888-1970) — в 1956-1966 гг. председатель КПК при ЦК КПСС, Председатель Партийной Комиссии при ЦК КПСС.

⁷ Шелепин Александр Николаевич (р. 1918) — в 1961-1967 гг. секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1962-1965 гг. председатель Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР, заместитель Председателя Совета Министров СССР.

⁸ Сердюк Зиновий Тимофеевич (р. 1903) — с 1961 г. первый заместитель председателя КПК при ЦК КПСС.

⁹ Миронов Николай Романович (1913-1964) — с 1959 г. заведующий отделом административных органов ЦК КПСС.

¹⁰ Руденко Роман Андреевич (р. 1907) — в 1953-1981 гг. Генеральный прокурор СССР.

¹¹ Семичастный Владимир Ефимович (р. 1924) — в 1961-1967 гг. председатель КГБ при Совете Министров СССР.

¹² Ворошилов Климент Ефремович (1881-1969) — Маршал Советского Союза. В 1934-1940 гг. народный комиссар обороны СССР.

¹³ Корг Август Иванович (1888-1937) — командарм 2 ранга. На момент ареста 14. 05. 1937 г. начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе. Осужден к высшей мере наказания 11. 06. 1937 г. Реабилитирован 31. 01. 1957 г.

14 Фельдман Борис Миронович (1890-1937) — комкор. С 1934 г. начальник Управления по начальствующему составу РККА. С 15. 04. 1937 г. заместитель командующего войсками Московского военного округа. Арестован 15. 05. 1937 г. Осужден к высшей мере наказания 11. 06. 1937 г. Реабилитирован 31. 01. 1957 г.

15 Примаков Виталий Маркович (1897-1937) — комкор. С 1935 г. заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа. Арестован 14. 08. 1936 г. Осужден к расстрелу 11. 06. 1937 г. Реабилитирован 31. 01. 1957 г.

16 Эйдеман Роберт Петрович (1895-1937) — комкор. С 1932 г. председатель Центрального совета Осоавиахима СССР. Арестован 22. 05. 1937 г. Осужден к расстрелу 11. 06. 1937 г. Реабилитирован 31. 01. 1957 г.

17 Путна Витовт Казимирович (1893-1937) — комкор. С 1934 г. военный и военно-воздушный атташе в Великобритании. Арестован 20. 08. 1937 г. Осужден к расстрелу 11. 06. 1937 г. Реабилитирован 31. 01. 1957 г.

18 Ежов Николай Иванович (1895-1940) — генеральный комиссар государственной безопасности. В 1936-1938 гг. народный комиссар внутренних дел СССР, одновременно в 1935-1939 гг. секретарь ЦК ВКП(б) и председатель КПК при ЦК ВКП(б). Арестован 10. 06. 1939 г. Осужден к расстрелу 3. 02. 1940 г. Не реабилитирован.

19 Каширин Николай Дмитриевич (1888-1938) — командир 2 ранга. С 1931 г. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. Перед арестом в августе 1937 г. начальник Управления боевой подготовки РККА. Осужден к расстрелу 14. 06. 1938 г. Реабилитирован 1. 10. 1956 г.

20 Дубовой Иван Наумович (1896-1938) — командир 2 ранга. С 1935 г. командующий войсками Харьковского военного округа. Арестован в августе 1937 г. Осужден к расстрелу 29. 07. 1938 г. Реабилитирован 27. 06. 1957 г.

21 Погребной Василий Семенович (1895-1938) — комдив. Перед арестом 11. 02. 1938 г. заместитель командующего войсками Харьковского военного округа. Осужден к расстрелу 29. 07. 1938 г. Реабилитирован 27. 06. 1957 г.

22 Бахрушин Александр Михайлович (1900-1937) — комдив. Перед арестом 3. 08. 1937 г. начальник ВВС Киевского военного округа. Осужден к расстрелу 8. 09. 1937 г. Реабилитирован 9. 08. 1957 г.

23 Зимма Дмитрий Дмитриевич (1903-1937) — полковник. Перед арестом 11. 06. 1937 г. командир 54-й скоростной бомбардировочной авиабригады. Осужден к расстрелу 9. 09. 1937 г. Реабилитирован 9. 06. 1957 г.

24 Евдокимов Яков Константинович (1897-1938) — комбриг. Перед арестом 12. 12. 1937 г. командир 133-й мехбригады. Осужден к расстрелу 30. 09. 1938 г. Реабилитирован 16. 05. 1956 г.

25 Ланда Михаил Маркович (1890-1938) — армейский комиссар 2 ранга. Перед арестом 5. 11. 1937 г. ответственный редактор газеты «Красная звезда». Осужден к расстрелу 28. 07. 1938 г. Реабилитирован 7. 07. 1956 г.

26 Мерещков Кирилл Афанасьевич (1897-1968) — комкор. С 1937 г. заместитель начальника Генерального штаба РККА. С сентября 1938 г. командующий войсками Приволжского, затем Ленинградского военных округов. С августа 1940 г. начальник Генерального штаба РККА, с 1941 г. заместитель наркома обороны СССР. Подвергся незаконной репрессии перед началом Великой Отечественной войны.

27 Смирнов Петр Александрович (1897-1939) — армейский комиссар 2 ранга. С июня 1937 г. начальник

Политуправления РККА. С декабря 1937 г. народный комиссар Военно-Морского Флота СССР. Арестован 30. 06. 1938 г. Осужден к расстрелу 26. 02. 1939 г. Реабилитирован 16. 05. 1956 г.

28 Щаденко Ефим Афанасьевич (1885-1951) — армейский комиссар 1 ранга. С ноября 1937 г. заместитель наркома обороны СССР, начальник Управления по начальствующему составу РККА.

29 Косоков Иван Дмитриевич (1891-1938) — комкор. С 1935 г. командир 4-го казачьего корпуса. С апреля 1937 г. заместитель инспектора кавалерии РККА. Арестован 26. 05. 1937 г. Осужден к расстрелу 1. 08. 1938 г. Реабилитирован 8. 04. 1956 г.

30 Железняков Яков Моисеевич (1897-1937) — инженер. До ареста 29. 05. 1937 г. заместитель председателя Арткомитета — начальник научно-технического отдела ГАУ РККА. Осужден к расстрелу 5. 11. 1937 г. Реабилитирован 28. 01. 1956 г.

31 Леплевский Израиль Моисеевич (1894-1938) — комиссар госбезопасности 2 ранга. С 28. 11. 1936 г. начальник 5-го отдела (особый отдел) ГУГБ НКВД СССР. С 14. 06. 1937 г. в НКВД УССР. С 25. 01. 1938 г. начальник 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 26. 04. 1938 г. Осужден к расстрелу 28. 07. 1938 г. Не реабилитирован.

32 Хорош Мордух Лейбович (1899-1937) — корпусной комиссар. До ареста 9. 08. 1937 г. заместитель начальника политуправления Киевского военного округа. Осужден к расстрелу 15. 10. 1937 г. Реабилитирован 8. 12. 1956 г.

33 Демичев Михаил Афанасьевич (1885-1937) — комдив. До ареста 9. 08. 1937 г. командир-комиссар 1-го кавалерийского корпуса. Осужден к расстрелу 19. 11. 1937 г. Реабилитирован 20. 10. 1956 г.

34 Григорьев Петр Петрович (1892-1937) — комдив. До ареста 24. 07. 1937 г. командир 7-го кавалерийского корпуса. Осужден к расстрелу 19. 11. 1937 г. Реабилитирован 20. 10. 1956 г.

35 Капцевич Григорий Антонович (1895-1938) — комбриг. До ареста 13. 08. 1937 г. командир 58-й стрелковой дивизии. Осужден к расстрелу 17. 10. 1938 г. Реабилитирован 18. 01. 1956 г.

36 Родионов Михаил Михайлович (1896-1937) — полковник. До ареста 9. 08. 1937 г. начальник 2-го отдела штаба Киевского военного округа. Осужден к расстрелу 18. 10. 1937 г. Реабилитирован 11. 08. 1956 г.

37 Мехлис Лев Захарович (1889-1953) — армейский комиссар 1 ранга. С 30. 12. 1937 г. по 4. 09. 1940 г. начальник Политического управления РККА и заместитель наркома обороны СССР.

38 Маленков Георгий Максимилианович (1902-1988) — в 1937-1939 гг. заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б).

39 Юнг Николай Альбертович (1901-1938) — дивизионный комиссар. Член военного совета Сибирского военного округа. Арестован 30. 01. 1938 г. Осужден к расстрелу 2. 07. 1938 г. Реабилитирован 25. 04. 1956 г.

40 Сидоров Константин Григорьевич (1884-1939) — корпусной комиссар. До ареста 25. 05. 1938 г. ответственный секретарь партийной комиссии при Политуправлении РККА. Осужден к расстрелу 25. 09. 1939 г. Реабилитирован 25. 06. 1955 г.

41 Индриксон Ян Гедертович (1889-1938) — дивизионный комиссар. Старший инспектор Политуправления РККА. Арестован 26. 04. 1938 г. Осужден к расстрелу 22. 02. 1939 г. Реабилитирован 11. 04. 1956 г.

42 Битте Август Мартьянович (1899-1939) — кор-

пусной комиссар. До ареста начальник политуправления Забайкальского военного округа. Осужден к расстрелу 21. 10. 1939 г. Реабилитирован 25. 07. 1956 г.

43 Тарутинский Александр Васильевич (1898-1938) — дивизионный комиссар. До ареста 4. 02. 1938 г. член военного совета Уральского военного округа. Осужден к расстрелу 29. 04. 1938 г. Реабилитирован 25. 02. 1956 г.

44 Подробный комментарий к этим цифрам изложен в № 1 журнала за 1993 г.

45 Гамарник Ян Борисович (1894-1937) — армейский комиссар 1 ранга. С 1929 г. начальник Политуправления РККА, одновременно в 1934-1937 гг. первый заместитель наркома обороны СССР. С 13. 03. 1937 г. уполномоченный Наркомата обороны СССР при СНК РСФСР. 20. 05. 1937 г. назначен членом военного совета Среднеазиатского военного округа. Покончил жизнь самоубийством 31. 05. 1937 г. Реабилитирован в 1955 г.

46 Булин Антон Степанович (1894-1938) — армейский комиссар 2 ранга. С июля 1928 г. заместитель начальника Политуправления РККА. С апреля 1937 г. начальник Управления начальствующего состава РККА. Арестован 5. 11. 1937 г. Осужден к расстрелу 28. 07. 1938 г. Реабилитирован 8. 10. 1955 г.

47 Егоров Александр Ильич (1885-1939) — Маршал Советского Союза. До ареста в апреле 1938 г. первый заместитель наркома обороны СССР. Осужден к расстрелу 22. 02. 1939 г. Реабилитирован 14. 03. 1956 г.

48 Буденный Семен Михайлович (1883-1973) — Маршал Советского Союза. В 1937-1940 гг. командующий войсками Московского военного округа.

49 Белов Иван Панфилович (1893-1938) — командир 1 ранга. До ареста 7. 01. 1938 г. командующий войсками Белорусского военного округа. Осужден к расстрелу 29. 07. 1938 г. Реабилитирован 26. 11. 1955 г.

50 Федько Иван Федорович (1897-1939) — командир 2 ранга. До ареста 7. 07. 1938 г. заместитель наркома обороны СССР. Осужден к расстрелу 26. 02. 1939 г. Реабилитирован 26. 05. 1956 г.

51 Ковтюх Епифан Иович (1890-1938) — комкор. С 1936 г. армейский инспектор, заместитель командующего войсками Белорусского военного округа. Арестован 10. 08. 1937 г. Осужден к расстрелу 29. 07. 1938 г. Реабилитирован 22. 02. 1956 г.

52 Ульрих Василий Васильевич (1889-1951) — армвояенирист. В 1926-1948 гг. председатель военной коллегии Верховного суда СССР.

53 Ханьян Григорий Давыдович (1895-1939) — комкор. До ареста 1. 02. 1938 г. член военного совета ОКДВА. Осужден к расстрелу 22. 02. 1939 г. Реабилитирован 11. 04. 1956 г.

54 Берия Лаврентий Павлович (1899-1953) — генеральный комиссар госбезопасности. С 22. 08. 1938 г. первый заместитель, одновременно с 29. 09. 1938 г. начальник ГУГБ НКВД СССР. С 25. 11. 1938 г. народный комиссар внутренних дел СССР. Расстрелян 23. 12. 1953 г.

55 Дмитриев Дмитрий Матвеевич (1901-1939) — комиссар государственной безопасности 3 ранга. С 15. 07. 1936 г. начальник УНКВД по Свердловской области. С 22. 05. 1938 г. начальник Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР. Арестован 28. 06. 1938 г. Осужден к расстрелу 7. 03. 1939 г. Не реабилитирован.

56 Дерибас Терентий Дмитриевич (1883-1938) — комиссар государственной безопасности 1 ранга. С 10. 06. 1934 г. начальник УНКВД по Дальневосточ-

ному краю. Арестован 31. 07. 1937 г. Расстрелян 27. 07. 1938 г. Реабилитирован в 1957 г.

57 Харьковец Юрий Иосифович (р. 1901) — с 1934 г. заместитель начальника Лефортовской тюрьмы по оперативной части.

58 Кобулов Богдан Захарович (1904-1953) — комиссар государственной безопасности 3 ранга. С 15. 09. 1938 г. начальник секретно-политического отдела Первого управления НКВД СССР. С 17. 12. 1938 г. заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР — начальник следственной части НКВД СССР. С 4. 09. 1939 г. начальник Главного экономического управления НКВД СССР. Осужден к расстрелу 23. 12. 1953 г.

59 Зимин Петр Алексеевич (р. 1903) — капитан госбезопасности. С 1936 г. начальник Куйбышевского райотдела УНКВД по Московской области. С 13. 07. 1937 г. начальник Лефортовской тюрьмы ГУГБ НКВД СССР. 22. 12. 1938 г. уволен из органов НКВД.

60 Головлев Владимир Яковлевич (р. 1906) — в 1938-1941 гг. оперативный уполномоченный ГЭУ НКВД СССР.

61 Меркулов Всеволод Николаевич (1895-1953) — с 29. 09. 1938 г. заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР, одновременно с 26. 10. 1938 г. начальник 3-го отдела (контрреволюционная работа) ГУГБ НКВД СССР. С 16. 12. 1938 г. первый заместитель наркома внутренних дел СССР — начальник ГУГБ НКВД СССР.

62 Миронов Александр Николаевич (р. 1896) — капитан госбезопасности. С 03. 02. 1937 г. начальник внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР. 6. 05. 1953 г. уволен в отставку по болезни.

63 Иванов Владимир Васильевич (р. 1909) — с 1. 11. 1938 г. младший следователь следственной части 2-го отдела (СПО) ГУГБ НКВД СССР. С 1. 01. 1939 г. следователь следственной части НКВД СССР. С 4. 09. 1939 г. начальник секретариата Особого совещания при НКВД СССР. За нарушения законности 3. 01. 1955 г. лишен воинского звания генерал-майор.

64 Тимофеева Елена Тимофеевна (р. 1903) — с 1936 г. сотрудница секретариата ГУГБ НКВД СССР. 1. 09. 1939 г. уволена из органов НКВД СССР.

65 Урицкий Семен Петрович (1895-1938) — комкор. Начальник Разведуправления РККА. Перед арестом 1. 11. 1937 г. заместитель командующего войсками Московского военного округа. Осужден к расстрелу 1. 08. 1938 г. Реабилитирован 7. 03. 1956 г.

66 Фриновский Михаил Петрович (1898-1940) — с 29. 11. 1935 г. комкор, с 14. 09. 1938 г. командир 1 ранга. С 16. 10. 1936 г. заместитель наркома внутренних дел СССР. С 15. 04. 1937 г. первый заместитель наркома внутренних дел СССР и начальник ГУГБ НКВД СССР. С 8. 09. 1938 г. нарком Военно-Морского флота СССР. Арестован 6. 04. 1939 г. Осужден к расстрелу 4. 02. 1940 г. Не реабилитирован.

67 Николаев (Журид) Николай Галактионович (1897-1940) — комиссар госбезопасности 3 ранга. С 28. 11. 1936 г. начальник 2-го (оперативного) отдела ГУГБ НКВД СССР. С 14. 06. 1937 г. начальник 5-го (особого) отдела ГУГБ НКВД СССР. С 9. 06. 1938 г. начальник 3-го (контрразведывательного) отдела 1-го управления — заместитель начальника 1-го управления НКВД СССР. Арестован в 1939 г. Расстрелян 4. 02. 1940 г. по приговору суда. Не реабилитирован.

68 Федоров Николай Николаевич (1900-1940) — комбриг. С 20. 07. 1937 г. начальник УНКВД по Одесской области. С 26. 02. 1938 г. начальник УНКВД по Киевской области. С 28. 05. 1938 г. начальник 2-го управления (управление особых отделов) НКВД СССР.

Арестован 20. 11. 1938 г. Осужден к расстрелу 4. 02. 1940 г. Не реабилитирован.

69 Ткалун Петр Пахомович (1894-1938) — комдив. До ареста 8. 01. 1938 г. комендант Московского Кремля. Осужден к расстрелу 29. 07. 1938 г. Реабилитирован 12. 05. 1956 г.

70 Шапиро Исаак Ильич (1895-1940) — старший майор госбезопасности. С 8. 01. 1937 г. заместитель начальника секретариата НКВД СССР. С 5. 07. 1937 г. начальник 9-го (специального) отдела ГУГБ НКВД СССР. С 9. 06. 1938 г. начальник 1-го (специального) отдела НКВД СССР. Арестован в 1939 г. Осужден к расстрелу 4. 02. 1940 г. Не реабилитирован.

71 Халепский Иннокентий Андреевич (1893-1938) — командарм 2 ранга. До ареста 13. 11. 1937 г. начальник Управления вооружения и Бронетанкового управления РККА. Осужден к расстрелу 29. 07. 1938 г. Реабилитирован 8. 09. 1956 г.

72 Ушаков (Ушамирский) Зиновий Маркович (1895-1940) — майор госбезопасности. С 9. 02. 1935 г. заместитель начальника особых отделов УГБ НКВД Белорусской ССР. С 28. 01. 1937 г. помощник начальника 5-го (особого) отдела ГУГБ НКВД СССР. Арестован 5. 09. 1938 г. Осужден к расстрелу 4. 02. 1940 г. Не реабилитирован.

73 Радзивилловский Александр Павлович (Израиль Моисеевич) (1904-1940) — старший майор госбезопасности. С 20. 03. 1935 г. заместитель начальника УНКВД по Московской области. С 20. 07. 1937 г. начальник УНКВД по Ивановской области. С 9. 06. 1938 г. начальник 3-го (транспортного) управления НКВД СССР. Осужден к расстрелу 24. 01. 1940 г. Не реабилитирован.

74 Эдлин Моисей Захарович (р. 1899) — старший лейтенант госбезопасности. С 25. 12. 1936 г. заместитель начальника отделения 5-го (особого) отдела ГУГБ НКВД СССР. С 28. 02. 1938 г. заместитель начальника отделения 3-го отдела Главного транспортного управления НКВД СССР. 6. 09. 1949 г. уволен из органов МВД СССР по болезни.

75 Шеболдаев Борис Петрович (1895-1937) — с января 1934 г. первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). В 1937 г. первый секретарь Курского обкома партии. Арестован в июне 1937 г. Приговорен к расстрелу 16. 12. 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

*Примечания В. И. ИВКИНА,
А. И. КОКУРИНА*

(Продолжение следует)

«Пульс» — журнал для молодых и для всех, кто молод душой!

Приключения, фантастика и комиксы, бестселлеры, которыми зачитывается весь мир, эксклюзивное право на публикацию которых предоставлено только «Пульсу», ретро- и современная музыка, цветные плакаты-постеры, интересные факты из жизни звезд (кстати, наш музыкальный редактор — певец и композитор Андрей Державин), вечные проблемы жизни и смерти, любовь и ненависть, астрология, магия и советы народных целителей — не даром журнал «Пульс» пользуется стабильным успехом у представителей всех поколений.

Напоминаем индекс для индивидуальных подписчиков — 70442, индекс для библиотек (для которых, кстати, установлена льготная стоимость подписки) — 71146.

Телефон для справок: (095) 285-07-41.

ПОГИБЛИ В ГОДЫ БЕЗЗАКОНИЯ

Списки военачальников, командиров и политработников РККА, погибших в 1937–1941 гг. в результате беззаконных репрессий, составлены по воинским званиям на момент их ареста. Дата приведения приговора в исполнение указана по специальным справкам Центрального архива КГБ при Совете Министров (если таковые имелись). В список включены также лица командного состава, покончившие жизнь самоубийством, и те, кто избежал расстрела, но погиб в тюремном заключении или в лагере.

За помощь в поисковой работе считаю своим долгом поблагодарить руководителей Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации — генерал-лейтенанта юстиции Н. А. Петухова, генерал-майора юстиции А. Т. Уколова, а также заведующую архивом коллегии Т. А. Гордееву и сотрудницу архива Е. Ф. Макеенкову.

*Полковник
в отставке
О. Ф. СУВЕНИРОВ,
доктор
исторических
наук*

МАРТИРОЛОГ РККА 1937–1941 гг.

1	2	3	4	Дата			8
				ареста	вынесения приговора к высшей мере наказания	исполнения приговора	
1	2	3	4	5	6	7	8
Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Год вступления в ВКП(б)	Должность на момент ареста	ареста	вынесения приговора к высшей мере наказания	исполнения приговора	посмертной реабилитации
			Маршалы Советского Союза				
Блюхер Василий Константинович	1890	1916	Командующий Дальневосточным фронтом (до августа 1938)	22.10.1938	Умер в тюрьме	9.11.1938	12.3.1956
Егоров Александр Ильич	1883	1918	Командующий войсками ЗабВО	(?) 4.1938	22.2.1939	23.2.1939	14.3.1956
Тухачевский Михаил Николаевич	1893	1918	Командующий войсками ПриВО	22.5.1937	11.6.1937	12.6.1937	31.1.1957
			Командармы 1 ранга				
Белов Иван Панфилович	1893	1919	Командующий войсками БВО	7.1.1938	29.7.1938	29.7.1938	26.11.1955
Уборевич Иероним Петрович	1896	1917	Командующий войсками БВО	29.5.1937	11.6.1937	12.6.1937	31.1.1957
Федько Иван Федорович	1897	1917	Первый заместитель наркома обороны СССР	7.7.1938	26.2.1939	26.2.1939	26.5.1956
Фриновский Михаил Петрович	1898	—	Нарком Военно-Морского Флота СССР	6.4.1939	4.2.1940	—	Вопрос о реабилитации не ставился
Якнр Иона Эммануилович	1896	1917	Командующий войсками ЛВО	28.5.1937	11.6.1937	12.6.1937	31.1.1957

1	2	3	4	5	6	7	8
Флагманы флота 1 ранга							
Викторов Михаил Викторович	1892	1932	Начальник Морских Сил РККА	22. 4. 1938	1. 8. 1938	—	14. 3. 1956
Орлов Владимир Митрофанович	1895	1918	Зам. наркома обороны СССР — начальник Военно-Морских Сил	10. 7. 1937	28. 7. 1938	28. 7. 1938	23. 6. 1956
Армейские комиссары 1 ранга							
Гамарник Ян Борисович	1894	1916	Первый заместитель наркома обороны СССР — начальник Политуправления РККА	Похищен жизнью самоубийством 31 мая 1937			
Смирнов Петр Александрович	1897	1917	Нарком Военно-Морского Флота СССР	30. 6. 1938	22. 2. 1939	23. 2. 1939	16. 5. 1956
Командармы 2 ранга							
Алексис (Астрое) Яков Иванович	1897	1916	Заместитель наркома обороны СССР — начальник ВВС РККА	23. 11. 1937	28. 7. 1938	29. 7. 1938	1. 2. 1956
Вацетис Иоаким Иоакимович	1873	5/II	Профессор Военной академии им. М. В. Фрунзе	29. 11. 1937	28. 7. 1938	28. 7. 1938	28. 3. 1957
Великанов Михаил Дмитриевич	1893	1920	Командующий войсками ЗаБВО	20. 12. 1937	29. 7. 1938	29. 7. 1938	1. 9. 1956
Дубовой Иван Науумович	1896	1917	Командующий войсками ХВО	21. 8. 1937	28. 7. 1938	29. 7. 1938	14. 7. 1956
Дыбенко Павел Ефимович	1889	1912	Командующий войсками ЛВО	26. 2. 1938	29. 7. 1938	29. 7. 1938	16. 5. 1956
Каширин Николай Дмитриевич	1888	1918	Начальник УЗБ РККА	—	14. 6. 1938	14. 6. 1938	1. 9. 1956
Корк Август Иванович	1888	1927	Начальник Военной академии им. Фрунзе	12. 5. 1937	11. 6. 1937	12. 6. 1937	31. 1. 1957
Левандовский Михаил Карлович	1890	1920	Командующий Приморской группой войск ОКДВА	23. 2. 1938	29. 7. 1938	29. 7. 1938	28. 4. 1956
Седякин Александр Игнатьевич	1893	1917	Начальник Управления ПВО НКО	2. 12. 1937	29. 7. 1938	29. 7. 1938	4. 8. 1956
Халепский Иннокентий Андреевич	1893	1918	Начальник вооружений и Бронетанкового управления РККА	13. 11. 1937	29. 7. 1938	—	8. 9. 1956
Генерал-полковники							
Локтионов Александр Дмитриевич	1893	1921	Командующий войсками ПриБОВО	Расстрелян без суда 18. 10. 1941			
Штерн Григорий Михайлович, Герой Советского Союза	1900	1919	Начальник Управления ПВО НКО	Расстрелян без суда 18. 10. 1941			

Флагманы флота 2 ранга

Кожанов Иван Кузьмич	1897	1917	5. 10. 1937	22. 8. 1938	22. 8. 1938	7. 7. 1956
Смирнов-Светловский Петр Иванович	1897	1914	26. 3. 1939	16. 3. 1940	17. 3. 1940	23. 6. 1956

Армейские комиссары 2 ранга

Амелин Михаил Петрович	1896	1917	19. 6. 1937	8. 9. 1937	—	18. 4. 1956
Аронштам Лазарь Наумович	1896	1915	31. 5. 1937	25. 3. 1938	—	2. 6. 1956
Берзин Ян Карлович (Кюзиас Петер Янович)	1889	1905	27. 11. 1937	29. 7. 1938	29. 7. 1938	28. 7. 1956
Булин Антон Степанович	1894	1914	5. 11. 1937	28. 7. 1938	—	8. 10. 1955
Векличев Георгий Иванович	1898	1918	7. 5. 1937	8. 1. 1938	8. 1. 1938	7. 7. 1956
Гришин Александр Сергеевич	—	—	Покончил жизнь самоубийством в 1937 г.			
Гугин Григорий Иванович	1896	1915	30. 8. 1937	26. 11. 1937	—	10. 11. 1956
Иппо Борис Михайлович	1898	1914	31. 7. 1937	26. 11. 1937	26. 11. 1937	22. 9. 1956
Кожевников Сергей Николаевич	1896	1917	9. 9. 1937	8. 1. 1938	9. 1. 1938	14. 7. 1956
Ланда Михаил Маркович	1890	1918	5. 11. 1937	28. 7. 1938	28. 7. 1938	7. 7. 1956
Мезис Август Иванович	1894	1912	26. 11. 1937	21. 4. 1938	21. 4. 1938	28. 7. 1956
Окунев Григорий Сергеевич	1900	1917	1. 12. 1937	28. 7. 1938	28. 7. 1938	19. 5. 1956
Осепян Гайк Александрович	1891	1913	31. 5. 1937	10. 9. 1937	—	7. 7. 1956
Славин (Бас) Иосиф Еремеевич	1893	1917	5. 10. 1937	15. 3. 1938	15. 3. 1938	7. 1. 1956
Шифрес Александр Львович	1898	1917	13. 11. 1937	25. 9. 1938	25. 9. 1938	12. 5. 1956

Армвоениористы

Розовский Наум Савельевич	1898	1917	—	16. 6. 1941	Умер в заключении	6.12.1956 частично
---------------------------	------	------	---	-------------	-------------------	-----------------------

Прочерки означают, что данные не обнаружены.

(Продолжение следует)

О ГУЛАГЕ — Главном
управлении
исправительно-трудовых
лагерей ОГПУ — НКВД — МВД
написано очень много —
и правды и вымысла.
кто превращал
в «лагерную пыль».
Одним из главных строителей
разветвленной системы
исправительно-трудовых лагерей
был Матвей Давыдович Берман.
С середины 1930 года
он являлся
заместителем начальника,
а с мая 1932-го —
начальником ГУЛАГА
ОГПУ — НКВД.

«ПРАКТИК МАРКСИЗМА»

В архивах удалось разыскать любопытные документы, позволяющие узнать некоторые страницы «богатой» событиями биографии М. Д. Бермана. Так, будущий глава одиозного ведомства перед Октябрьской революцией окончил военное училище и получил офицерский чин. Сохранилось даже небольшое личное дело «юнкера рядового звания Моти Давыдовича Бермана».

Прочитываем кое-что из послужного списка, находящегося в личном деле юнкера М. Бермана: «Родился и число рождения — 1898 г. апреля 10 дня; вероисповедания — иудейского; звание и сословие, к которому принадлежит, и какой губернии уроженец — крестьянин Забайкальской губернии Читинского уезда Ундургинской волости; занятие или промысел — хлебопашество...»¹.

9 мая 1917 года Читинский уездный воинский начальник призвал Бермана на военную службу и направил в 15-й Сибирский стрелковый запасной полк в Красноярск. По прибытии к месту службы стрелок 12-й роты Берман сразу же изъявил «желание быть командированным в военное училище для прохождения курса»². Уже 1 июня его зачислили без вступительных экзаменов на ускоренный курс Иркутского военного училища. Обучение продолжалось ровно четыре месяца, и 1 октября Берман получил офицерские погоны. Накануне Октябрьской революции прапорщик Берман прибыл в 25-й запасной стрелковый полк в Томск на должность взводного командира и сразу же включился в работу по «большевизации» воинских частей, дислоцированных в Томске. Сначала молодого офицера избрали в полковой комитет, а затем делегатом

на III Западно-Сибирский съезд Советов, на котором была провозглашена Советская власть в Сибири.

С этого момента Берман — активный борец за упрочение новой власти в Сибирском регионе. Здесь он познакомился со многими ставшими впоследствии известными революционерами. Один из них — М. А. Трилиссер, большевик с солидным стажем подпольной работы. Благодаря ему бывший офицер и несостоявшийся коммерсант стал заместителем, или, как тогда говорили, товарищем председателя военного отдела Томского губисполкома. Берман активно участвует в подавлении выступления юнкеров в Томске.

Во время чехословацкого мятежа Берман вынужден был скрываться в подполье. Колчаковская контрразведка объявила крупное денежное вознаграждение за его голову. Однако ему удалось перехитрить белогвардейскую агентуру и скрыться. Обещанная сумма так и осталась невыплаченной.

Из чекистской аттестации Бермана от 12 сентября 1923 года: «...Энергичный, деятельный... Один из лучших работников Сибири. Его энергичная деятельность заслужила полное доверие ответственных партийных работников... Является единственным знатоком работы на Восточных границах...»

В 1920 году Бермана назначили директором Госполитохраны (ГПО) Дальневосточной республики (ДВР). Это был орган, аналогичный по функциям ВЧК. Но тут Берман работал недолго. Как откровенно написал он в одной из автобиографий, «в Верхнеудинске (первоначально столица Дальневосточной республики. — Прим. авт.) не сработался на должности ГПО ДВР...». С кем же не сработался «энергичный» чекист? С руководством республики, с партийными лидерами или местными «госполи-

¹ РГВИА, ф. 1483, оп. 1, д. 247, лл. 1, 6.

² Там же, л. 5.

тохранниками», а может быть, со всеми сразу? Сменил же на этом посту Бермана его «наставник» М. А. Трилиссер.

После неудавшейся попытки стать во главе органов госбезопасности ДВР Берман весьма успешно возглавлял Иркутскую гучека и одновременно был начальником особого отдела 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа. В 1922-1923 гг. Берман работал заместителем председателя Иркутского губисполкома. Здесь его стиль работы пришелся по душе, о чем свидетельствует, в частности, партийная характеристика от 15 июля 1923 года: «Является практиком марксизма. На работе внизу использовать нецелесообразно...»

С этой характеристикой Берман поехал в Бурятию. Его богатый опыт по упрочению Советской власти очень пригодился местному руководству. Возглавив окружной отдел ГПУ, Берман становится членом обкома партии и одновременно занимает пост заместителя председателя Совнаркома Бурятии. Он уверенно идет вверх по служебной лестнице и вскоре назначается наркомом внутренних дел Бурятии и председателем республиканского Госплана.

В декабре 1927 года торжественно отмечалось 10-летие ВЧК — ОГПУ. В канун юбилея газета «Красная звезда» опубликовала приказ Реввоенсовета СССР от 16 декабря № 412 о награждении большой группы чекистов во главе с «всемогущим зампредом» Г. Г. Ягодой орденом Красного Знамени. Наградили и Бермана в числе ответственных работников ОГПУ, «особо способствующих укреплению диктатуры пролетариата своим беззаветным мужеством, преданностью делу революции и неутомимостью в преследовании ее врагов и имеющих особо ценные заслуги и боевые отличия в борьбе с контрреволюционными, шпионскими, бандитскими и другими враждебными Советской власти организациями...»³. Этим награждением Берман как бы официально выделялся из большой массы рядовых чекистов.

На Дальнем Востоке Берман возглавил Владивостокский окружной отдел ОГПУ. Он колесит по самым отдаленным, как говорится, богом забытым уголкам, занимается ликвидацией затаившихся белобандитских шаек, налаживает оперативную работу низовых чекистских органов, выявляет несогласных с «генеральной линией партии». Это тоже стало функцией чекистов.

От такой беспокойной жизни железное здоровье Бермана начинает сдавать, несмотря на то что он с детства был крепким малым и в свое время увлекался спортом. В 1929 году врачи выявили у Бермана «катаральное состояние легких, недостаточность сердечной мышцы, малокровие». После санаторного лечения в Крыму Бермана наконец переводят в центр России на более спокойную работу — заместителем полномочного представителя ОГПУ по Ивановской области. О физическом и в какой-то степени моральном надломе чекиста свидетельствуют строки его очередной аттестации: «Выдержан, хорошо владеет собой, но несколько мешает работе излишняя мнительность»⁴. Однако причина мнительности, скорее всего, заключалась в том, что он, «практик марксизма», вынужден был довольствоваться вторыми ролями.

Из аттестации Бермана от 1 мая 1930 года: «Совершенно оформившийся оперативный руководитель... Эффективен в оперативной работе. Способен как администратор и организатор...» Весьма лестная характеристика. Она была дана Берману в связи с тем, что «вселагер-

ный» начальник Л. И. Коган обратился в ОГПУ с ходатайством о его переводе в свои заместители. Началось существование расширение лагерей, и в этих условиях «способный организатор» Когану был крайне необходим.

В 1931 году Объединенному государственному политическому управлению было поручено строительство Беломорско-Балтийского канала. Непосредственным исполнителем «грандиозного» замысла стал контингент ГУЛАГа — дешевая и бесправная рабочая сила.

Задание правительства было очень серьезным, и срывы здесь не допускались. Ягода развернул активную деятельность. В Карелии был создан специальный лагерь Белбалтлаг с управлением на железнодорожной станции Медвежья Гора (ныне г. Медвежьегорск. — Прим. авт.). Со всех концов страны сюда потянулись эшелоны с заключенными, даже из Средней Азии с бывшими басмачами и их пособниками.

На ключевые посты, как обычно, расставлялись свои люди. Коган, формально оставаясь начальником ГУЛАГа, в Карелии возглавил Беломорстрой. Его заместитель и единомышленник Берман в Москве осуществлял общее руководство лагерным главком. Но в середине 1932 года они поменялись креслами: Берман — полномочный шеф ГУЛАГа, а Коган — его верный зам и начальник строительства канала.

Начальником Белбалтлага поставили бывшего блестящего закордонного разведчика чекиста С. Г. Фирина. Лично от Ягоды он получил задание «усилить работу» и твердый наказ «не доверять никому». Начальником работ или, точнее, прорабом стройки стал бывший узник Соловков Н. Френкель, попавший туда из-за разногласий с советскими законами. Этот человек, довольно неординарная личность, прошел путь в системе лагерей от «рядового зека» до генерал-лейтенанта инженерно-технической службы.

К середине лета 1933 года было официально объявлено о завершении «стройки века». 2 августа председатель СНК СССР В. М. Молотов подписал специальное постановление, в котором особо подчеркивалось, «что в процессе строительства ББВП (Беломорско-Балтийский водный путь. — Прим. авт.) на основе правильного проведения исправительно-трудовой политики Советской власти Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ провело большую политико-воспитательную работу среди заключенных, получивших трудовые навыки и квалификацию».

Высоко оценивалась деятельность и самого Бермана. 4 августа ЦИК СССР постановил награждать «наиболее отличившихся работников, инженеров и руководителей Беломорстроя...». «Вселагерный» шеф Берман удостоился ордена Ленина.

Наверное, именно с этого момента Берман входит во вкус дела. Одним росчерком пера он организует лагерь на пустом месте в самых отдаленных уголках страны. Государство не затрачивает на это почти ничего. Зато какая выгода — обитатели ГУЛАГа в труднодоступных местах валят лес, добывают руду и нефть, работают на каменоломнях и рудниках. Заключенные сами строят себе бараки и обносят их колючей проволокой, они сами себя охраняют и кормят и при этом еще «перековываются» из врагов социалистического государства в его друзей. Правда, под руководством «крепких» чекистов.

Высказывая свое мнение о роли заключенных в претворении в жизнь принципов социализма, Берман говорил следующее: «С какой стати рабочие и крестьяне должны кормить и поить всю эту ораву тунеядцев, жуликов, вредителей

³ Красная звезда. — 1927. — 18 декабря.

⁴ Личное дело М. Д. Бермана.

и контрреволюционеров? Мы их пошлем в лагерь и скажем: «Вот вам орудия производства. Хотите есть — работайте. Это принцип существования в нашей стране. Для вас не будет исключения...»⁵.

В июле 1934 года был создан общесоюзный Наркомат внутренних дел. В его состав наряду с другими главками вошел и ГУЛАГ. Началась новая эра — эра расширения и укрупнения лагерной системы. Нарком Ягода с неудовольствием констатировал, что за весь 1933 год, когда часть лагерей еще находилась в ведении Наркомюста, из них бежало свыше 45 тыс. человек. А было задержано чуть более 28 тыс.⁶ Такое положение дел казалось ему нетерпимым. Ягода требует исключить побегов. Берману приказывается обратить особое внимание на охрану лагерей. Тот усиливает военизированную лагерную охрану стрелками из местного населения, отслужившими в рядах РККА.

В ноябре 1935 года Берман утвердил «Инструкцию по применению оружия начальствующим и надзирательским составом мест заключения». В ней было особо оговорено, что оружие должно применяться как крайняя мера и только в тех случаях, когда все остальные способы воздействия оказались безрезультатными. Причем по каждому факту применения оружия администрация лагеря обязана была проводить расследование в течение 24 часов и акт направлять в прокуратуру. Однако в жизни эти требования зачастую сводились к пустой формальности.

Ягода полностью поддерживал лагерного начальника во всех его начинаниях. После инспектирования Темниковского лагеря в Мордовии Берман доложил наркому о выявленных безобразиях: несвоевременном подвозе пищи на лесосеки, клопах в бараках, неправильном использовании рабочей силы, об «отсиживании» местных лагерных начальников в служебных кабинетах и т. д. Информировав об этом, Берман как бы расписался в собственной беспомощности. Ягода в гневе отменил очередные отпуска всей лагерной администрации и потребовал, чтобы начальник ГУЛАГА доложил об изжитии «всех отмеченных безобразий, провести чистку низового технического персонала из заключенных, всех разложившихся перевести на общие работы... Перевести все лагпункты на хозрасчет... В двухмесячный срок собрать всю валяющуюся древесину и вывезти оставшуюся на лесосеках...»⁷.

Через год начальника Темниковского лагеря А. Г. Израилева наградили боевым орденом за оружием за отличные успехи в работе, а нескольким десяткам заключенных даже выдали по костюму. Очевидно, все недостатки, выявленные шефом ГУЛАГА, были устранены? Увы, ларчик открывался просто — Темниковскому лагерю исполнилось 25 лет.

Осенью 1935 года согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 октября в НКВД, так же как и в армии, были введены специальные персональные звания. Своего гулаговского шефа Ягода произвел в комиссары госбезопасности 3 ранга, что примерно соответствовало нынешнему генерал-лейтенанту.

Из постановления ЦИК СССР от 14 июля 1937 года: «За выдающиеся успехи в деле строительства канала Москва — Волга награждать... орденом Красная Звезда: 1. Берман М. Д. — начальника строительства (ранее награжденного орденом Ленина)»⁸.

Контингент ГУЛАГА, уже накопивший определенный опыт «каналостроительства», возводил и канал Москва — Волга. И здесь основной рабочей силой были заключенные. Для них Берман создал Дмитровский исправительно-трудовой лагерь с разветвленными структурами и обширными подразделениями. Дмитлаг возглавил уже известный нам «беломоростровец» С. Г. Фирин. Ему было присвоено звание старшего майора госбезопасности, что соответствовало по тем временам армейскому воинскому званию комдив. Руководство же всем гигантским строительством Берман возложил лично на себя.

К середине 1937 года канал был построен. 4 июля на совместном заседании СНК СССР и ЦК ВКП(б) был заслушан доклад М. Д. Бермана об окончании строительства и принято постановление: «...Открыть канал Москва — Волга для пассажирского и грузового движения с 15 июля 1937 года»⁹. По странному стечению обстоятельств именно в этот день с ведома Бермана был арестован и новый начальник Дмитровского лагеря комиссар госбезопасности 3 ранга З. Б. Кацнельсон. Ему было предъявлено обвинение в том, «что в контрреволюционных целях засорял аппарат НКВД контрреволюционными элементами...»¹⁰. Позже его расстреляли.

Однако на самом деле строительство до конца завершено не было. Ровно год спустя, 5 июля 1938 года, Н. И. Ежов подписал «строгий» приказ об окончании «делоделок» по каналу Москва — Волга уже как нарком внутренних дел и нарком водного транспорта.

В 30-е годы правительство возлагало на НКВД множество различных строительных задач, в частности строительство и эксплуатацию шоссейных дорог. В феврале 1936 года нарком обязал Бермана построить к концу года автомагистраль Москва — Киев, а к следующему — Москва — Минск. Сроки были невиданно короткими. Но Берман справляется, выполняет любое задание руками заключенных: он создает специальные лагеря в Калуге и Вязьме, укомплектовывает их необходимой рабочей силой, усиливает охрану, во главе ставит проверенных чекистов.

Из предвыборной листовки по выдвижению Бермана кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР в 1937 году: «С приходом в органы НКВД Николая Ивановича Ежова тов. Берман становится его заместителем и верным соратником по выкорчевыванию врагов народа — троцкистско-бухаринских фашистских наемников, шпионов, диверсантов, вредителей»¹¹.

Новый «наркомвнудел» Н. И. Ежов начал свою работу с реорганизации структур наркомата и перетряски кадров. Многие соратники Ягоды по его приказу оказались в подвалах Лубянки. Но Бермана он назначил своим заместителем, повысив таким образом статус начальника ГУЛАГА.

Берман активно «корчует» затаившихся врагов народа и создает для них все новые и новые лагеря. По подписанному им нарядам ГУЛАГА сотни эшелонов с «врагами народа» непрерывно следовали в «места не столь отдаленные».

Однако через полгода Берман расстался с чекистской службой. Новым шефом ГУЛАГА стал дивиндент И. И. Плинер, достойный продолжатель дела Бермана. А Берман со свойственной ему энергией развивает активную деятельность на новом поприще наркомом связи. Со второй половины 1936 года Наркомат связи стал как бы местом ссылки для высокопоставленных

⁵ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. — М., 1934. — С. 51.

⁶ Приказ НКВД СССР от 10 сентября 1934 г.

⁷ Приказ НКВД СССР от 17 апреля 1935 г.

⁸ Красная звезда. — 1937. — 15 июля.

⁹ Красная звезда — 1937. — 5 июля.

¹⁰ Определение ВК ВС СССР № 4н-06151-57 г.

¹¹ ГАРФ, ф. 7523, оп. 1, д. 222, л. 3.

чинов НКВД перед их уничтожением. Сначала сюда перевели одного из заместителей Ягоды — Г. Е. Прокофьева, а затем это ведомство возглавил и сам Ягода. Но Берман смысла своего назначения, видимо, не осознает или, может быть, пытается не верить в неизбежный роковой финал.

С чекистской пронизательностью Берман старается проникнуть во все дела наркомата. И «вникает» очень быстро. Уже 3 октября 1937 года на совещании в НКВД новоиспеченный нарком связи докладывает, что «вредительство проводилось Рыковым, Жуковым, Полонским, Ягодой и бандой их приспешников, заседавших в целом ряде важнейших предприятий наркомата и возглавлявших значительное количество краевых и областных управлений связи...». Далее он делает комплимент бывшим коллегам по работе, подчеркивая, что «вредительство это вскрыто органами наркомвнудела при почти полном безучастии самих работников наркомата связи и его периферии...»¹².

Берман доволен собой — в числе сталинских наркомов он вершит суд над людьми. В декабре 1937 года его избирают депутатом Верховного Совета СССР от Елецкого избирательного округа. Неудавшийся коммерсант добивается того, что удается лишь очень немногим — достигает высот власти. В марте 1938 года Берман созывает всесоюзное совещание руководителей работников связи, где выступает с обширным докладом. Основная мысль — выявление оставшихся «вредителей».

Берман продолжал настойчиво наводить «порядок» в системе связи. В октябре 1938 года под его руководством были разработаны обширные планы по ликвидации последствий вредительства по всем отраслям. Но они так и остались невыполненными. 24 декабря люди с Лубянки пришли с ордером на арест и к Берману. Оказалось, что и он вредил.

Следствие длилось два месяца. Берман сознался во всех «преступлениях», вписанных в протоколы допроса его бывшими коллегами. 7 марта 1939 года «корчеватель» и «ликвидатор» предстал перед Военной коллегией Верховного суда. Приговор был однозначным: высшая мера уголовного наказания — расстрел, который привели в исполнение в тот же день...

Из обвинения, предъявленного М. Д. Берману Военной коллегией Верховного суда СССР 7 марта 1939 года: «... признан виновным в том, что с 1933 г. являлся участником антисоветской террористической организации, действовавшей в органах НКВД... По заданию Ягоды организационно сохранял заговорщические кадры от разоблачения и проводил вредительство в системе ГУЛАГа по линии строительства

канала Москва — Волга... Создал там террористическую группу и готовил теракты против руководства ВКП(б) и Советского правительства...»¹³.

В октябре 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла решение о полной реабилитации шефа «архипелага ГУЛАГ» Матвея Давыдовича Бермана. При этом, очевидно, забыли учесть, что в лагерях, созданных им, погибли тысячи невинных людей.

Примечания

Кашнелсон Зиновий Борисович (1892-1938), в годы гражданской войны начальник Особых отделов армий и фронтов, заместитель наркома внутренних дел УССР, заместитель начальника ГУЛАГа — начальник Дмитровского ИТЛ. Комиссар госбезопасности 2 ранга. В ВЧК с 1918 г. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Коган Лазарь Иосифович (1889-1939), помощник начальника войск ОГПУ, первый начальник ГУЛАГа, начальник Беломорстроя, заместитель наркома лесной промышленности СССР. В РККА с 1918 г., затем в органах ОГПУ. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Плинер Израиль Израилевич (1896-1939), заместитель начальника, затем начальник ГУЛАГа. Организатор выявления «контрреволюционного элемента» в системе лагерей. Дивинтендант. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Трилессер Мейер Абрамович (1883-1940), устанавливал Советскую власть в Сибири, директор Госполитохраны Дальневосточной республики, заместитель председателя ОГПУ, потом на государственной и партийной работе, член ВЦИК. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Фирин Семен Григорьевич (настоящая фамилия Фирин-Пупко, 1898-1937), старший майор госбезопасности. Участник гражданской войны, работал в Разведуправлении штаба РККА и в контрразведывательном отделе ОГПУ. С 1932 г. начальник Белбалтлага, потом Дмитлага и одновременно заместитель начальника ГУЛАГа. Расстрелян без суда «в особом порядке». Реабилитирован посмертно.

Френкель Нафталий Аронович (1883-1960), генерал-лейтенант инженерно-технической службы. Заведующий производственным отделом Соловецкого лагеря особого назначения, начальник работ Беломорстроя, начальник БАМлага, начальник Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД — МВД СССР.

Ягода Генрих Григорьевич (настоящее имя и отчество Иегуда Генах Гиришевич, 1891-1938), генеральный комиссар госбезопасности. Заместитель председателя и председатель ОГПУ, нарком внутренних дел СССР, нарком связи СССР. Один из главных организаторов репрессий против советского народа и массовых «чисток» в РККА. В ВЧК с 1920 г. Репрессирован. Не реабилитирован.

Майор Н. Г. СЫСОЕВ

¹² ЦГАЭР, ф. 3527, оп. 4, д. 757, л. 4.

¹³ Надзорное производство ГВП № 26571-56 г.

Ушел из жизни Иван Абрамович Вязанки, бывший заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала». Активный участник Великой Отечественной войны, талантливый журналист и писатель, Иван Абрамович внес большой вклад в освещение военной истории Отечества.

Слева направо: Гитлер,
Гиммлер, Борман, Вольф.

Фото из журнала
«Пари матч»
(Франция)

**МАРТИН
БОРМАН:**

**«УМРЕМ
С НАШИМ
ФЮРЕРОМ...»**

КЛЮЧ К РАЗГАДКЕ ТАИНСТВЕННОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ДОВЕРЕННОГО ЛИЦА АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

Бесследное исчезновение в мае 1945 года начальника личной канцелярии и одновременно заместителя А. Гитлера по национал-социалистической партии Мартина Бормана породило множество различных слухов и догадок. По одной из недавно получивших распространение версий, Мартин Борман являлся советским разведчиком и выполнял в годы войны особо важное задание наших спецслужб.

Мифы, связанные с именем некогда могущественного «партайгеноссе» Бормана, сохранявшего верность фюреру до последнего дня его жизни и сумевшего, судя по всему, искусно замести следы, рано или поздно будут развеяны. Ключом к разгадке преступного механизма власти гитлеровского режима может послужить публикуемый ниже документ — дневник М. Бормана. В нем с немецкой пунктуальностью отражены основные и, надо думать, важнейшие события жизни Бормана,

начиная с 1 января 1945 года до момента его исчезновения 1 мая того же года. При этом нельзя не обратить внимания на особенности, имеющие первостепенное значение. Записи носят исключительно служебный характер, что позволяет буквально по часам проследить деятельность особо доверенного соратника Гитлера в последние дни «третьего рейха». При этом автор дневника называет имена конкретных людей, с которыми встречался и беседовал на завершающем этапе бесславно проигранной войны. В большинстве своем это высшие чины «третьего рейха». Даже самая малозначительная информация о них, их послевоенных судьбах способна пролить дополнительный свет на тайну исчезновения Бормана, унесшего с собой многие секреты фашистской империи.

Не исключено, что публикуемый документ явится тем недостающим звеном, которое поможет написать еще одну страницу истории второй мировой войны.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
товарищу СТАЛИНУ И. В.

При этом направляю Вам копию дневника Мартина Бормана — начальника канцелярии Гитлера и помощника Гитлера по руководству национал-социалистской партией.

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР
Л. БЕРИЯ

К о п и я
Секретно

Д Н Е В Н И К

Мартина Бормана — начальника канцелярии Гитлера,
помощника Гитлера по руководству национал-социалистской партией

Фамилия и адрес: М. Борман, Оберзальцберг
Берхтесгаден 2443, или Берлин
Телефон: 117411

При несчастных случаях
сообщать: Мюнхен 70261 или Бланкензее
Мекл. 66.

ГЛАВНАЯ СТАВКА ФЮРЕРА
АДЛЕРХОРСТ**Понедельник 1 января**

Обед фюрера с Герингом, Кейтелем, М[артином] Б[орманом]*, Рундшtedтом, Шерфом, Деницем, Йодлем, Риббентропом, Бургдорфом, Гудерианом и Шпеером.

Рудель получил бриллианты к золотому «Рыцарскому кресту».

Вторник 2 января

Риббентроп у фюрера, после этого он был у М. Б.

Среда 3 января

В 13.00 состоялось совещание у М. Б. с доктором Геббельсом, доктором Науманном, Шпеером, Зауэром и Ганценмюллером по вопросу мобилизации в армию рабочих и служащих военной промышленности и имперской железной дороги.

После обеда совещание у фюрера.

Четверг 4 января

Шпеер и Зауэр у фюрера, после них Ганценмюллер.

Пятница 5 января

Рейхсмаршалу [Герингу] приказано явиться к фюреру по вопросу воздушной войны, М. Б. — на доклад к фюреру.

Воскресенье 7 января

Вечером в 22.00 отъезд М. Б. на автомашине в Мюнхен.

Сильные неоднократные атаки с воздуха на Мюнхен.

В 8 часов должен прибыть в Мюнхен.

Утром был у Фегелейн.

Вторник 9 января

М. Б. был у жены и детей в Оберзальцберге.

Среда 10 января

После обеда было совещание с Клопфером, Фридрихсом и Хуммелем. Затем состоялась беседа с руководителем гитлеровской молодежи Аксманом.

Четверг 11 января

Осмотр всех шахт. Беседа М. Б. с Х. Шепком.

Пятница 12 января

М. Б. беседовал с Вайнгартом, Прейссом и доктором фон Хуммелем. Ужин с Вайнгартом, Иозефом, фрейлейн Зальберхан, фрейлейн Функ, фрейлейн Лазетской, фрау Треземер, фрейлейн Бауридль, доктором Штольцем, доктором фон Хуммелем, Мюллербихом, Постом, Шпеером, 1 рейдером и др.

Суббота 13 января

После обеда М. Б. был с женой и детьми в Рейнхалле для осмотра грибного хозяйства (шампиньоны) садовника Фольмарка.

Вечером М. Б. беседовал с партийным товарищем Трейшем.

Утром большевики перешли в наступление.

Воскресенье 14 января

Посещение тети Хескен.

Понедельник 15 января

Ввиду большого наступления на Востоке — 16.30 отход поезда фюрера в Берлин, прибытие его 16.1 в 11.30.

М. Б. должен ждать в Оберзальцберге.

Четверг 18 января

(18.10) 19.10 отъезд... в Берлин. Я и жена были вместе с Евой Браун, фрау Фегелейн и Бредовом.

Пятница 19 января

Прибыл в Берлин в 14.55. Пополудни жена уехала в Штольпе.

Суббота 20 января

В полдень — положение на Востоке становится все более и более угрожающим. Нами оставлена область Вартенау. Передовые танковые части противника находятся под Катовицами.

Вечером, в 22 часа, жена вернется из Штольпе.

БЕРЛИН

Воскресенье 21 января

В 13.00 М. Б. с Тербовеном на докладе у фюрера. После этого — беседа с Ламмерсом.

В 15 часов прием Квислинга фюрером с Ламмерсом, М. Б. и Тербовеном.

Вечером с женой у Фегелейн.

Понедельник 22 января

В 15 часов продолжение совещания фюрера с Тербовеном, Квислингом, Ламмерсом и с М. Б.

* Далее по тексту дневника М. Б. — Мартин Борман.

Вторник 23 января

Совещание фюрера с Риббентропом, М. Б., Ламмерсом, Кейтелем, Йодлем, Деницем и рейхсмаршалом [Герингом].

Пятница 26 января

Утром, в 4 часа, жена и шофер Кинкель уезжают из Берлина. В 15 часов они будут в Мюнхене, в 16 часов они выезжают из Мюнхена, в 20 часов они будут в Оберзальцберге.

Повторная беседа М. Б. с Грейзером.

Воскресенье 28 января

После обеда была беседа фюрера с Квислингом, Ламмерсом, Риббентропом и М. Б.

Понедельник 29 января

15.15-16.20. Сейсс и М. Б. были у фюрера.

Утром состоялась беседа М. Б. с фон Хуммелем.

Вторник 30 января

В полдень М. Б., как обычно, был на коротком докладе у фюрера. После обеда был доктор Науманн на докладе у фюрера.

Вечером — доктор Лей.

В 19.15 фюрер обратился к немецкому народу.

Среда 31 января

Утром русские танки были под Гроссеном. Они переправились через Одер между городами Кюстрин и Врицен.

Четверг 1 февраля

Утром состоялся разговор М. Б. с партийцем Штеером.

Вечером фюрер принял Штеера и назначил его гаулейтером.

Пятница 2 февраля

В полдень М. Б. имел беседу с генералом Рейнеке и в 18.00 с Аксманом, позже — с фон Хуммелем.

Суббота 3 февраля

В первой половине дня сильный налет на Берлин (пострадали от бомбардировок: новая имперская канцелярия, прихожая квартиры Гитлера, столовая, зимний сад и партийная канцелярия).

Бои за переправы на Одере.

От бомбардировки пострадал фасад партийной канцелярии.

Понедельник 5 февраля

Беседа с Ширахом относительно Грейслера.

В 14.45 бомбардировка. Подвергались бомбардировкам гор. Филяр (4 раза), Зальцбург (5 раз), Регенцбург, Штраубург, Штраупштейн, Роденхайм и др.

Вечером после беседы о положении М. Б. беседовал с Ламмерсом и Сейссом у фюрера, затем имел беседу с Геббельсом.

Вторник 6 февраля

День рождения Евы Браун.

В 13.15 беседа доктора Геббельса и доктора Ламмерса с М. Б.

Вечером у М. Б. был Кальтенбруннер.

Среда 7 февраля

Беседа фюрера с гаулейтером Кохом, Гудерианом и Венком. После этого он беседовал с обергруппенфюрером Вольфом.

Вечером М. Б. был с рейхсфюрером СС у Фегелейн. Беседа и ужин.

После этого встреча с Евой Браун и Фегелейн.

Четверг 8 февраля

Пополудни беседа М. Б. с графом Геслером и штандартенфюрером Бехером, затем с Бургдорфом о службе безопасности.

Ночью был приглашен вместе с Геслером, Шпеером, Фегелейн и фюрером к Еве Браун.

Пятница 9 февраля

Полдень. Наступление противника на г. Веймар.

Вечером отъезд Евы Браун и фрау Фегелейн.

Суббота 10 февраля

Обед у Фегелейн с рейхсфюрером СС Гиммлером и генералом Бургдорфом. После обеда беседа с Гиммлером, затем с Ламмерсом.

Ужин с Гиммлером, Зеппом, Дитрихом, Бергером и Фегелейн.

После ужина состоялась беседа.

Воскресенье 11 февраля

Утром М. Б. беседовал с Кальтенбруннером.

Понедельник 12 февраля

То же самое.

Вторник 13 февраля

Вместе с Фегелейн М. Б. был в лагере Майбах-Цоссен у полковника Стрейве.

Поздно вечером и ночью были сильные налеты на центр Дрездена.

Среда 14 февраля

В полдень М. Б., как обычно, на докладе у фюрера.

Четверг 15 февраля

В полдень снова налет на Дрезден.

После обеда М. Б. вел беседу с Куммдом, Ламмерсом, а после них с Кальтенбруннером.

Пятница 16 февраля

М. Б. имел разговор с партийными товарищами Фридрихсом и Клопфером.

Суббота 17 февраля

Беседа М. Б. с Рудером, Ламмерсом и Аксманом.

Воскресенье 18 февраля

Беседа М. Б. с доктором Хуммелем, доктором Шмидтом и Рудером относительно общей связи.

Вечером М. Б. поехал в Цоссен.

Понедельник 19 февраля

С Фегелейн в лагере Цоссен.

Вторник 20 февраля

Мюллер и два служащих службы госбезопасности уехали на север.

М. Б. был утром в партийной канцелярии, имел беседу с Фридрихсом, Вальхенхорстом, Цандером, Клопфером, Шмидтом и Реммером.

Среда 21 февраля

Мюллер вернулся с севера. Беседа с Мюллером в лагере Цоссен, позднее с Цандером.

Сильные дневные налеты на Вену, Эрфурт, Нюрнберг.

ГЛАВНАЯ СТАВКА ГИТЛЕРА**Четверг 22 февраля**

В полдень М. Б. был у фюрера, после обеда у фюрера был Форенф. Беседа М. Б. с доктором Науманном, Рудером, Фридрихсом.

Пятница 23 февраля

Беседа М. Б. с адмиралом Фоссом, Клопфером, доктором Шталем, Ламмерсом.

Вечером был вместе с Банке-Рикке и Клопфером.

Суббота 24 февраля

В 14.00 рейхслейтеры, гаулейтеры, связанные офицеры были у фюрера в имперской канцелярии. Поздравление по поводу вручения немецкого ордена Константину Хирлю, которому 24 февраля исполнилось 70 лет.

Обед — выступление фюрера.

Вечером, с 20.00 до ночи, у Геббельса, приглашение по поводу семидесятилетия Хирля.

Воскресенье 25 февраля

Сильные дневные налеты на Линц и Мюнхен. Вечером Фегелейн и Бургдорф на ужине у М. Б.

Понедельник 26 февраля

Сильный налет на Берлин. Второе попада-

ние в партийную канцелярию (сильное). Беседа с обергруппенфюрером Штайне. Рейхсминистр Барке и гос[ударственный] секретарь Рикке у фюрера на докладе по вопросу сокращений.

Вторник 27 февраля

Пополудни беседа М. Б. с Бургдорфом относительно ген[ерала] фон Хильфена. Беседа с Еном относительно Норвегии. В 16.30 беседа с доктором Леем. Вечером с Фегелейн и Беловом.

Тяжелые налеты на Аугсбург, Халле и Зальцбург.

Среда 28 февраля

Как и всегда, Цандер на докладе у фюрера о положении.

Четверг 1 марта

После обеда беседа М. Б. с обергруппенфюрером Прюнцманом, вечером с Зеппом, Дитрихом и Кальтенбруннером.

Пятница 2 марта

Утром интенсивные налеты на Магдебург, Дрезден, Хемниц, Плацеп и Кельн.

Утром имел разговор с партийцами Фридрихсом и Дотцлером.

Суббота 3 марта

Вместе с фюрером в штабах дивизий «Берлин» и «Деберитц». Англо-американцы в Нейсе и Крейфельде.

Русские под Кюзлином и Шлаве.

Воскресенье 4 марта

Беседа М. Б. с доктором Леем, Вернером, Лоренцем, адмиралом Фоссом и адмиралом Матиссом.

Снова с Леем. Доклад фюрера. Беседа со Шрудером.

Вечером с Фегелейн и Бургдорфом.

Глубокие прорывы в Померании. Танки под Кольберг-Шлаве-Дранбургом.

На западе остался только один плацдарм.

Понедельник 5 марта

Утром новый сильный налет на Хело Ниц.

Вторник 6 марта

Утром беседа М. Б. с доктором фон Хуммелем. Доклад фюрера, беседа с Ламмерсом, Шмидтом и Реммером.

Хуммель в Дрездене у фрау Хампитцш.

М. Б. с супругами Фосс и Пумас.

Среда 7 марта

М. Б. утром был в бане.

В 16.30 М. Б. имел беседу с доктором Гласмайером и Флорианом.

После этого беседа М. Б. с доктором Норманном.

Вечером Ева Браун уехала курьерским поездом в Берлин.

Четверг 8 марта

Утром беседа М. Б. с Клопфером, Фридрихсом, Мюллером и Цандером.

Англичане вступили в Кельн.

Русские в Альтдаме.

Пятница 9 марта

Утром беседа с Хуммелем, который приехал из Штольпе. Беседа фюрера с Кессельрингом, Мантойфелем и Хюбнером. Беседа М. Б. с Фрейлингом, Цандером и др.

Суббота 10 марта

Беседа М. Б. с Рудером, Эберленом, Хевелем, Гайгером. Беседа М. Б. с Деницем.

М. Б. ежедневно на докладе у фюрера.

Воскресенье 11 марта

Полдень — беседа М. Б. с Гайгером и доктором Леем.

15.50 — М. Б. на докладе у фюрера.

16.00 — беседа с Ламмерсом, Ширахом,

доктором Хафнером и гл[авным] гос[ударственным] прокурором по вопросу народного суда.

Вечером М. Б. у генерала Винтера, Буле, полковника Полека и т. д. в казино.

Понедельник 12 марта

Полдень — беседа М. Б. со Шмидтом, Реммером, Гайгером, Кейтелем, штурмбаннфюрером Цандером и доктором Траттом.

Вторник 13 марта

М. Б. ежедневно имеет беседы с Гайгером, Бургдорфом у фюрера.

Вечером с профессором Бухнером у фюрера.

В 22.00 — налет скоростных бомбардировщиков на Берлин.

Первое крупное попадание в министерство пропаганды.

Среда 14 марта

Беседа М. Б. с Рудером, фрау Форстер, с фельдмаршалом Кейтелем, доктором Павлицким, Мюллером.

Вечером беседа с обергруппенфюрером Франком.

Четверг 15 марта

Утром М. Б. вылетает на «Кондоре» в Зальцбург (мыс Бетц).

Беседа с доктором Хуммелем.

Пятница 16 марта

Беседа М. Б. с Шенком и Бредовом, в Оберзальцберге с фрейлейн Иозефа.

Суббота 17 марта

На приеме у фюрера Кауфман и Дениц.

М. Б. посещает шахты Гутсхов, Дюррен.

Полдень — визит фрау Хапке.

Воскресенье 18 марта

М. Б. осматривает шахты и т. д.

Понедельник 19 марта

В 17.00 М. Б. выезжает из Зальцбурга через Мюнхен в Берлин.

В 1.50 ночи с Форстером у фюрера до 3.30, затем тревога.

Налет на Хаген, Цоссен в 5.30.

Вторник 20 марта

С Фегелейн в бане.

Пополудни беседа М. Б. с партийными товарищами Фридрихсом, Швербенном и Гайгером.

Среда 21 марта

М. Б. с докладом у фюрера, затем беседа с Клопфером.

Четверг 22 марта

В 13.00 беседа М. Б. с Байблингером. Беседа с Вальхенхорстом, Ламмерсом, Шюттом, Гайгером, профессором Блашке.

Пятница 23 марта

Беседа М. Б. с Вальхенхорстом, Гайгером, Цандером, гауптштурмфюрером Экхардом.

Суббота 24 марта

Полдень, первое наступление с юга (Италия) на Берлин. При благоприятной погоде утром в 3.00 наступление у Везеля. В 15.00 М. Б. с гаулейтером Кохом у фюрера.

Беседа М. Б. с Павлицким, Вальхенхорстом, Штайнакером, доктором Шмидтом и Реммером.

Воскресенье 25 марта

С Фегелейн в бане.

На докладе у фюрера с Зацкелем.

Танки у Атафафенбурга.

Понедельник 26 марта

Беседа с генералом авиации Шумахером.

Дебаты с генералом фон Хенглом.

Полдень — беседа М. Б. с рейхсфюрером СС Гиммлером.

17.00 — беседа с Заукелем.

Так как Цаубер болен, то М. Б. принимает участие в обсуждении положения.

Вторник 27 марта

Утром беседа с Хингельфельдом, Вальхенхорстом, Хуммелем. Обсуждение положения.

Вечером беседа с Буле относительно транспорта.

Среда 28 марта

9.45 — беседа с генералом Иреке относительно проблем транспорта.

Полдень — обсуждение положения с Ренбергом, Вальхенхорстом.

Беседа с доктором Леем по вопросу добровольного корпуса «Адольф Гитлер», с доктором Кальтенбруннером и др.

Танки в Варбурге (Гиссен).

Четверг 29 марта

Передовые танки в Корбахе.

Артобстрел Рехнитца (Штеймарк).

Положение на юго-востоке очень напряженное.

Беседа М. Б. с генералом Рейнеке, Леем, адмиралом Матиссом. Обсуждение положения.

Вечером — с Аксманом. Гудериан уволен.

Пятница 30 марта

М. Б. беседует с гросс-адмиралом Деницем. Обсуждение положения.

Доктор Дитрих отстранен Гитлером.

Пополудни танки у Бекерунгена (Безор).

Ночью танки у Герцфельда.

Суббота 31 марта

Беседа М. Б. с Гайгером, Мюллером. Обсуждение положения.

Разговор по телефону с фрау Шольц.

Вечером Кребс, Шорф, Буле собираются у М. Б.

Воскресенье 1 апреля

Беседа М. Б. с партийными товарищами Фридрихсом, Кейтелем, Руйкдейшедем. Обсуждение положения.

Артиллерийский обстрел города Эйзенаха.

Русские танки под Виниер-Нойштадтом.

Понедельник 2 апреля

Утром беседа с капитаном Аксманом.

Вечером — враг прорвался в Тюре около Унтермасфельде, в Кертель, Эйзенах и Тенар.

Вторник 3 апреля

Беседа с Штюром и крейслейтером Кернером. Обсуждение положения.

Среда 4 апреля

Беседа М. Б. с Аксманом. Обсуждение положения.

Беседа с Зюндерманом.

Четверг 5 апреля

Большевики под Веной.

Англо-американцы в Тюрингской области. Они наступают у Лангензальце, Майнингена.

Беседа с Цандером.

Суббота 7 апреля

Вечером Кребс, Винте, Бургдорф, Майзель и Венк у М. Б. Обсуждение положения.

Воскресенье 8 апреля

Беседа М. Б. с инженером Лести. Обсуждение положения.

Беседа фюрера с Кауфманом и фельдмаршалом Бушем.

Понедельник 9 апреля

Беседа М. Б. с Фридрихсом.

После обеда — беседа фюрера с гаулейтером Кейфером, с М. Б., Йодлем и генералом Винтером.

Вечером — беседовал с обергруппенфюрером Франком, после этого велась беседа с Хюпнером относительно Кейтеля.

Вторник 10 апреля

Беседа М. Б. с фрау Шотц-Клинг.

Беседа М. Б. с генералом Венком.

Беседа М. Б. с Вальхенхорстом и Гессом.

Беседа М. Б. с Клопфером.

Среда 11 апреля

День помолвки.

Беседа М. Б. с Лаутенбахером и Эггелингом.

Танки противника под Магдебургом, Гросс-Отерслебеном, Камбургом, Аккеном, Шайнбеком (на р. Эльбе).

Четверг 12 апреля

Беседа М. Б. со Шмидтом и Реммером.

Доклад фюреру. Обсуждение положения.

Вечером был, как обычно, Кессельринг, состоялась длительная беседа.

Рузвельт умер.

Пятница 13 апреля

Беседа М. Б. с Герландом, Мейцнером, Хильденфельдом, Вальхенхорстом.

Танки противника под Захузенном (на р. Эльбе), Виттенбергом, под Штенделсом и Тангермюндером.

Танки противника ворвались в города Дортмунд и Кетвик, Гуммерсбах и Арнсберг.

Танки противника под Магдебургом, Нортхаузенном, Краусталь-Халле, Цейцем, Заальфельдом и Клонаухом.

Суббота 14 апреля

Наш Кренци У **

Противник захватил Раусформвальд, Кальбе, в Гарце — Гюнтерберг, Хозенштайн, Эрнцталь, Конах, Штейнах, Банберг-Вильтбальт и Раштат.

Вечером наступление на Потсдам.

Заместитель гаулейтера Мейцнера погиб.

Воскресенье 15 апреля

Беседа М. Б. с Рекманном.

После обеда по поручению фюрера вел беседу с Евой Браун, доктором Мальцем и доктором Штумфгагером относительно дела профессора Брандта.

Положение ночью.

М. Б. остался в Берлине.

Враг занял города Арнхайм, Кеттен, Андриасберг (в Гарце), Хеммиц, Мееране, Бернек, Байройт, Бюль (Баден).

Понедельник 16 апреля

Враг занял города Леверкузен, Ишлон, Миттрайда, Гриммтшау, Байда, Шемтц, Эрланген и Оффенбург (Баден).

Большие бои на Одере.

Среда 18 апреля

Большие бои на Одере.

Обед с генералом Кребсом и Хильбартом.

Вечером — прибытие Бредова.

Четверг 19 апреля

Большие бои на Одере.

Пятница 20 апреля

День рождения фюрера, но, к сожалению, настроение не праздничное.

Приказан отлет передовой команды в г. Зальцбург.

Суббота 21 апреля

Утром улетели Путткамк и его люди.

После обеда начался артиллерийский обстрел Берлина.

Воскресенье 22 апреля

Фюрер остается в Берлине.

Вечером Шернер прибыл в Берлин.

Вторник 24 апреля

Генерал Вейдлинг будет назначен комендантом г. Берлина.

** У — знак рождения. — Ред.

Среда 25 апреля

Геринг исключен из партии.

Первое массированное наступление на Оберзальцберг.

Берлин окружен.

Пятница 27 апреля

Гиммлер и Йодль задерживают подбрасываемые для нас дивизии.

Мы будем бороться и умрем с нашим фюрером — преданные до могилы.

Другие думают действовать из «высших соображений», они жертвуют своим фюрером. Пфу, какие сволочи! Они потеряли всякую честь.

Наша имперская канцелярия превращается в развалину.

Мир сейчас висит на волоске***

Союзники требуют от нас безоговорочной капитуляции — это значило бы изменить Родине.

Фегелейн деградирует — он пытался бежать из Берлина, переодетый в гражданский костюм.

Воскресенье 29 апреля

Второй день начинается ураганным огнем. В ночь с 28 на 29 апреля иностранная пресса сообщила о предложении Гиммлера капитулировать.

Венчание Адольфа Гитлера и Евы Браун.

Фюрер диктует свое политическое и личное завещание.

Предатели Йодль, Гиммлер и генералы оставляют нас большевикам.

Опять ураганный огонь.

По сообщениям противника, американцы ворвались в Мюнхен.

30.4.45 года

Адольф Гитлер ^{****}

Ева Г. (Гитлер)

Вторник 1 мая

Попытки прорваться из окружения.

Публикацию подготовил

В. А. ЛЕБЕДЕВ,

кандидат исторических наук

**** — знак смерти. — Ред.

Последние дни «третьего рейха».

Фото из германских архивов

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ И ПОУЧИТЕЛЬНЫХ ПРИМЕРАХ

(ЭПОХА ЕКАТЕРИНЫ II)

ФЕЛЬДМАРШАЛ Румянцев как-то утром встретил на территории своего лагеря у одной из палаток майора в домашнем халате и колпаке. Тот хотел скрыться, но главнокомандующий взял его под руку и, разговаривая о пустяках, повел по лагерю, выставив на всеобщее обозрение. Офицер был готов сквозь землю провалиться. В довершение всего фельдмаршал завел майора в свой шатер, где в присутствии свиты генералов угостил чаем, и лишь затем отпустил, так и не сделав замечания.

* * *

ФЕЛЬДМАРШАЛ П. А. Румянцев был весьма умеренно честолюбив и дальновиден. Когда взойшла звезда любимца царицы Потемкина, он, «сделавшись больным», в 1789 году передал тому свою армию. Не стал Румянцев спорить славою и с честолюбивым и азартным на военные дела Суворовым. В польском походе 1794 года, помогая ему войсками и снабжением, Румянцев писал в письме к нему: «Ваше сиятельство всегда были ужасом для поляков и турок, и вы горите всякий раз нетерпением и ревностью, где только о службе речь есть... Ваше имя одно, и предварительное объявление о вашем походе подействуют на неприятеля и тамошних обывателей больше, нежели многие тысячи».

* * *

ОТ ОЙДЯ от военных дел и уединившись в селе близ Киева, Румянцев предпочитал читать и удить рыбу. Однажды любопытные посетители, приехавшие взглянуть на прославленного фельдмаршала, не смогли отличить его от других людей. «Вот он я, — сказал с улыбкой герой Ларги и Кагула. — Наше дело — города пленить да рыбку ловить».

В деревне Румянцев богато обставил свой дом, но держал в нем и простые дубовые стулья. «Если великолепные комнаты, — говорил он своим соседям, — внушают мне мысль, что я выше кого-

либо из вас, то пусть эти простые стулья напоминают, что я такой же человек, как и вы».

* * *

ПОДПИСАНИЕ в 1783 году Георгиевского трактата, по которому Россия брала под свое покровительство Грузию, было с воодушевлением встречено грузинским народом. В Тифлисе, писал Г. А. Потемкину его посланник полковник Бурнашев, «народный маскарад ходил по улицам, все вообще жители и самые престарелые беспрестанно при биении в бубны плескали руками, и кажется, что народ день ото дня представляет себе в новых видах свое благоденствие».

Во дворце Ираклия II был дан торжественный обед, сопровождавшийся пушечной пальбой. За здоровье Екатерины II был произведен 101 выстрел, членов российской императорской фамилии — 51 выстрел, царя Ираклия — 51 выстрел, членов его царской семьи — 31 выстрел.

* * *

ПРИБЫВ в Дунайскую армию, А. В. Суворов, тогда молодой генерал, получил от фельдмаршала Румянцева небольшой отряд и вскоре осадил турецкий город Туртукай. Перед штурмом города вдруг от Румянцева пришел приказ возвращаться назад, но горячий Суворов слушался — и взял Туртукай. Румянцев хотел строго наказать его за своеволие, но за смелого генерала вступилась Екатерина II. «Победителей не судят», — решила она. Так взойшла звезда Суворова.

* * *

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ талант Суворова-полководца сочетался у него с веселым нравом и остроумием.

«Ваша светлость! В городе пруссаки!» — встревоженно сообщил ему офицер-разведчик. «Они-то нам и нужны!» — воскликнул Суворов, бросаясь в атаку.

«Заманивай, заманивай!» — кричал Суворов побежавшим от сильного противника солдатам, чтобы сначала успокоить их, а потом повернуть назад.

«Надо бы сосчитать противника», — беспоко-

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 11; 1993. — № 1.

ились в штабе. «Мы пришли, чтобы бить неприятеля, а не считать его», — отвечал Суворов.

Суворову советовали атаковать противника, пока тот не подтянул резервы. Он ответил: «Пусть собираются все, сразу всех и побьем».

* * *

СУВОРОВ хвалил любознательных солдат и много знающих офицеров, а отвечавших «Не могу знать» терпеть не мог. Приехав в один из полков, он стал экзаменовать офицеров. Те отвечали достойно, а лучше других показал себя поручик Ртищев. Но затем вышла неожиданность. Когда Суворов спросил Ртищева: «Что такое ретирада?» — то услышал в ответ: «Не могу знать». Фельдмаршал хотел было рассердиться, но офицер продолжал: «В нашем полку слово «ретироваться» никто не знает, а вот как наступать, все знаем, полк-то суворовский». «Ай да Ртищев, ай да полк!» — обрадовался главнокомандующий.

* * *

ВЕЛИКИЙ Суворов никогда не шествовал, а стремительно ходил, не ездил верхом, а скакал; во дворцах боялся скользкого паркета, перебегал из угла в угол; не жалел насмешек над царедворцами, за что часто впадал в немилость; сторонился женщин, говорил: «От них мы потеряли рай»; ходил в трескучие морозы в одном мундире; хлебал солдатские щи да кашу; учил войска, «как идти, где атаковать, гнать и бить».

* * *

ПОСЛЕ взятия в 1790 году Измаила, считавшегося ранее неприступным, Суворов приехал к Г. Потемкину, и тот встретил его с распростертыми объятиями. «Чем могу наградить тебя, Александр Васильевич?» — спросил он. Уважая Потемкина, Суворов все же ответил с самолюбием: «Кроме Бога и матушки государыни, меня никто другой наградить не может». Но не менее самолюбив был и Потемкин, фаворит императрицы, и Суворов не получил за Измаил ожидаемого им звания фельдмаршала, оставшись генерал-аншефом.

* * *

ЛЮБИМЫМ конем Суворова был Мишка, которого ему подарили донские казаки. Конь был смелый и надежный, на нем Суворов брал Рымник и Измаил. Но Мишке не повезло: его ранило в ногу, и, хотя лекари пулю извлекли, Мишка остался хромым. Суворов отправил его не в обоз, а к себе домой, в имение Кончанское, и сообщил старосте письмом, что конь «за верную службу переведен в отставку и посажен на пенсию». Старосте предписывалось в ежемесячных докладах Суворову сообщать, как живет-ся Мишке «на пенсии».

* * *

КОГДА в 1794 году Екатерина направляла в Польшу войска для усмирения беспорядков, командовать ими она назначила Суворова. Довольная выбором, она говорила всем: «Я направляю в Польшу двойную силу — армию и Суворова».

Действуя с соблюдением гуманности, но решительно, Суворов вскоре взял Варшаву и послал Екатерине лаконичный рапорт: «Всемиловнейшая государыня, ура! Варшава наша!» Екатерина ответила еще короче: «Ура, фельдмаршал Суворов!» Генерал-аншефу Суворову особенно понравилось второе из этих трех слов.

* * *

У СУВОРОВА и Григория Потемкина были неровные отношения: каждый ревновал к славе другого. Но они умели и ценить друг друга, порою шуточно говоря об этом. Потемкину принадлежит каламбур: «Суворова никто не пере-суворит». В свою очередь князь Итальянский и граф Рымникский говорил с улыбкой, что Потемкин был «великий человек и человек великий: велик умом, велик и ростом, не походил на того французского посла в Лондоне, о котором канцлер Бэкон сказал, что чердак обыкновенно худо мебелируют».

*Публикацию подготовил
полковник Н. Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,
кандидат философских наук*

«МНОГОМУДРЫЕ КОММУНИСТЫ», «ПРОДУВНЫЕ МУЛЛЫ» И «ИСКУССТВО ВОСТОЧНЫХ ДИПЛОМАТОВ»

21. 1. 1923 г.

Дорогой
Иосиф Виссарионович!

Поздравляю тебя еще с одной автономией! 15/1 в ауле Урус-Мортан, что 24 [ерсты] от [города] Грозный, на съезде представителей аулов (по 5 человек) от аула чеченского народа при торжественной обстановке провозглашена автономия Чечни. Выезжали в Чечню Микоян, Буденный, Левандовский и я. Впечатление: чеченцы, как все горцы, не хуже, не лучше. Муллы пользуются неограниченным влиянием, являясь единственной культурной силой. Свое положение служителя аллаха используют со всем искусством восточных дипломатов. Население пребывает в первобытной темноте и страхе «божием». Наши велеречивые и многомудрые коммунисты, работавшие и работающие в Чечне и Горреспублике, по-моему, ничему не научились и не могли ничему научить. Расслоение, «опора на бедняцкие элементы», «борьба с муллами и шейхами» и пр[очие] прекрасно звучащие вещи служили удобной ширмой для прикрытия своего убожества и непонимания, как подойти к разрешению стоящих на очереди вопросов.

После наших (официальных) выступлений, говорив-

ший главмулла заявил, что он от имени всего чеченарода приносит сердечную благодарность Высш[им] Орг[анам] Сов[етской] вл[асти], и выразил свои пожелания (требования), сводящиеся к следующему:

1. Нужно организовать такую власть, которая будет служить народу, а не обворовывать его.

2. Немедленно, беспощадными мерами ликвидировать бандитизм, воровство и разбой.

3. Разрешить сформировать в достаточном количестве чечмилицию.

4. Допустить существование шариатских судов.

Вот основные требования «страшных» мулл. Ввиду позднего времени и обширности собрания, мы предложили выдать делегацию в 150-200 человек и вместе с нами отправиться в Грозный для более детального обсуждения практических вопросов, связанных с автономией.

Было опасение, что этот импровизированный съезд будет состоять из одних мулл и купцов, но у нас выбора не было. Нам нужно было самим обсудить положение. Съехалось до 400-450 человек вместе с гостями.

Выборных больше 200, из них:

муллы — 35 человек,
купцы 70,
землеробы 140.

Решение национальных вопросов в нашей стране тема особая. Она еще ждет своего правдивого и полного освещения. В этой связи, думается, представляет интерес публикуемый документ — письмо И. В. Сталину К. Е. Ворошилова, являвшегося в 1923 году членом Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

Я считаю, что состав этого совещания вполне удовлетворителен.

Заправилами, как нужно было ожидать, были муллы. До тех пор, пока мы не создадим в Чечне кадры преданных, знающих Чечню и ей знакомых работников, придется иметь дело с муллами.

Муллы народ продувной и не много нужно, чтобы их забрать под свое влияние. Дураки только могут верить в возможность проведения в Чечне всяческих «расслоений», «влиятельный через бедноту» и пр[очую] чепуху.

Конечно, беднота, как и везде, имеется и в Чечне. Но, в первых, в Чечне патриархально-родовые отношения сохранились почти в полной мере, а, во-вторых, всякий бедняк муллу и святого почитает во сто раз больше, чем кулака (кулак уже грамотный, а то и образованный), и, кроме того, муллы-то и всякого рода святые живут и жиреют за счет бедноты.

(Подпись
К. Е. ВОРОШИЛОВА)

Публикацию подготовили
Л. Х. КАЗАКОВА,
В. С. ЛЕБЕДЕВА

ФОРМА ОДЕЖДЫ - МУНДИР ОТЕЧЕСТВА

Парадная форма одежды
Донских казачьих частей в 1907–1917 гг.

1 — погон нижних чинов 4-го Донского казачьего графа Платова полка; 2 — погон нижних чинов 1-го Донского казачьего генералиссимуса князя Суворова полка; 3 — ворот и обшлаг мундира; 4 — кокарда нижних чинов; 5 — рядовой казак; 6 — нагайка; 7 — казачья шашка.

Художник В. Н. БОЛТЫШЕВ

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В первом полугодии 1993 года цена одного экземпляра нашего журнала для подписчиков установлена 18 руб., во втором полугодии — 70 руб. Индекс 70137.

Плата за прием подписки и доставку назначается почтой.

Часть тиража реализуется по свободной цене.

В случае возникновения затруднений в оформлении подписки

сообщите в редакцию или издательство по телефонам: 296-45-08, 941-39-52.

Индекс 70137

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2 1993

1-96

18р.

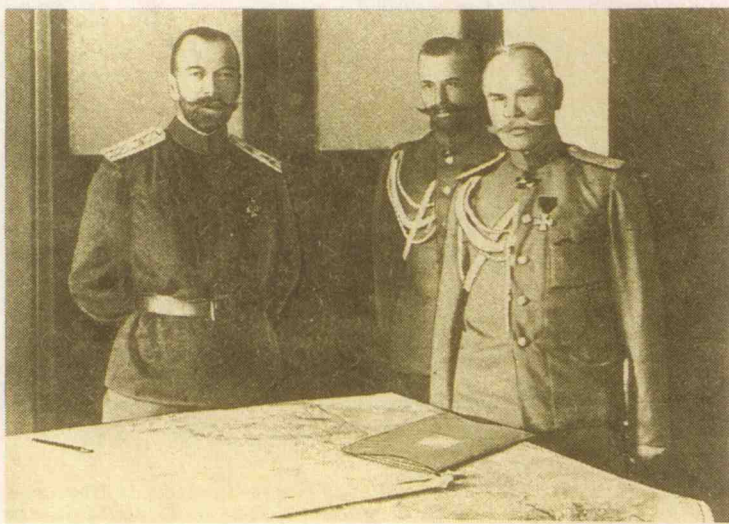
● Атака конницы.

Художник Н. С. САМОКИШ

Приближается 80-летие начала первой мировой войны, трагические последствия которой требуют дальнейшего изучения и глубокого осмысления. «Военно-исторический журнал» в 1993 году публикует отрывки из парижского издания 1939 года фундаментального социологического исследования видного военного ученого русского зарубежья генерал-лейтенанта Н. Н. Головина «Военные усилия России в мировой войне», походный дневник военного министра Временного правительства генерал-майора русской армии, а впоследствии комбрига Красной Армии А. И. Верховского «Россия на Голгофе», не издававшиеся ранее письма, дневниковые записи и документы из аргентинского архива начальника штаба Ставки, а после отречения от престола императора Николая II и Верховного главнокомандующего русской армией генерала от

инфантерии М. В. Алексеева. Во втором полугодии 1993 года будут напечатаны «Материалы германского имперского архива», в

которых подробно излагаются основные события, происшедшие на русско-германском фронте в 1914 году.

● Могилев. Ставка Верховного главнокомандующего русской армией. Николай II, генерал-квартирмейстер Ставки М. С. Пустовойтенко и начальник штаба Ставки М. В. Алексеев. 1916 год.

Фото из аргентинского архива генерала М. В. Алексеева